

АВЕРИН С.В.

**В ТЕНИ ДРАКОНА: КИТАЙСКАЯ ЛОВУШКА
ДЛЯ РОССИИ**

**Самиздат
2025**

АННОТАЦИЯ

Пока Москва празднует углубление стратегического партнёрства с Пекином, Китай методично реализует стратегию превращения России в ресурсный придаток и geopolитический буфер — стратегию, основанную на конфуцианской иерархии, легистском pragmatизме и терпении, измеряемом десятилетиями. Фактически, экономическая зависимость от Китая нарастает с каждым годом, демографическая пустота Дальнего Востока заполняется китайским присутствием, а технологическая пропасть делает разрыв этих связей всё более невозможным без катастрофических последствий для российской государственности. Книга философа, политолога и общественного деятеля Аверина С.В. — это системная попытка без иллюзий проанализировать истинные китайские интересы в отношении России и предложить комплексную стратегию сохранения суверенитета: от экономической диверсификации и заселения восточных территорий до geopolитического маневрирования и создания противовесов китайскому влиянию. Окно возможностей стремительно сужается — через 10-15 лет при сохранении текущих тенденций Россия рискует окончательно утратить стратегическую автономию, сохранив лишь формальные атрибуты независимости.

ABSTRACT

While Moscow celebrates the deepening of its strategic partnership with Beijing, China is methodically implementing a strategy to turn Russia into a resource appendage and geopolitical buffer—a strategy based on Confucian hierarchy, Legalist pragmatism, and patience measured in decades. In fact, economic dependence on China is growing every year, the demographic void of the Far East is being filled by the Chinese presence, and the technological gap makes it increasingly impossible to sever these ties without catastrophic consequences for Russian statehood. The book by philosopher, political scientist, and public figure S.V. Averin is a systematic attempt to analyze China's true interests in Russia without illusions and to propose a comprehensive strategy for preserving sovereignty: from economic diversification and settlement of eastern territories to geopolitical maneuvering and the creation of counterweights to Chinese influence. The window of opportunity is rapidly narrowing — in 10-15 years, if current trends continue, Russia risks losing its strategic autonomy completely, retaining only the formal attributes of independence.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аннотация.....	2
Предисловие.....	4
Часть I. Китайская геополитическая стратегия: философия долгосрочного планирования и прагматический баланс интересов	
Глава 1. Философские основы внешней политики Китая.....	10
Глава 2. Исторический контекст: «век унижений» и возрождение величия... <td>25</td>	25
Глава 3. Что Китаю нужно от России: ресурсная база и стратегический Буфер.....	37
Глава 4. Россия как краткосрочный актив и долгосрочная перспектива.....	49
Часть II. Стратегия выживания: как России избежать китайской ловушки	
Глава 5. Осознание проблемы — первый шаг к решению.....	62
Глава 6. Экономическая диверсификация — разорвать порочный круг зависимости.....	74
Глава 7. Демографическая и пространственная политика: битва за территорию.....	86
Глава 8. Технологическая независимость и инновации: битва за будущее в условиях настоящего.....	98
Глава 9. Геополитическое маневрирование: искусство балансирования на краю зависимости.....	109
Глава 10. Военно-стратегическая безопасность и институциональные реформы: последний рубеж обороны.....	118
Глава 11. Асимметричные стратегии и нестандартные подходы: когда слабый ищет трещины в броне дракона.....	129
Глава 12. Практические шаги и дорожная карта: от стратегии к действию..	138
Заключение.....	147
Библиография.....	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный Китай представляет собой феномен, который невозможно постигнуть через призму западной политической логики. Действительно, его дипломатическая стратегия напоминает игру в го, где победа достигается не прямым штурмом, а постепенным окружением, терпеливым созданием сильных позиций и расчётом на десятилетия вперёд. В отличие от привычной европейской шахматной модели международных отношений с её фронтальными атаками и явными комбинациями, китайский подход строится на принципиально иной философской основе: там, где Запад видит противоречие, Пекин видит временное состояние баланса, требующее тонкой настройки.

Парадокс это или закономерность, но именно сейчас, в эпоху обостряющихся глобальных противоречий, китайская дипломатия демонстрирует поразительную гибкость. Фактически Китай одновременно поддерживает диалог с Россией и Украиной, укрепляет экономические связи с Европой и готовится к долгосрочному противостоянию с Соединенными Штатами, инвестирует в африканские государства и прокладывает новый Шелковый путь через Евразию. Тем не менее это не хаотичное метание между различными векторами, а тщательно выверенная стратегия, основанная на глубинных культурно-философских кодах китайской цивилизации.

Конфуцианство и легизм — вот два столпа, на которых зиждется вся современная внешняя политика Китайской Народной Республики. Здесь имеется в виду не музейное знание древних текстов, а живая практическая философия, определяющая логику принятия решений на самых высоких уровнях власти. Конфуцианская модель мира как иерархически организованной системы, где каждый субъект занимает строго определенное место в зависимости от своего статуса и силы, полностью согласуется с представлениями Пекина о желаемом мировом порядке. В некотором смысле Китай считает себя не просто одним из полюсов многополярного мира, а естественным центром цивилизационного притяжения, к которому должны стремиться другие государства.

Легизм привносит в эту картину элемент жёсткого прагматизма и инструментального отношения к любым нормам. Очевидно, что для китайского руководства международное право, гуманитарные принципы, декларируемые ценности — всё это инструменты для достижения национальных целей, не более того. Аналогично и с внутренней политикой, где закон служит не защите прав личности, а укреплению государства, а внешняя дипломатия оперирует категориями выгоды, баланса сил и долгосрочного позиционирования. В отношении международного партнёрства китайская сторона исходит из предельно чёткого расчёта: что конкретно даёт это взаимодействие сейчас и какие позиции оно создаёт на перспективу.

Крайне важно понимать, что в традиционной китайской философии практически отсутствует концепция гуманизма в европейском понимании этого слова. Между тем это не делает китайскую цивилизацию менее развитой — просто она строится на иных основаниях. Там, где западная традиция ставит во главу угла индивида с его неотъемлемыми правами, китайская мысль концентрируется на гармонии целого, на правильном функционировании системы, в которой человек является элементом более крупной структуры. Естественно, подобная философская установка определяет и внешнеполитическое поведение: Пекин не руководствуется соображениями международной солидарности, защиты слабых или продвижения универсальных ценностей. Его действия подчинены логике национальных интересов, понимаемых предельно широко — как создание условий для возвышения Китая и постепенного распространения китайской модели развития.

На самом деле нынешняя китайская стратегия многовекторности — это не проявление неопределённости или слабости. Скорее, это сознательный выбор в пользу сохранения максимальной свободы манёвра в условиях формирующегося нового мирового порядка. Сейчас Китай находится в уникальной исторической точке: он уже достаточно силён, чтобы влиять на глобальные процессы, но ещё недостаточно могуществен, чтобы открыто бросить вызов существующей системе международных отношений, построенной вокруг американской гегемонии. Китайское руководство прекрасно осознаёт промежуточность своего положения и действует соответствующим образом: наращивает потенциал, избегает преждевременной конфронтации, терпеливо выстраивает альтернативные институты и механизмы влияния.

Ситуация с российско-украинским конфликтом весьма показательна для понимания китайской дипломатической игры. Пекин демонстрирует поистине виртуозное балансирование: формально заявляет о нейтралитете и уважении территориальной целостности всех государств, на практике поддерживает российскую экономику за счёт расширения торговли и предоставления технологических решений, одновременно сохраняет полноценные отношения с Киевом и избегает действий, которые могли бы привести к введению против него западных санкций. Другими словами, Китай извлекает максимум выгоды из сложившейся ситуации, не принимая на себя репутационных издержек полноценного союзника.

Тем не менее было бы наивно интерпретировать эту позицию как проявление гуманности или стремления к справедливому миру. По всей видимости, китайская сторона руководствуется сугубо прагматическими соображениями: углубление экономического сотрудничества с Россией в условиях ее частичной изоляции от Запада создает выгодную асимметрию в двусторонних отношениях. Фактически Москва становится младшим партнером, зависимым от китайских технологий, инвестиций и рынков сбыта. В некотором смысле это идеально вписывается в конфуцианскую

модель иерархических отношений, где более слабая сторона признает превосходство более сильной и выстраивает свое поведение соответствующим образом.

Россия представляет для Китая совершенно определённую ценность, и эта ценность измеряется вполне конкретными категориями. Во-первых, это колоссальные природные ресурсы — энергоносители, металлы, лес, вода, плодородные земли. Для ресурсоёмкой китайской экономики, стремящейся обеспечить устойчивое развитие на десятилетия вперёд, доступ к российским ресурсам имеет стратегическое значение. Например, долгосрочные контракты на поставку газа и нефти позволяют Пекину диверсифицировать энергетическую безопасность и снизить зависимость от морских путей, контролируемых американским флотом. Во-вторых, Россия — это обширный рынок сбыта для китайских товаров, причём рынок, который в условиях санкций становится всё более открытым для китайской продукции, вытесняющей западные аналоги.

В-третьих, и это, вероятно, не менее важно, Россия выполняет функцию своеобразного буфера и отвлекающего фактора в глобальном противостоянии Китая и США. Пока американские стратеги озабочены ситуацией в Восточной Европе, поставками оружия Украине и сдерживанием России, внимание к Индо-Тихоокеанскому региону неизбежно ослабевает. Китайское руководство получает дополнительное время и пространство для укрепления своих позиций в Южно-Китайском море, давления на Тайвань и расширения влияния в Юго-Восточной Азии. Подобно тому, как в древнекитайской стратегии использовался приём «наблюдать за схваткой тигров с горы», современный Пекин извлекает выгоду из противостояния других игроков.

Однако было бы крайне наивно полагать, что Китай рассматривает Россию как долгосрочного равноправного партнёра или стратегического союзника в западном понимании этого слова. В основном китайская элита смотрит на Россию через призму исторической перспективы, и эта перспектива показывает государство с сокращающимся населением, устаревающей инфраструктурой, экономикой, зависящей от экспорта сырья, и весьма неопределенным политическим будущим. Китайские стратеги прекрасно понимают, что нынешняя российская политическая система персонализирована и после неизбежной смены поколений может претерпеть значительные изменения. Весьма вероятно, что Пекин уже сейчас выстраивает сценарии взаимодействия с постпутинской Россией — будь то дальнейшее сближение с Западом, внутренняя фрагментация или переход в состояние фактического китайского протектората.

Именно поэтому китайская политика в отношении России строится по принципу «полезно здесь и сейчас, но не навсегда». Пекин активно развивает торгово-экономические связи, но избегает создания институтов, которые могли бы связать ему руки в будущем. Китайские инвестиции в российскую экономику значительны, но они сосредоточены в основном в добывающих

отраслях и инфраструктуре, то есть в тех сферах, которые обеспечивают доступ к ресурсам и логистическим коридорам. При этом передача критически важных технологий остаётся весьма ограниченной — Китай не заинтересован в создании технологически самодостаточного конкурента на своих северных границах.

Более того, необходимо отметить, что китайское присутствие на российском Дальнем Востоке и в Сибири постепенно, но неуклонно расширяется. Это не военная экспансия и не политическое давление — скорее, мягкое экономическое и демографическое проникновение. Китайский бизнес арендует сельскохозяйственные земли, строит перерабатывающие предприятия, развивает приграничную торговлю, создаёт логистические узлы. Граждане Китая всё активнее присутствуют в приграничных регионах — как предприниматели, рабочие, студенты. В некотором смысле происходит постепенная экономическая интеграция этих территорий в китайское экономическое пространство, и этот процесс может иметь необратимые последствия в долгосрочной перспективе.

Принципиально важно понимать, что для китайской стратегической мысли характерно восприятие времени как ресурса, с которым нужно уметь обращаться. Очень часто западные аналитики критикуют Китай за медлительность, нерешительность и нежелание занимать четкую позицию. На самом деле это осознанная стратегия: не торопить события, позволить ситуации развиваться, вмешиваться точечно и только тогда, когда это действительно необходимо. В отличие от американской дипломатической культуры с ее стремлением к быстрым результатам и демонстративным жестам, китайский подход строится на терпении и готовности ждать десятилетиями.

Китайское экономическое чудо последних четырёх десятилетий следует рассматривать именно в этом контексте — не как самоцель, а как инструмент накопления национальной мощи для достижения геополитических целей. Конечно, повышение уровня жизни населения, модернизация производства, технологический рывок имеют самостоятельную ценность. Тем не менее в системе приоритетов китайского руководства экономика всегда была и остается средством укрепления государства и расширения его влияния. Богатый Китай — это сильный Китай, способный диктовать условия партнёрам, привлекать союзников инвестициями и кредитами, создавать зоны экономической зависимости.

Инициатива «Один пояс — один путь» весьма показательна в этом отношении. Формально она позиционируется как проект взаимовыгодного экономического сотрудничества, развития инфраструктуры и торговли. Фактически же это глобальная стратегия создания китаецентричной системы экономических связей, логистических коридоров и политических обязательств. Страны, получающие китайские кредиты на строительство портов, железных дорог, электростанций, постепенно попадают в долговую зависимость и вынуждены учитывать интересы Пекина в своей внешней

политике. Например, случай со Шри-Ланкой, которая передала Китаю в аренду на 99 лет стратегически важный порт Хамбантота из-за невозможности обслуживать долг, стал хрестоматийным примером «дипломатии долговых ловушек».

Есть основания полагать, что конечная цель китайской большой стратегии — создание иерархического мирового порядка с Китаем во главе, в котором другие государства занимают подчинённое положение в зависимости от своей полезности и лояльности центру. Фактически это означает возрождение в новых формах традиционной китайской системы «тянъся» (Поднебесная), в которой Срединная империя была естественным центром цивилизации, а окружающие народы признавали её превосходство и платили дань в обмен на покровительство. Естественно, в XXI веке эта модель обретает современные формы: экономические соглашения, технологическая зависимость, инфраструктурные проекты, культурное влияние через институты Конфуция и СМИ.

Процесс, который можно условно назвать медленной ассимиляцией, идёт по нескольким направлениям одновременно. Экономическое измерение мы уже рассмотрели. Культурное влияние осуществляется через распространение китайского языка, популяризацию китайской культуры, создание положительного образа Китая в мировых СМИ. Технологическое — через продвижение китайских стандартов связи (5G, 6G), цифровых платформ, систем социального кредита, технологий распознавания лиц и больших данных. Политическое — через интеграцию в международные организации, создание параллельных институтов (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС), продвижение собственных норм и правил игры.

Принципиальная особенность китайского подхода заключается в его последовательности и радикальности при внешней мягкости форм. Пекин не навязывает свою модель с помощью военной силы или открытого идеологического противостояния. Скорее, он создаёт условия, при которых принятие китайских правил становится экономически выгодным, технологически необходимым и политически целесообразным. Это стратегия соблазнения и постепенного втягивания, а не прямого принуждения. Тем не менее за этой мягкостью форм скрывается железная воля к достижению поставленных целей и готовность действовать крайне жёстко, когда затрагиваются ключевые интересы — достаточно вспомнить политику в отношении Тибета, Синьцзяна, Гонконга.

Можно с уверенностью сказать, что следующие два десятилетия станут критическими для определения контуров будущего мирового порядка. Китай находится в фазе максимального динамизма: экономика продолжает расти высокими темпами, технологическое отставание от Запада сокращается, демографическая ситуация хоть и ухудшается, но еще не критична, политическая система стабильна и способна мобилизовать ресурсы. Вопрос в том, успеет ли Китай воспользоваться этим окном

возможностей для создания необратимого стратегического преимущества или же внутренние проблемы и внешнее противодействие затормозят его развитие.

Для России этот вопрос имеет самое непосредственное значение. По сути, наша страна находится в положении, когда китайский вектор становится всё более важным в условиях конфронтации с Западом. Однако иллюзии относительно природы этих отношений крайне опасны. Китай не является союзником России в смысле партнёра, готового разделить риски и издержки. Китай — прагматичный контрагент, который будет сотрудничать ровно до тех пор и ровно в той мере, в какой это отвечает его национальным интересам. Более того, структурный дисбаланс в двусторонних отношениях нарастает: российская экономика всё больше ориентируется на экспорт сырья в Китай и импорт китайских товаров, увеличивается технологическое отставание, усиливается демографический дисбаланс в приграничных регионах.

Логично утверждать, что именно понимание философских основ китайской политики позволяет адекватно оценивать её действия и прогнозировать будущие шаги. Пекин не мыслит категориями краткосрочной тактической выгоды или эмоциональной солидарности — он выстраивает многоуровневую стратегию на поколения вперёд. Весьма характерно, что китайские лидеры регулярно апеллируют к концепции «китайской мечты» и «великого возрождения нации» — речь идёт не о сиюминутных достижениях, а о восстановлении исторической справедливости, о возвращении Китая на то место в мировой иерархии, которое он занимал на протяжении большей части человеческой истории.

Следует подчеркнуть: недооценка китайской стратегической культуры и попытки анализировать действия Пекина через призму западных или российских концептуальных рамок ведут к систематическим ошибкам в прогнозировании и выстраивании ответных стратегий. Китай играет в свою игру, по своим правилам, и успех взаимодействия с ним напрямую зависит от способности понять эти правила и учитывать их в собственной политике. Для России это означает необходимость трезвого, лишённого иллюзий подхода к китайскому вектору — использовать открывающиеся возможности, но при этом чётко осознавать ограничения и риски углубляющейся зависимости от экономического гиганта, чьи долгосрочные интересы далеко не всегда совпадают с российскими.

ЧАСТЬ I. КИТАЙСКАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ФИЛОСОФИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Любая попытка понять современную китайскую дипломатию без обращения к философским корням обречена на провал. Западные аналитики, воспитанные на традициях вестфальской системы и рационального выбора, часто недоумеваются: почему Пекин действует столь непоследовательно, на первый взгляд противореча собственным декларациям? Между тем, эта кажущаяся непоследовательность становится абсолютно логичной, если рассматривать китайскую внешнюю политику не как набор тактических решений, а как воплощение тысячелетних философских традиций, которые продолжают определять мировоззрение китайской элиты даже в XXI веке.

Фактически, современный Китай представляет собой уникальный синтез трёх философских традиций, каждая из которых вносит свой вклад в формирование стратегического мышления. Конфуцианство задаёт представление о естественной иерархии и месте Китая в мировом порядке, легизм предоставляет инструменты достижения целей без моральных ограничений, даосизм учит терпению и непрямыми методами достижения победы. Эти три потока мысли не противоречат друг другу в китайском сознании, а дополняют, создавая сложную, многослойную систему принятия решений, которую западному наблюдателю порой весьма трудно расшифровать.

В предыдущих главах мы рассмотрели исторические траектории развития российско-китайских отношений, экономические основы современного взаимодействия и институциональные рамки сотрудничества. Однако все эти элементы невозможно адекватно интерпретировать без понимания глубинных мотивов, движущих китайской стороной. Именно поэтому данная глава посвящена философскому фундаменту, на котором выстраивается вся внешнеполитическая архитектура Поднебесной.

Конфуцианство: иерархия как естественный порядок

Конфуцианская традиция доминировала в китайской политической мысли более двух тысячелетий, и её влияние не исчезло даже после коммунистической революции. Более того, в последние десятилетия наблюдается явное возрождение конфуцианских идей в официальной риторике КПК. Это возвращение к традиционным ценностям, впрочем, никоим образом не является простой ностальгией — оно тщательно инструментализировано для легитимации современной власти и обоснования притязаний Китая на глобальное лидерство.

В основе конфуцианского мировоззрения лежит представление о естественной иерархии всего сущего. Мир понимается как система концентрических кругов, в центре которой находится Китай — Поднебесная, Срединное государство (中国, Чжунго). Это самоназвание весьма показательно: оно отражает не просто географическое положение, а глубоко укоренённое убеждение в том, что Китай занимает центральное, главенствующее положение в мировом порядке. Как справедливо отмечал в своих работах Генри Киссинджер, для китайских правителей на протяжении веков существовал не «баланс сил», а «иерархия добродетели», где Китай естественным образом занимал вершину.

Ключевыми понятиями конфуцианской этики являются «ли» (礼, ритуал, правильное поведение) и «жэнь» (仁, человечность). Однако необходимо подчеркнуть, что эти категории радикально отличаются от западных аналогов. Конфуцианская «человечность» — это отнюдь не абстрактная любовь к ближнему в христианском смысле, не индивидуальные права и свободы в либеральном понимании. Это, скорее, знание своего места в социальной иерархии и поведение, соответствующее этому месту. Человечным считается тот, кто правильно исполняет свою роль: император правит с мудростью и благожелательностью, чиновник служит верно, сын почитает отца, младший уважает старшего.

Применительно к международным отношениям это означает весьма специфическое видение мирового порядка. Китай рассматривает глобальную систему не как сообщество суверенных равных государств, а как иерархическую структуру, в которой каждый актор должен занимать определённое место. Исторически эта система воплощалась в так называемых «даннических отношениях» (朝贡体系, система tributary relations), которые существовали вплоть до конца XIX века. Соседние государства — Корея, Вьетнам, Сиам, иногда даже Япония — признавали верховенство китайского императора, периодически направляя в Пекин посольства с дарами-данью. Взамен они получали торговые привилегии, защиту от внешних угроз, культурное влияние и легитимацию собственных правителей.

Важно понимать, что эта система не была чисто формальной. Она отражала глубинное убеждение в том, что китайская цивилизация представляет собой высшую форму культурного развития, а император — Сын Неба — является посредником между миром людей и космическим порядком. Варварские народы на периферии могли приобщиться к этой цивилизации только через признание центральной роли Китая. Российский синолог Леонид Переломов в своих исследованиях конфуцианства подчёркивал, что для китайцев «порядок в Поднебесной» означал не политическое господство в европейском смысле, а распространение культурного влияния и признание морального авторитета Срединного государства.

Современный Китай, разумеется, не требует формальной дани от соседей, однако психологический паттерн сохраняется в модифицированной форме. Пекин выстраивает отношения по принципу «центр — периферия», где сам видит себя естественным центром азиатского, а в перспективе и глобального порядка. Инициатива «Один пояс, один путь», например, фактически воссоздаёт систему концентрических кругов влияния с Китаем в центре. Страны, участвующие в этой инициативе, получают инвестиции, инфраструктуру, доступ к китайскому рынку — но взамен от них ожидается определённая лояльность Пекину, признание его интересов, поддержка в международных организациях.

Особенно показательна в этом контексте риторика о «сообществе единой судьбы человечества» (人类命运共同体), которую активно продвигает Си Цзиньпин. На первый взгляд, это звучит вполне прогрессивно и миролюбиво, практически в духе глобализма. Однако при более глубоком анализе становится понятно, что под этим понимается отнюдь не равноправное партнёрство, а иерархическая система с Китаем в роли старшего брата, задающего правила и направление развития. Аналогично традиционной конфуцианской семье, где старший несёт ответственность, но и обладает непререкаемым авторитетом.

В отношениях с Россией этот конфуцианский паттерн проявляется довольно отчётливо, хотя и в завуалированной форме. Официальная риторика говорит о «стратегическом партнёрстве», «всеобъемлющем взаимодействии», «отношениях нового типа». Между тем, фактически Пекин постепенно выстраивает асимметричную конструкцию, где Россия всё больше оказывается в положении младшего партнёра. Китайские инвестиции в российский Дальний Восток, энергетические контракты, торговый баланс — все эти элементы создают ситуацию растущей зависимости Москвы от Пекина. И это вполне естественно с точки зрения конфуцианской логики: Россия должна признать реальность — Китай сильнее экономически и динамичнее развивается, следовательно, ей необходимо принять соответствующее место в иерархии. И это место — не место лидера.

Впрочем, конфуцианская традиция предполагает, что старший в иерархии несёт ответственность за младших, должен проявлять к ним благожелательность и заботу. Китай действительно демонстрирует определённую лояльность к России, особенно в контексте противостояния с Западом. Однако эта лояльность имеет чёткие границы, определяемые собственными интересами Пекина. Китай поддерживает Россию ровно настолько, насколько это не вредит его собственным стратегическим целям и отношениям с другими акторами глобальной системы.

Конфуцианская модель мира также объясняет, почему Китай столь болезненно реагирует на любые попытки оспорить его позицию в региональной иерархии. ТERRиториальные споры в Южно-Китайском море, отношения с Тайванем, конфликты с Индией — все это не просто вопросы границ и ресурсов. Это вопросы символического признания центральной

роли Пекина. Уступить в этих спорах означает признать, что Китай — не центр системы, а один из многих игроков, что категорически неприемлемо с точки зрения глубоко укоренённого конфуцианского самосознания.

Легизм: pragmatism силы и строгий расчёт

Если конфуцианство определяет идеальную картину мироустройства, то легизм (法家, fǎjīā) предоставляет инструменты для достижения и поддержания этого порядка в реальном, весьма далёком от идеала мире. Легистская школа возникла в период Воюющих царств (V-III века до н.э.), когда Китай был раздроблен, а борьба за выживание требовала жёстких, порой жестоких методов управления. Именно легистские принципы помогли царству Цинь объединить Китай под единой властью в 221 году до н.э.

Легисты радикально отвергали конфуцианский морализм. Для них политика — это не область этики, а сфера холодного расчёта и применения силы. Основатели легизма — Шан Ян, Хань Фэй-цзы и другие мыслители — утверждали, что правитель не должен полагаться на добродетель и ритуалы. Единственное, что имеет значение, — это эффективность в достижении целей государства. Мораль, с точки зрения легистов, есть лишь инструмент манипуляции слабых; сильный же правитель должен руководствоваться исключительно рациональным расчётом выгоды.

Три основных принципа легизма — фа (法, закон), ши (勢, позиция силы) и шу (术, методы, техники манипуляции) — образуют систему, весьма напоминающую европейский макиавеллизм, но разработанную за полтора тысячелетия до Макиавелли. Фа предполагает установление строгих, чётко прописанных правил, которые применяются без исключений и без учёта личных обстоятельств. Ши означает использование своей позиции и обстоятельств для максимизации власти. Шу — это искусство скрытого управления, манипуляции, игры на противоречиях.

В классическом легистском тексте «Хань Фэй-цзы» содержится весьма циничное руководство для правителя. Идеальный государь, согласно этому трактату, должен быть непроницаемым, скрывать свои истинные намерения даже от ближайших советников, использовать награды и наказания как инструменты контроля, никому не доверять полностью, постоянно балансировать между различными группами влияния, чтобы ни одна не стала слишком сильной. Как отмечал Леонид Переломов в работе «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая», легизм — это «философия тотального недоверия», где даже семейные узы рассматриваются как потенциальная угроза власти.

После падения династии Цинь легизм был официально осуждён, конфуцианство стало государственной идеологией, однако легистские методы никогда не исчезали из практики китайского управления. Более того, они органично интегрировались в конфуцианскую систему, создав своеобразный гибрид: конфуцианская риторика для внешней легитимации и

легистские методы для реального управления. Эта двойственность сохраняется и в современном Китае, где Коммунистическая партия формально провозглашает социалистические ценности и «гармоничное развитие», но на практике применяет вполне легистские техники контроля, манипуляции и жёсткого прагматизма.

Применительно к внешней политике легистский подход означает абсолютный приоритет национальных интересов над любыми идеологическими соображениями или моральными принципами. Китай не связывает себя абстрактными обязательствами, не руководствуется концепциями справедливости или солидарности в западном понимании. Единственный критерий — что выгодно Китаю в данный момент и в долгосрочной перспективе.

Именно легистский прагматизм объясняет кажущиеся противоречия в китайской внешней политике. Пекин может одновременно риторически поддерживать Россию, критикуя «гегемонию США» и «однополярный мир», при этом продолжая активную торговлю с Соединёнными Штатами и избегая прямых конфронтаций. Китай может декларировать «стратегическое партнёрство» с Москвой, но воздерживаться от военной помощи в украинском конфликте, более того, использовать ослабление российских позиций для скупки активов по заниженным ценам. Это не лицемерие в западном понимании — это последовательная легистская стратегия максимизации выгоды при минимизации рисков.

Показателен пример с китайской позицией по украинскому кризису. Пекин формально придерживается нейтралитета, призывает к диалогу и мирному урегулированию, но фактически извлекает максимальную выгоду из ситуации. Россия, попавшая под западные санкции, вынуждена продавать энергоресурсы Китаю со значительными скидками. Европа, стремящаяся диверсифицировать поставки газа, наращивает закупки сжиженного природного газа, значительная часть которого идёт через китайских посредников. Запад, нуждающийся в китайском влиянии на Россию, делает уступки Пекину в других вопросах. Китайские компании заполняют нишу, оставленную западными корпорациями на российском рынке. Всё это абсолютно рационально с точки зрения легистской логики: зачем занимать чью-то сторону, если можно получать выгоду от всех участников конфликта?

Легистский подход также проявляется в китайской дипломатической практике. Пекин мастерски использует «стратегическую неопределённость», никогда не раскрывая полностью своих намерений. Китайские дипломаты могут давать весьма расплывчатые обещания, которые каждая сторона интерпретирует в свою пользу, при этом Китай сохраняет свободу маневра. Эта техника непрозрачности, описанная ещё в древних легистских трактатах, позволяет Пекину избегать жёстких обязательств, которые могли бы ограничить его возможности в будущем.

Весьма характерна и готовность Китая нарушать формальные правила, когда это выгодно. Вступив во Всемирную торговую организацию в

2001 году, Пекин формально принял её правила, однако на практике постоянно находит способы обходить неудобные обязательства. Государственные субсидии, принудительная передача технологий, манипуляции с валютным курсом — все эти инструменты продолжают применяться, несмотря на протесты торговых партнёров. С легиатской точки зрения, это абсолютно правильно: правила создаются для управления другими, а не для самоограничения. Сильный игрок использует правила, когда они выгодны, и игнорирует, когда они мешают.

Впрочем, легиат — это не только цинизм, но и рациональность. Легиатские мыслители подчёркивали важность трезвой оценки ситуации, отказа от *wishful thinking*, учёта реального баланса сил. Современный Китай демонстрирует именно такой подход: Пекин не торопится бросать вызов американской гегемонии напрямую, предпочитая терпеливо накапливать силы, расширять влияние в тех регионах, где присутствие США слабо, избегать преждевременных конфронтаций. Это не слабость, а расчёты, типично легиатская добродетель.

Даосизм и стратагемы: вода побеждает камень

Третий философский источник китайской стратегической культуры — даосизм — привносит в жёсткий легиатский прагматизм элемент гибкости и тонкости. Даосизм с его центральным принципом «у-вэй» (无为, недеяние) кажется полной противоположностью активистскому легиатству, однако в китайском стратегическом мышлении эти традиции органично дополняют друг друга.

У-вэй часто неправильно переводится как «бездействие» или «пассивность». На самом деле, это означает действие в соответствии с естественным ходом событий, минимальное применение силы для достижения максимального результата. Классическая даосская метафора — вода, которая мягко огибает препятствия, течёт по пути наименьшего сопротивления, но со временем точит самый твёрдый камень. Вода слаба по сравнению с камнем, однако именно она побеждает благодаря терпению и постоянству.

Основатель даосизма Лао-цзы в трактате «Дао дэ цзин» писал: «Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное». Это не призыв к покорности, а указание на превосходство гибкой стратегии над прямолинейным применением силы. Даосский мудрец не борется против обстоятельств, а использует их, направляя естественный ход событий в нужное русло минимальными усилиями. Эта философия глубоко укоренилась в китайской стратегической культуре, определяя предпочтение непрямых методов достижения целей.

Практическое воплощение даосской мудрости в политике и войне — знаменитые «Тридцать шесть стратагем» (三十六计), китайский трактат о военной и политической хитрости, окончательно сформировавшийся

примерно в XV веке, но обобщающий опыт более раннего периода. Швейцарский синолог Харро фон Зенгер, посвятивший изучению стратагем фундаментальный труд, отмечал, что для западного человека многие из этих приёмов кажутся просто обманом или коварством [15, 384 с]. Однако в китайской культуре использование хитрости не считается чем-то предосудительным — это, скорее, признак ума и искусности.

Рассмотрим некоторые стратагемы, особенно релевантные для понимания современной китайской внешней политики. Стратагема «Наблюдать за пожаром на противоположном берегу» (隔岸观火) предписывает не вмешиваться в конфликт противников, позволяя им ослабить друг друга, и лишь затем вступать в игру с позиции силы. Именно эту стратегию Китай применяет в отношении украинского конфликта: Пекин наблюдает за взаимным истощением России и Запада, не принимая ничьей стороны открыто, но извлекая экономические и геополитические выгоды из ситуации.

Стратагема «Убить чужим ножом» (借刀杀人) означает использование третьей стороны для устранения угрозы. Китай мастерски применяет эту технику, побуждая других акторов действовать в его интересах. Например, Пекин поощряет антиамериканские настроения в различных регионах мира, не выступая при этом открыто против Вашингтона. Северная Корея, несмотря на все риски, связанные с её непредсказуемостью, остаётся полезной для Китая именно потому, что отвлекает внимание и ресурсы США в Восточной Азии.

«Скрывать кинжал за улыбкой» (笑里藏刀) — стратагема демонстрации дружелюбия при подготовке враждебных действий. Китайская дипломатия часто использует мягкую риторику, подчёркивает стремление к сотрудничеству и взаимной выгоде, но за этим фасадом может скрываться жёсткий pragmatism и готовность действовать в ущерб партнёру, если это соответствует интересам Пекина. Российские политики и бизнесмены порой с удивлением обнаруживают, что дружественная риторика китайских коллег не мешает последним выбивать максимально выгодные условия в переговорах, фактически используя слабую позицию России.

Стратагема «Притвориться идиотом, не теряя равновесия» (假痴不癫) предполагает скрытие своих истинных возможностей и намерений, демонстрацию слабости или незаинтересованности. Китай долгое время следовал заветам Дэн Сяопина «скрывать свои возможности и выжидать своё время» (韬光养晦, tāoguāng yǎnghuì), избегая демонстрации растущей мощи, чтобы не провоцировать преждевременное противодействие со стороны США и их союзников. Лишь при Си Цзиньпине Пекин стал более открыто заявлять о своих амбициях, что, впрочем, свидетельствует об уверенности в достижении критической массы силы.

Даосская философия также объясняет китайское понимание времени в политике. Западные демократии, ограниченные электоральными циклами, мыслят краткосрочными периодами. Китайская система, напротив,

ориентирована на долгосрочное планирование. Пекин готов десятилетиями реализовывать стратегию, терпеливо ожидая момента, когда соотношение сил сложится благоприятным образом. Инициатива «Один пояс, один путь», например, рассчитана на несколько десятилетий — это постепенное, неспешное встраивание множества стран в китаецентричную экономическую систему.

Даосский принцип «мягкой силы» нашёл воплощение в китайской концепции «мирного возвышения» (和平崛起). Пекин подчёркивает, что его усиление не представляет угрозы, что Китай стремится к win-win сотрудничеству, к гармоничному развитию. Эта риторика призвана успокоить соседей, снизить опасения международного сообщества. Однако за мягкой оболочкой скрывается вполне жёсткая стратегия расширения влияния. Аналогично воде, которая кажется безобидной, но неумолимо размывает берега, китайская политика мягко, но настойчиво меняет региональный и глобальный баланс сил в свою пользу.

Сочетание даосской гибкости с легистским прагматизмом создаёт весьма эффективную стратегическую модель. Китай избегает прямых конфронтаций там, где соотношение сил неблагоприятно, но упорно продвигается в тех направлениях, где встречает слабое сопротивление. Пекин не объявляет открыто о своих намерениях установить гегемонию в Азии, но постепенно выстраивает инфраструктуру доминирования — экономическую зависимость соседей, военное присутствие в спорных водах, сети политического влияния.

Синтез традиций в современной стратегии

Конфуцианство, легизм и даосизм не существуют в китайском стратегическом мышлении раздельно — они образуют синтетическую систему, где каждый элемент дополняет другие. Конфуцианство определяет цель — восстановление Китая в качестве центра мирового порядка, легизм предоставляет методы достижения этой цели без моральных ограничений, даосизм учит терпению и использованию непрямых путей.

Этот синтез особенно ярко проявляется в эпоху Си Цзиньпина, который сознательно возрождает традиционную китайскую философию в качестве идеологической основы политики. Си регулярно цитирует классические тексты — Конфуция, Мэн-цзы, Лао-цзы — используя их авторитет для легитимации своей власти и стратегических решений. Одновременно в практической политике применяются вполне легистские методы жёсткого контроля, подавления диссидентов, манипуляции информацией.

«Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» (中国梦), провозглашённая Си Цзиньпином, — это, по сути, современная версия конфуцианской идеи восстановления естественного порядка, где Китай занимает центральное место. Однако достижение этой мечты предполагается

не через моральное превосходство в конфуцианском духе, а через накопление экономической и военной мощи, через легиатские методы принуждения и даосские стратегии обхода препятствий.

Российско-китайские отношения представляют собой весьма показательный пример применения этого философского синтеза. С одной стороны, Пекин выстраивает с Москвой отношения в конфуцианской логике иерархического партнёрства, где Россия постепенно занимает позицию младшего партнёра. С другой стороны, применяется легиатский прагматизм — поддержка оказывается ровно в той мере, в какой она выгодна Китаю, без сентиментальности и идеологических соображений. С третьей стороны, используются даосские методы — Пекин избегает прямого вовлечения в российские конфликты, позволяя событиям развиваться естественным путём, который ведёт к усилению китайских позиций.

События последних лет демонстрируют, насколько эффективна эта синтетическая стратегия. В то время как Россия увязла в конфликте на Украине, а Запад несёт издержки противостояния с Москвой, Китай спокойно наращивает экономическую мощь, расширяет влияние в Африке, Латинской Америке, Центральной Азии, укрепляет военные позиции в Восточной Азии. Пекин не спешит, не форсирует события, действует терпеливо и расчётильно — в полном соответствии с древними философскими заветами.

Важно отметить, что эти философские традиции не являются музеинными экспонатами — они живы в сознании китайской элиты. Многие высокопоставленные чиновники КПК получили классическое образование, изучали древние тексты, впитали традиционное мировоззрение. Даже если они не цитируют Конфуция явно, их мышление структурировано категориями иерархии, ритуала, прагматизма, стратегии. Это создаёт огромный разрыв в понимании между китайскими и западными политиками, которые мыслят в совершенно иных категориях — индивидуальных прав, демократии, международного права, морали в политике.

Западные аналитики часто ошибаются, пытаясь интерпретировать китайские действия через призму западных концепций — реализма, либерализма, конструктивизма. Между тем, китайская внешняя политика следует собственной логике, уходящей корнями в тысячелетние философские традиции. Понимание этой логики критически важно для адекватной оценки китайских намерений и прогнозирования поведения Пекина.

Россия, имеющая долгую историю взаимодействия с Китаем, тем не менее часто недооценивает глубину различий в стратегическом мышлении. Москва склонна проецировать на Пекин собственные представления о партнёрстве, солидарности, идеологической близости. Однако для Китая эти категории имеют совершенно иное значение. Партнёрство в китайском понимании — это не равноправие, а взаимодополняющая иерархия. Солидарность — не автоматическая поддержка, а расчётильное

сотрудничество там, где интересы совпадают. Идеология — не цель, а инструмент достижения национальных интересов.

Философия и практика: от теории к реальности

Критически важно понимать, что философские основы китайской политики — это не абстрактные теории, а вполне практические руководства к действию. Когда Си Цзиньпин цитирует Конфуция, это не риторическое украшение, а сигнал о конкретных политических намерениях. Когда китайские дипломаты используют стратегемы, это не культурная экзотика, а эффективные техники манипуляции.

Рассмотрим конкретные примеры применения философских принципов в современной практике. Строительство искусственных островов в Южно-Китайском море — это вполне легистское действие: Китай игнорирует международное право, решение арбитража в Гааге, протесты соседних стран, руководствуясь исключительно собственными интересами и используя своё преимущество в силе. Одновременно это даосская стратегия постепенного, неспешного изменения *status quo* — не через прямой военный захват, а через «мирное» строительство, которое создаёт факты на земле (точнее, на воде).

Экономическая политика Китая также отражает философский синтез. «Социалистическая рыночная экономика с китайской спецификой» — это, по сути, легистская модель, где государство жёстко контролирует стратегические отрасли, манипулирует рынком в национальных интересах, использует экономику как инструмент политики. При этом применяется даосская гибкость — допускается частное предпринимательство там, где оно эффективно, но в рамках, определённых государством.

Информационная политика Пекина представляет собой классический легистский контроль в сочетании с даосскими методами. «Великий китайский файрвол» жёстко ограничивает доступ граждан к нежелательной информации, система социального кредита отслеживает и наказывает отклонения от нормы. Однако при этом контроль осуществляется не грубо и открыто, а через сложные технологические системы, создающие иллюзию свободы при фактическом всеобъемлющем надзоре.

Во внешней политике философский синтез проявляется в концепции «мирного развития», которая сочетает конфуцианскую риторику гармонии с легистским прагматизмом и даосской стратегемой скрытия истинных намерений. Китай уверяет мир, что его усиление не несёт угрозы, что он стремится к взаимовыгодному сотрудничеству, что не собирается оспаривать существующий мировой порядок. Между тем, фактические действия Пекина — экономическая экспансия, военное строительство, создание альтернативных международных институтов — свидетельствуют о стратегии постепенного изменения этого порядка в свою пользу.

Отношения с Россией иллюстрируют, как философские принципы определяют конкретную политику. Конфуцианский подход предполагает выстраивание иерархии, где Китай — старший партнёр, задающий тон в отношениях. Легистский прагматизм диктует использование российской слабости для получения экономических выгод — дешёвой энергии, доступа к ресурсам, рынку. Даосская стратегия требует терпения — не торопиться с формальным закреплением зависимости, позволить процессу развиваться естественно, избегая преждевременной реакции со стороны России или третьих стран.

Показательна динамика российско-китайской торговли после 2014 года. Россия, попав под западные санкции, резко увеличила экономическую ориентацию на Китай. Пекин воспользовался ситуацией, но действовал осторожно, следя даосскому принципу минимального применения силы. Китайские компании получили доступ к российским активам, энергетические контракты заключались на выгодных для Китая условиях, юань постепенно вытеснял доллар в двусторонних расчётах. Всё это происходило без громких заявлений, без демонстрации давления — мягко, но неумолимо, подобно воде, размывающей берег.

События 2022 года — начало специальной военной операции России на Украине — поставили китайско-российские отношения перед серьёзным испытанием. Позиция Китая в этом кризисе идеально демонстрирует применение всех трёх философских традиций. Конфуцианская риторика подчёркивает «всеобъемлющее стратегическое партнёрство», осуждает «менталитет холодной войны» и «односторонние санкции». Легистский прагматизм определяет отказ от прямой военной помощи России и продолжение торговли с Западом. Даосская стратегема «наблюдать за пожаром на противоположном берегу» реализуется в фактическом невмешательстве при извлечении максимальных выгод из ситуации.

Весьма характерен китайский «план мирного урегулирования», представленный в феврале 2023 года. Этот документ содержит общие призывы к диалогу, уважению суверенитета, прекращению санкций — ничего конкретного, никаких реальных механизмов. Это типично конфуцианская риторика, призванная продемонстрировать моральную позицию Китая как миротворца. Однако фактическая политика остаётся легистски прагматичной — Пекин не давит на Москву, не предлагает конкретных шагов, лишь создаёт видимость активности, достаточную для удовлетворения как России, так и Запада.

Ограничения и противоречия философской модели

При всей своей эффективности китайская философская модель внешней политики имеет существенные ограничения и внутренние противоречия. Главная проблема — конфликт между конфуцианской риторикой гармонии и легистской практикой жёсткого прагматизма. Этот

разрыв между словами и делами порождает недоверие со стороны других государств, которые начинают воспринимать любые китайские заявления с подозрением.

Конфуцианская концепция иерархии плохо сочетается с современной системой суверенных государств. Большинство стран не готовы добровольно принять подчинённое положение в китаецентричном порядке, даже если это сулит экономические выгоды. Попытки Пекина выстроить иерархические отношения вызывают сопротивление, особенно в регионах с собственными амбициями — Индия, Япония, страны АСЕАН. Это ограничивает способность Китая мирными средствами достичь гегемонии даже в Азии, не говоря о глобальном уровне.

Лигистский прагматизм, доведённый до крайности, может быть контрпродуктивным. Постоянное нарушение правил, манипуляции, отказ от долгосрочных обязательств подрывают доверие партнёров. Страны начинают воспринимать Китай как ненадёжного игрока, с которым опасно связывать свою судьбу. Это особенно заметно в отношениях с развитыми странами, где деловая культура предполагает соблюдение договорённостей и определённую степень транспарентности.

Даосские стратегии, основанные на обмане и манипуляции, эффективны только до определённого момента. Когда намерения становятся очевидными, а сила достаточно велика для открытого давления, продолжение игры в скрытность выглядит лицемерно. Китай при Си Цзиньпине начал отходить от заветов Дэн Сяопина о «сокрытии возможностей», всё более открыто заявляя о своих амбициях. Однако этот переход оказался не вполне последовательным — Пекин балансирует между демонстрацией силы и заверениями в мирных намерениях, что порождает путаницу и недоверие.

Важное противоречие связано с национализмом. Конфуцианская традиция предполагала культурное, а не этническое определение идентичности — варвар мог стать китайцем через принятие китайской культуры. Однако современный китайский национализм всё более ориентирован на этническую составляющую, на идею уникальности ханьского народа. Это ограничивает универсальную привлекательность китайской модели — в отличие от западных идей демократии и прав человека, которые претендуют на универсальность, китайская модель остаётся связанной с конкретной культурой и историей.

Кроме того, философский консерватизм может препятствовать инновациям. Ориентация на древние тексты, на традицию, на проверенные временем методы порой мешает адаптации к радикально новым обстоятельствам. Мир XXI века — с его информационными технологиями, глобальными сетями, транснациональными вызовами — в некоторых аспектах качественно отличается от мира Конфуция или Лао-цзы. Слепое следование древним рецептам может оказаться неэффективным.

Наконец, существует фундаментальное противоречие между китайской философской традицией и современными глобальными нормами.

Конфуцианская иерархия противоречит принципу суверенного равенства государств. Легистский прагматизм несовместим с международным правом и моральными нормами в политике. Даосские стратегии обмана конфликтуют с требованиями транспарентности и предсказуемости. Это создаёт структурную напряжённость между Китаем и международным сообществом, особенно его западной частью.

Философия против идеологии: коммунизм как инструмент

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении традиционной китайской философии и официальной коммунистической идеологии. Формально Китай остаётся социалистическим государством под руководством Коммунистической партии, приверженной марксизму-ленинизму. Однако фактически марксизм в современном Китае играет всё более инструментальную роль, в то время как традиционная философия определяет реальное мировоззрение элиты.

Это превращение марксизма из идеологии в легистский инструмент началось ещё при Дэн Сяопине с его знаменитым «не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы ловила мышей». Этот прагматизм радикально противоречит марксистской диалектике и исторической необходимости, но вполне соответствует легистской логике. Цель — усиление государства и партии, идеология — лишь средство, которое можно адаптировать или менять по необходимости.

Си Цзиньпин продолжил эту линию, но добавил сознательное возрождение традиционных ценностей. Конфуцианство, которое Мао Цзэдун яростно критиковал во время Культурной революции, теперь официально реабилитировано и интегрировано в партийную идеологию. Си регулярно цитирует классические тексты, посещает храм Конфуция, говорит о «традиционной китайской культуре» как основе национальной идентичности. При этом формально Китай остаётся марксистским, что создаёт идеологический гибрид, понятный только в контексте легистского прагматизма, где любая идея ценна лишь настолько, насколько она полезна для власти.

Эта гибридизация имеет важные последствия для внешней политики. Китай может использовать марксистскую риторику в отношениях с левыми режимами и движениями, традиционную философию для азиатских соседей, либеральную экономическую терминологию в переговорах с Западом. Эта идеологическая гибкость — явное преимущество по сравнению с идеологически зашоренными государствами, но одновременно источник недоверия, поскольку партнёры не могут быть уверены в искренности китайских заявлений.

Россия в зеркале китайской философии

Для России понимание философских основ китайской политики имеет критическое значение. Москва склонна воспринимать отношения с Пекином через призму собственного опыта — союзов, идеологической близости, личных отношений лидеров. Однако китайская сторона руководствуется совершенно иной логикой, что создаёт асимметрию восприятия и ожиданий.

С китайской точки зрения, Россия — важный, но всё же периферийный партнёр в выстраивании нового мирового порядка. Москва полезна как противовес США, как источник энергоресурсов и технологий, как союзник в критике западной гегемонии. Однако это не равноправное партнёрство в западном понимании, а иерархические отношения, где Китай постепенно занимает доминирующую позицию. Конфуцианская логика предполагает, что Россия должна принять это как естественный порядок вещей — Китай сильнее экономически, динамичнее развивается, следовательно, ему принадлежит старшая роль.

Легистский прагматизм означает, что китайская поддержка России имеет чёткие пределы. Пекин не будет жертвовать собственными интересами ради Москвы, не станет подставляться под западные санкции, не окажет военную помощь, если это создаст риски для Китая. Дружба в легистском понимании — это взаимовыгодное сотрудничество, где каждая сторона преследует собственные интересы, а не альтруистическая солидарность.

Даосская стратегия терпеливого ожидания означает, что Китай не торопится формализовать свою растущую роль в отношениях. Пекин позволяет России сохранять иллюзию равноправия, избегает унизительных требований, действует мягко и постепенно. Однако направление процесса очевидно — каждый энергетический контракт, каждая сделка по продаже активов, каждый шаг в валютной диверсификации усиливает асимметрию и зависимость России от Китая.

Можно заключить, что философские основы китайской внешней политики представляют собой живую, действующую систему, определяющую стратегическое мышление китайской элиты. Конфуцианство задаёт видение мирового порядка с Китаем в центре, легизм предоставляет методы достижения этой цели без моральных ограничений, даосизм учит терпению и использованию непрямых путей. Этот философский синтез, оттачивавшийся тысячелетиями, создаёт уникальную стратегическую культуру, радикально отличающуюся от западной.

Для государств, взаимодействующих с Китаем, понимание этих философских основ критически важно. Попытки интерпретировать китайскую политику через западные концепции неизбежно приводят к ошибочным выводам и разочарованию. Китай следует собственной логике, основанной на древних традициях, адаптированных к современным реалиям. Эта логика порой кажется иррациональной или противоречивой, однако она

обладает внутренней последовательностью и эффективностью, что подтверждается впечатляющими успехами Китая на международной арене.

Россия, как ближайший стратегический партнёр Китая, должна особенно внимательно отнестись к этим философским основам. Романтические представления о «вечной дружбе» или «цивилизационной близости» могут привести к стратегическим просчётом. Необходим трезвый, реалистичный анализ китайских интересов и методов их достижения, основанный на понимании глубинных культурных и философских факторов, определяющих поведение Пекина. Только такой подход позволит выстроить отношения, которые будут по-настоящему взаимовыгодными, а не асимметрично выгодными для одной из сторон.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: «ВЕК УНИЖЕНИЙ» И ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ

Философские основания китайской внешней политики, рассмотренные в предыдущей главе, обретают полноту смысла лишь при понимании исторического опыта, сформировавшего современное китайское самосознание. Конфуцианская иерархия, легиатский прагматизм, даоское терпение — всё это преломляется через призму национальной травмы и последующего возрождения. Китай сегодняшнего дня невозможно понять без осознания глубины унижений вчерашнего и силы стремления к величию завтрашнего. История для китайской элиты — это не академическая дисциплина, а живая рана, которая определяет каждое стратегическое решение, каждый внешнеполитический жест, каждую реакцию на действия других держав.

В отличие от западных государств, где историческая память фрагментирована и избирательна, китайское коллективное сознание хранит чёткую последовательность событий, выстроенную в единый нарратив падения и возобновления. Этот нарратив не просто преподаётся в школах — он пронизывает массовую культуру, политическую риторику, народное сознание. Каждый китайский школьник может рассказать о «веке унижений», каждый партийный функционер обязан помнить уроки маоистской самостоятельности, каждый дипломат действует в логике, заданной стратегией Дэн Сяопина. Эта историческая непрерывность создаёт уникальную ситуацию, когда события столетней давности остаются столь же актуальными, как вчерашние новости.

Более того, именно исторический опыт объясняет кажущиеся противоречия в китайской политике. Почему Пекин одновременно интегрируется в глобальную экономику и настаивает на абсолютном суверенитете? Почему сотрудничает с Россией, но не доверяет ей полностью? Почему десятилетиями держался в тени, а теперь заявляет о своих амбициях всё громче? Ответы на эти вопросы лежат не в сиюминутной конъюнктуре, а в глубоких исторических пластиках, которые необходимо последовательно раскрыть.

Травма колониального периода: когда центр мира оказался на периферии.

Термин «век унижений» (百年国耻, bǎinián guóchǐ) охватывает период с 1839 по 1949 год и обозначает время, когда Китай, считавший себя Поднебесной и центром цивилизации, был низведен до положения полуколонии, разделённой на сферы влияния иностранных держав. Для страны с тысячелетней историей культурного превосходства и политического доминирования в регионе это было не просто военное поражение или

территориальная потеря — это был коллапс всей системы миропонимания, крушение цивилизационной идентичности.

Первая опиумная война 1839-1842 годов стала символическим началом этого периода. Британская империя, стремясь исправить торговый дисбаланс с Китаем, фактически превратила целую страну в рынок сбыта наркотиков. Когда цинское правительство попыталось запретить опиумную торговлю, последовала военная интервенция. Результат оказался унизительным: технологически отсталая китайская армия была разгромлена, а Нанкинский договор 1842 года открыл серию «неравноправных договоров», которые на следующее столетие определили положение Китая в мире.

Американский историк Джонатан Спенс в своей фундаментальной работе «В поисках современного Китая» отмечал, что опиумные войны нанесли удар не только по китайскому государству, но и по китайскому самосознанию. Страна, которая веками рассматривала иностранцев как варваров, нуждающихся в цивилизационном просвещении, внезапно обнаружила, что эти «варвары» обладают превосходящей военной технологией и способны диктовать условия Срединному государству. Конфуцианская иерархия, в которой Китай естественным образом занимал вершину, была перевёрнута с ног на голову.

Последовавшие десятилетия лишь усугубили унижение. Вторая опиумная война 1856-1860 годов завершилась захватом и разграблением Летнего дворца в Пекине англо-французскими войсками. Этот акт вандализма, когда были уничтожены или вывезены бесценные произведения искусства и исторические реликвии, до сих пор остаётся болезненной темой в китайском общественном сознании. Фактически, разграбленные экспонаты регулярно становятся предметом дипломатических демаршей — Пекин методично добивается их возвращения, рассматривая каждый возвращённый артефакт как символическую победу над историческим унижением.

К концу XIX века Китай превратился в то, что историки называют «дыней, разрезанной на куски». Великобритания, Франция, Германия, Россия, Япония, США — все ведущие державы того времени получили концессии, контроль над портами, экстерриториальные права. Китайцы в собственной стране оказались людьми второго сорта, над которыми иностранцы имели юридическую власть. В Шанхае появились парки с табличками «Собакам и китайцам вход воспрещён» (хотя многие считают что это миф, созданный для иллюстрации унижения, которое испытывали китайцы в колониальный период) — этот образ, реальный или апокрифический, навсегда врезался в национальную память как квинтэссенция унижения.

Особое место в этом нарративе занимает Россия. Айгунский договор 1858 года и Пекинский договор 1860 года привели к отторжению огромных территорий к северу от Амура и к востоку от Уссури — около 1 миллиона квадратных километров. Российский историк Александр Лукин в работе

«Медведь наблюдает за драконом» справедливо отмечает, что в китайской исторической памяти эти договоры занимают особое место среди неравноправных соглашений. В отличие от концессий в портовых городах, которые в конечном итоге были возвращены, дальневосточные территории остались за Россией, а затем за СССР.

Весьма примечательно, что в современных китайских учебниках истории присутствуют карты, показывающие «исторические территории Китая», на которых Приморье и Приамурье обозначены особым цветом. Официальный Пекин, конечно, признаёт современные границы — это было окончательно закреплено договорами 1991 и 2004 годов. Однако народная память устроена иначе. В китайском интернете регулярно появляются публикации о «потерянных северных землях», Владивосток иногда называют его китайским именем Хайшэнъвэй (海參崴), а дискуссии о «возвращении исторических территорий» периодически возникают в националистических кругах.

Критически важно понимать, что эти настроения не являются официальной политикой, но они существуют в общественном сознании и при определённых обстоятельствах могут быть мобилизованы. Китай мыслит временными горизонтами, измеряемыми столетиями. То, что сегодня кажется окончательно решённым вопросом, может стать актуальным через несколько десятилетий, когда соотношение сил изменится. Российским политикам было бы весьма наивно полагать, что территориальный вопрос закрыт навечно только потому, что подписаны соответствующие договоры.

Японская агрессия в первой половине XX века добавила ещё один болезненный слой к национальной травме. Первая японо-китайская война 1894-1895 годов завершилась унизительным поражением и потерей Тайваня. Японская оккупация Маньчжурии в 1931 году, полномасштабное вторжение 1937 года, Нанкинская резня, в которой были убиты сотни тысяч мирных жителей — всё это создало глубокую антияпонскую травму, которая до сих пор определяет китайско-японские отношения.

Показательно, что в современном Китае существует целая индустрия «антаяпонских фильмов» — низкобюджетных сериалов, где героические китайские партизаны противостоят жестоким японским оккупантам. Эти фильмы крайне популярны и выполняют важную функцию поддержания исторической памяти и националистических настроений. Правительство то поощряет, то ограничивает этот жанр в зависимости от текущего состояния отношений с Токио, что свидетельствует об инструментальном использовании исторической травмы в политических целях.

«Век унижений» завершился только с приходом к власти коммунистов в 1949 году. Провозглашение Китайской Народной Республики воспринимается не просто как смена политического режима, а как национальное возрождение, восстановление суверенитета, возвращение Китая на подобающее ему место в мире. Знаменитая фраза Мао Цзэдуна

«Китайский народ встал на ноги» стала символом окончания периода унижений и начала эпохи восстановления величия.

Однако важно понимать, что эта историческая травма не осталась в прошлом — она активно используется в современной политике. Китайское руководство регулярно апеллирует к «веку унижений» для мобилизации общественной поддержки, легитимации жёсткой внешней политики, обоснования военного строительства. Любые попытки внешнего давления на Китай немедленно интерпретируются через эту призму: Запад снова пытается унизить Китай, снова стремится не допустить его возвышения, снова применяет неравноправные методы.

Эта логика проявляется в самых разных контекстах. Когда западные страны критикуют ситуацию с правами человека в Синьцзяне, Пекин отвечает обвинениями во вмешательстве во внутренние дела, напоминая об экстерриториальных правах иностранцев в имперском Китае. Когда США вводят санкции против китайских технологических компаний, официальная пропаганда проводит параллели с опиумными войнами, когда Запад силой открывал китайский рынок. Когда обсуждается вопрос о Тайване, любое международное вмешательство рассматривается как попытка повторить раздел Китая на сферы влияния.

Маоистское наследие: самостоятельность как императив выживания.

Период правления Мао Цзэдуна 1949-1976 годов добавил к исторической травме «века унижений» новый элемент — глубокое недоверие к внешним союзникам и стремление к полной самостоятельности. Если «век унижений» научил Китай не доверять врагам, то маоистский период показал, что нельзя полностью полагаться и на друзей.

Первое десятилетие КНР прошло под знаком союза с Советским Союзом. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 года, советская экономическая и военная помощь, тысячи советских специалистов в Китае — всё указывало на формирование единого социалистического блока. Однако уже к концу 1950-х годов в отношениях начали появляться трещины, которые к началу 1960-х превратились в открытый конфликт.

Причины советско-китайского разрыва были многообразны: идеологические разногласия по поводу природы социализма и путей его построения, личное соперничество между Мао и Хрущёвым, геополитические противоречия, исторические обиды. Советский отказ помочь Китаю в создании ядерного оружия, критика «большого скачка», отзыв советских специалистов в 1960 году — всё это воспринималось в Пекине как предательство старшего брата, который должен был помогать, но вместо этого стремился сохранить Китай в подчинённом положении.

К середине 1960-х годов Китай оказался в беспрецедентной изоляции. С одной стороны — капиталистический Запад во главе с США, с которым КНР находилась в состоянии идеологической и частично военной

конфронтации (корейская война, поддержка Северного Вьетнама). С другой — «социал-империалистический» СССР, который в китайской пропаганде изображался не меньшей, а то и большей угрозой, чем американский империализм.

Пик конфликта пришёлся на 1969 год, когда на острове Даманский произошли вооружённые столкновения между китайскими и советскими войсками. Этот эпизод имел огромное символическое значение: две крупнейшие коммунистические державы, формально объединённые общей идеологией, едва не начали ядерную войну из-за малозначительного клоака земли на Уссури. Как отмечает Виталий Воробьёв в исследовании «Пограничная политика КНР», Даманский конфликт стал поворотным моментом в китайском стратегическом мышлении, окончательно убедив руководство в необходимости опоры исключительно на собственные силы.

Советское руководство рассматривало возможность превентивного удара по китайским ядерным объектам. В Пекине были вырыты огромные системы подземных убежищ, население готовилось к ядерной войне. Угроза была вполне реальной, и Китай оказался в ситуации, когда вчерашний союзник и покровитель превратился в смертельного врага, готового уничтожить китайскую ядерную программу в зародыше.

Именно в этом контексте следует рассматривать знаменитый принцип «самостоятельности и опоры на собственные силы» (自力更生, zìlì gēngshēng). Это была не просто экономическая доктрина, направленная на создание самодостаточной экономики. Это был стратегический императив выживания: Китай не может полагаться ни на кого, кроме себя самого, потому что даже самый близкий союзник может превратиться во врага.

Парадоксально, но именно разрыв с СССР подтолкнул Китай к сближению с США. Знаменитый визит Никсона в Пекин в 1972 году и последующая нормализация отношений были классическим примером легистского прагматизма: Китай был готов вступить в партнёрство со своим идеологическим врагом, чтобы противостоять бывшему союзнику. Это решение шокировало многих — коммунистический Китай протягивает руку капиталистической Америке! Однако с точки зрения китайской стратегической логики всё было абсолютно рационально: баланс сил требовал объединения против наиболее опасной в данный момент угрозы, которой Пекин считал СССР.

Маоистский период оставил двойственное наследие. С одной стороны, это была эпоха экономических катастроф — «большой скачок» привёл к голоду, унёсшему миллионы жизней, «культурная революция» разрушила систему образования и управления, экономика находилась в состоянии стагнации. С другой стороны, именно в этот период были заложены основы китайской независимости: создано ядерное оружие, запущен искусственный спутник, построена индустриальная база, пусть и примитивная по мировым стандартам.

Критически важным оказался урок недоверия к союзникам. Современный Китай, даже выстраивая «стратегическое партнёрство» с Россией, помнит опыт советско-китайского конфликта. Пекин готов сотрудничать, координировать действия, поддерживать риторически, но никогда не связывает себя обязательствами, которые могли бы ограничить свободу маневра. Как справедливо отмечает Александр Лукин, «для китайского руководства главным уроком советско-китайского раскола стало понимание, что у Китая нет и не может быть вечных союзников».

Весьма показательно, что в современном Китае отношение к Мао Цзэдуну крайне избирательно. Официально признаётся, что он совершил «серьёзные ошибки», особенно во время «культурной революции». Однако критика строго дозирована и никогда не переходит грань, за которой может быть поставлена под сомнение легитимность самой Коммунистической партии. Мао остаётся символом национального возрождения, основателем нового Китая, лидером, вернувшим стране независимость и международное уважение.

Экономические эксперименты Мао были катастрофичны, но его вклад в восстановление китайского суверенитета неоспорим. Именно при нём Китай вернул себе Синьцзян и Тибет, обеспечил контроль над всей континентальной территорией (за исключением Тайваня), создал собственную военную промышленность, стал ядерной державой. Всё это создало фундамент для последующего экономического взлёта при Дэн Сяопине.

Эпоха Дэн Сяопина: стратегическое терпение как путь к величию.

Приход к власти Дэн Сяопина в конце 1970-х годов ознаменовал радикальную смену экономического курса, но сохранение преемственности в стратегическом мышлении. Дэн, переживший чистки «культурной революции» и хорошо понимавший цену маоистским экспериментам, сформулировал новую стратегию развития, которая на четыре десятилетия определила траекторию Китая.

Знаменитый принцип «韬光养晦» (tāoguāng yǎnghuì), обычно переводимый как «скрывать свой блеск и возвращать силу», стал центральным элементом внешнеполитической доктрины. Американский исследователь Эзра Богель в фундаментальной биографии «Дэн Сяопин и трансформация Китая» подчёркивает, что эта формулировка была не случайной фразой, а тщательно продуманной стратегией, основанной на трезвой оценке возможностей Китая и глобального баланса сил.

В конце 1970-х годов Китай был бедной, технологически отсталой страной, только начинавшей восстанавливаться после десятилетий политических потрясений и экономических провалов. ВВП на душу населения был ниже, чем в Африке южнее Сахары. Промышленность использовала устаревшие советские технологии 1950-х годов. Сельское

хозяйство едва обеспечивало население. Попытки догнать Запад в открытом соревновании были бы обречены на провал.

Дэн понимал, что Китаю нужно время — много времени — чтобы накопить силы. Любое преждевременное заявление о своих амбициях спровоцировало бы противодействие со стороны США и их союзников, которые не допустили бы возвышения потенциального конкурента. Следовательно, необходима была стратегия маскировки: позиционировать Китай как развивающуюся страну, не претендующую на глобальную роль, сосредоточенную исключительно на внутреннем развитии и не представляющую угрозы существующему порядку.

Основные элементы этой стратегии можно сформулировать следующим образом:

Во-первых, избегать международного лидерства и инициатив, которые могли бы выдвинуть Китай на первый план. Пусть другие берут на себя ответственность за решение глобальных проблем, Китай пока не готов к этой роли.

Во-вторых, не вступать в конфронтацию с США, более того, использовать американский рынок, технологии и инвестиции для собственного развития.

В-третьих, интегрироваться в существующую международную систему, принять её правила (хотя бы формально), получить доступ к мировой экономике. В-четвёртых, сосредоточить все ресурсы на экономическом росте, откладывая решение других задач на будущее.

Эта стратегия требовала огромной дисциплины и способности противостоять искушениям. Когда в 1989 году произошли события на площади Тяньаньмэнь, Китай подвергся международному осуждению и санкциям. Многие в китайском руководстве призывали к жёсткому ответу, к отказу от сотрудничества с Западом. Дэн настоял на продолжении курса реформ и открытости, справедливо полагая, что экономическая изоляция была бы катастрофой для Китая. Он был готов проглотить унижение ради долгосрочных интересов.

Когда в 1991 году распался Советский Союз, многие ожидали, что Китай попытается занять освободившееся место второй сверхдержавы. Дэн снова проявил стратегическое терпение, отказавшись от любых амбиций глобального масштаба. Китай продолжал позиционировать себя как развивающаяся страна, нуждающаяся в мирной международной обстановке для решения внутренних проблем.

Результаты этой стратегии оказались впечатляющими. За четыре десятилетия реформ Китай превратился из нищей аграрной страны во вторую экономику мира, а по паритету покупательной способности — в первую. Сотни миллионов людей были выведены из бедности. Китай стал «мировой фабрикой», крупнейшим торговым партнёром для большинства стран мира. Технологический разрыв с Западом резко сократился, в некоторых областях Китай вышел в лидеры.

Критически важно, что всё это происходило без открытого вызова существующему порядку. США и их союзники не только не препятствовали китайскому росту, но активно способствовали ему, перенося производство в Китай, инвестируя в китайскую экономику, открывая свои рынки для китайских товаров. Западные политики и эксперты убеждали себя, что экономическое развитие приведёт к политической либерализации Китая, что интеграция в мировую экономику сделает Пекин «ответственным стейкхолдером» глобальной системы.

Эта иллюзия была чрезвычайно выгодна Китаю. Пока Запад верил в неизбежность конвергенции, Пекин методично наращивал силу, не встречая серьёзного противодействия. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году стало кульминацией этой стратегии: Китай получил полный доступ к мировым рынкам, сохранив при этом значительные протекционистские барьеры для собственной экономики и государственный контроль над стратегическими отраслями.

Весьма показательно, что китайские лидеры тщательно избегали любых формулировок, которые могли бы выдать истинные долгосрочные намерения. Они говорили о «мирном подъёме», о «гармоничном мире», о взаимной выгоде и win-win сотрудничестве. Западные аудитории слышали в этом то, что хотели услышать — заверения в отсутствии угрозы. Между тем, в китайском контексте эти формулировки имели совершенно иное значение, связанное с конфуцианской концепцией иерархии и даосской стратегией сокрытия намерений.

Российско-китайские отношения в эпоху Дэн Сяопина и его преемников Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао развивались в логике той же стратегии. После распада СССР Китай быстро нормализовал отношения с Россией, подписал договоры о границе, развивал торговое сотрудничество. Официальная риторика говорила о «стратегическом партнёрстве», о совместном противостоянии однополярному миру. Однако фактически Китай крайне осторожно дозировал это партнёрство, избегая любых обязательств, которые могли бы испортить отношения с Западом.

Когда в 2008 году Россия провела военную операцию в Грузии, Китай формально поддержал российскую позицию, но очень сдержанно, избегая открытого противостояния с Западом. Когда в 2014 году произошло присоединение Крыма, Пекин снова проявил осторожность: не признал аннексию, но и не присоединился к санкциям, фактически сохранив нейтралитет. Это классическое проявление стратегии Дэн Сяопина — не ввязываться в чужие конфликты, сохранять свободу маневра, избегать преждевременного выбора стороны.

Си Цзиньпин: от сокрытия к демонстрации силы.

Приход к власти Си Цзиньпина в 2012 году ознаменовал постепенный, но очевидный отход от стратегии «скрывать свой блеск».

Новый лидер счёл, что Китай достиг достаточной мощи, чтобы более открыто заявлять о своих интересах и амбициях. Это не был резкий разрыв со стратегией Дэн Сяопина — скорее, её эволюция, переход к новому этапу, который можно охарактеризовать как «**有所作为**» (yǒusuǒ zuò wéi), «проявление инициативы».

Си Цзиньпин сформулировал концепцию «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» (中国梦), которая фактически провозглашает цель восстановления Китая в статусе великой державы. Это возрождение имеет конкретные временные рамки: к столетию образования КПК в 2021 году Китай должен стать «умеренно процветающим обществом», к столетию образования КНР в 2049 году — «богатой и могущественной державой». Эти цели озвучиваются открыто и постоянно, в отличие от эпохи Дэн Сяопина, когда любые упоминания о великодержавных амбициях тщательно избегались.

Инициатива «Один пояс, один путь», выдвинутая в 2013 году, стала первым глобальным проектом под китайским руководством. Это грандиозная программа инфраструктурного строительства, охватывающая более ста стран Азии, Африки, Европы, Латинской Америки. Масштаб и амбициозность этого проекта несовместимы со стратегией «держаться в тени» — это явная заявка на глобальное лидерство, на создание китаецентричной экономической системы.

В военной сфере Китай также перешёл к более уверененным действиям. Строительство искусственных островов в Южно-Китайском море с размещением на них военной инфраструктуры, игнорирование решения Гаагского арбитража по территориальным спорам, регулярные военные учения вокруг Тайваня — всё это демонстрирует готовность применять силу для отстаивания интересов. Китайский оборонный бюджет растёт двузначными темпами уже более двух десятилетий, создан мощный современный военный флот, развиваются стратегические ядерные силы.

Почему произошёл этот переход? Имеются основания считать, что Си Цзиньпин и его окружение сочли момент благоприятным для смены стратегии по нескольким причинам. Во-первых, глобальный финансовый кризис 2008 года выявил слабости западной модели и относительно укрепил позиции Китая. Во-вторых, США оказались втянуты в войны на Ближнем Востоке и отвлечены от азиатского региона. В-третьих, технологический и экономический разрыв с Западом сократился до уровня, позволяющего конкурировать в открытую. В-четвёртых, внутриполитическая консолидация под руководством Си создала условия для более активной внешней политики.

Однако этот переход к более напористой политике создал и серьёзные проблемы. Именно более открытое проявление амбиций спровоцировало ответную реакцию Запада. Если при Ху Цзиньтао США ещё надеялись на интеграцию Китая в либеральный порядок, то при Си Цзиньпине Вашингтон осознал, что имеет дело с системным конкурентом, стремящимся изменить

глобальный порядок в свою пользу. Торговая война, технологические санкции, формирование коалиций для сдерживания Китая — всё это стало результатом отхода от стратегии Дэн Сяопина.

В отношениях с Россией эпоха Си Цзиньпина также ознаменовалась определёнными изменениями. После украинского кризиса 2014 года и особенно после начала специальной военной операции в 2022 году, Китай стал демонстрировать большую солидарность с Москвой. Совместные заявления о «партнёрстве без границ», координация позиций в ООН, риторическая поддержка российской позиции — всё это создаёт впечатление тесного союза.

Однако необходимо отметить, что эта демонстративная близость не отменяет фундаментальных принципов китайской стратегии. Пекин по-прежнему избегает жёстких обязательств, не оказывает военной помощи, продолжает торговаться с Западом, воздерживается от открытого нарушения санкционного режима. Более того, Китай использует ослабление российских позиций для укрепления собственного влияния в Центральной Азии, на Дальнем Востоке, в Арктике. Это классический легионский pragmatism, замаскированный конфуцианской риторикой о дружбе и партнёрстве.

Историческая память как инструмент политики.

Критически важно понимать, что историческая память в современном Китае — это не просто знание прошлого, а тщательно сконструированный нарратив, используемый для легитимации власти и мобилизации общества. Коммунистическая партия представляет себя как силу, которая положила конец «веку унижений» и ведёт Китай к возрождению величия. Любое сомнение в этом нарративе рассматривается как угроза легитимности самой партии.

Музеи «века унижений» существуют во всех крупных китайских городах. Школьные учебники подробно описывают опиумные войны, неравноправные договоры, японские зверства. Фильмы и сериалы регулярно обращаются к этой теме. Всё это создаёт в общественном сознании устойчивое представление о Китае как о жертве западного и японского империализма, которая имеет моральное право на компенсацию за исторические несправедливости.

Эта виктимизация служит нескольким целям.

Во-первых, она легитимирует авторитарную власть КПК: только сильная централизованная власть может защитить Китай от повторения унижений.

Во-вторых, она мобилизует националистические настроения, которые становятся альтернативой коммунистической идеологии в условиях рыночной экономики.

В-третьих, она обосновывает жёсткую внешнюю политику: Китай просто защищает свои законные интересы и не допустит повторения прошлого.

Однако эта стратегия имеет и обратную сторону. Постоянное напоминание об исторических обидах создаёт в обществе настроения, которые партия не всегда способна контролировать. Националистические демонстрации против Японии иногда выходят из-под контроля и угрожают стабильности. Народное давление ограничивает свободу маневра руководства в вопросах, связанных с «национальным достоинством». Партия оказывается заложником созданного ею самой нарратива.

Весьма показателен пример с интернет-националистами, которых называют «маленькие розовые» (小粉红). Это молодое поколение китайцев, выросшее в эпоху экономического роста и национального возрождения, крайне чувствительное к любым, как им кажется, проявлениям неуважения к Китаю. Они активно атакуют в социальных сетях любых акторов, критикующих КНР, требуют от руководства более жёсткой реакции на «антикитайские действия», иногда критикуют само руководство за недостаточную твёрдость. Партия одновременно поощряет и опасается этого феномена, понимая, что созданный ею франкенштейн национализма может обратиться против неё самой.

Уроки истории для российско-китайских отношений.

Исторический опыт Китая содержит важные уроки для России.

Во-первых, необходимо понимать, что китайское руководство мыслит временными горизонтами, радикально отличающимися от западных. Как было уже сказано, то, что кажется окончательно решённым, может быть пересмотрено через десятилетия, когда изменится соотношение сил. Территориальные вопросы, торговые соглашения, политические договорённости — всё это в китайском понимании не является окончательным и может быть скорректировано, если обстоятельства позволяют.

Во-вторых, опыт советско-китайского конфликта показывает, что даже самые тесные союзнические отношения могут быстро превратиться в противостояние, если интересы сторон разойдутся. Россия не должна строить иллюзий относительно «вечной дружбы» с Китаем. Пекин будет поддерживать Москву ровно настолько, насколько это соответствует его собственным интересам, и ни на йоту больше.

В-третьих, стратегия Дэн Сяопина демонстрирует важность терпения и стратегической дисциплины. Китай смог превратиться из слабой страны в глобальную державу именно потому, что не торопился, не форсировал события, методично наращивал силу. Российская внешняя политика, напротив, часто характеризуется импульсивностью, эмоциональными реакциями, недостатком стратегического терпения. Это ставит Россию в

невыгодное положение в отношениях с более дисциплинированным партнёром.

В-четвёртых, переход от стратегии Дэн Сяопина к более активной политике Си Цзиньпина показывает, что Китай будет становиться всё более напористым по мере роста своей мощи. Сегодняшняя сдержанность может смениться завтрашней агрессивностью. России необходимо готовиться к тому, что баланс в отношениях будет всё больше смещаться в пользу Пекина, а китайские требования и ожидания будут расти.

Можно заключить, что исторический контекст китайского развития — от «века унижений» через маоистскую самостоятельность к стратегии Дэн Сяопина и современной уверенности Си Цзиньпина — создаёт уникальную траекторию, определяющую поведение Пекина на международной арене. Это не просто прошлое, а живая сила, формирующая настоящее и будущее.

Травма унижений заставляет Китай любой ценой избегать слабости и зависимости. Опыт конфликта с СССР учит не доверять союзникам полностью. Успех стратегии Дэн Сяопина доказывает эффективность терпения и маскировки. Всё это вместе создаёт партнёра, с которым чрезвычайно сложно выстроить по-настоящему равноправные отношения, партнёра, который в долгосрочной перспективе неизбежно будет стремиться к доминированию.

Для России это означает необходимость трезвого, реалистичного подхода к отношениям с Китаем, свободного от иллюзий о «стратегическом партнёрстве» или «цивилизационной близости». Китай — это самостоятельный актор с собственной логикой, собственными интересами, собственной исторической траекторией. Понимание этой траектории критически важно для выработки адекватной российской политики в отношении восточного соседа, который из младшего партнёра эпохи Мао превращается в старшего партнёра современной эпохи, ожидающего от России признания этой новой реальности.

ГЛАВА 3. ЧТО КИТАЮ НУЖНО ОТ РОССИИ: РЕСУРСНАЯ БАЗА И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ БУФЕР

Философские основания китайской политики и исторический опыт «века унижений», рассмотренные в предыдущих главах, формируют не только идеологический каркас, но и вполне конкретную прагматику отношений с другими государствами. Конфуцианская иерархия, легистский расчёт, даосское терпение — всё это находит практическое воплощение в том, как Пекин выстраивает взаимодействие с Москвой. Россия в китайских стратегических расчётах занимает весьма специфическое место: это одновременно источник критически важных ресурсов, geopolитический буфер и удобный партнёр, который в силу обстоятельств оказался в позиции просящего, а не диктующего условия.

Необходимо отметить, что китайский подход к России кардинально отличается от российского восприятия этих отношений. Москва склонна романтизировать партнёрство, говорить о «стратегическом союзе» и «особых отношениях», видеть в Китае естественного союзника в противостоянии Западу. Пекин же, напротив, смотрит на Россию исключительно через призму национальных интересов, оценивая каждый аспект взаимодействия с точки зрения конкретной выгоды. Эта асимметрия восприятия создаёт фундаментальный дисбаланс, который с каждым годом усиливается в пользу китайской стороны.

События последних лет, особенно после февраля 2022 года, резко ускорили процессы, которые до этого развивались постепенно. Россия, оказавшись под беспрецедентными западными санкциями и отрезанной от европейских рынков, стремительно превращается в ресурсный придаток Китая. То, что ещё десятилетие назад казалось отдалённой перспективой, сегодня становится реальностью. Пекин получил уникальную возможность реализовать свои стратегические цели в отношении России, не прилагая особых усилий — сама логика событий работает на Китай.

Энергетическая ловушка: от партнёрства к зависимости.

Китайская экономика представляет собой гигантскую машину, ненасытно потребляющую энергоресурсы. Несмотря на масштабные инвестиции в возобновляемую энергетику, солнечные панели и ветряные электростанции, реальность остаётся прежней: Китай — крупнейший в мире импортёр нефти и второй по величине импортёр природного газа. Промышленность, транспорт, отопление, химическая промышленность — всё это требует углеводородов, и потребности будут расти ещё десятилетия, какие бы амбициозные планы «зелёного перехода» ни провозглашал Пекин.

Критическая уязвимость китайской энергетической безопасности носит название «Малаккская дилемма». Около 80% китайского импорта нефти проходит через Малаккий пролив — узкий морской коридор между

Малайзией и Индонезией. В случае военного конфликта с США этот путь может быть перекрыт американским флотом буквально за считанные часы, и китайская экономика окажется в состоянии энергетического голода. Как справедливо отмечает американский исследователь Эрика Даунс в работе «Энергетическая безопасность Китая», эта географическая особенность превращается в стратегическую ахиллесову пяту, которую Пекин отчаянно пытается нейтрализовать.

Россия предлагает почти идеальное решение этой проблемы. Огромные запасы углеводородов в непосредственной географической близости, сухопутные маршруты поставок, независящие от морских путей, отсутствие риска блокады со стороны американского флота — всё это делает российские энергоресурсы стратегически ценными для Китая. Более того, после февраля 2022 года к этим преимуществам добавилось ещё одно, весьма существенное: готовность России продавать со значительными скидками.

Россия, отрезанная от европейских рынков и испытывающая острую потребность в доходах для финансирования военных действий и поддержания экономики, оказалась в положении продавца, не имеющего альтернативы. Китай стал фактически единственным крупным покупателем российской нефти, способным абсорбировать те объёмы, которые раньше шли в Европу. Это классическая легистская «позиция силы» (势, ши), когда один актор использует обстоятельства для максимизации собственной выгоды за счёт слабости партнёра.

Данные показывают масштаб трансформации. В 2023 году Китай импортировал из России более 107 миллионов тонн нефти, став крупнейшим покупателем российских углеводородов. Однако это не акт солидарности или проявление «стратегического партнёрства» — это прагматичная эксплуатация благоприятной ситуации. Китайские компании покупают российскую нефть марки ESPO со скидкой, которая, по различным оценкам, составляет от 15 до 25 долларов за баррель по сравнению с мировыми ценами. Они перерабатывают её на собственных НПЗ и продают нефтепродукты на мировом рынке уже по полной цене, получая двойную выгоду.

Более того, фактически Россия постепенно превращается в нефтегазовую колонию Китая, хотя официальная риторика тщательно избегает таких формулировок. Китайские компании финансируют разработку российских месторождений, поставляют критически важное оборудование, заменяющее недоступные западные технологии, заключают долгосрочные контракты с ценовыми формулами, выгодными Пекину. Российские энергетические компании, лишённые доступа к западным рынкам капитала и технологиям, вынуждены соглашаться на китайские условия.

Проект газопровода «Сила Сибири» представляет собой наглядную иллюстрацию этой динамики. Россия потратила триллионы рублей на строительство трубопровода длиной более 3000 километров, на разработку Чаяндинского и Ковыктинского месторождений, на создание всей

необходимой инфраструктуры. Контракт был подписан в 2014 году, сразу после первого пакета западных санкций, когда позиция России была уже ослаблена. Детали контракта держатся в секрете, но западные эксперты, анализировавшие доступную информацию, отмечают, что условия весьма невыгодны для российской стороны.

Александр Габуев, ведущий российский специалист по китайской политике, в своих работах неоднократно указывал на асимметричность энергетических отношений России и Китая. В статье для Carnegie Moscow Center он отмечал, что «Россия создала колоссальную инфраструктуру для поставок в Китай, фактически привязав себя к единственному покупателю, который теперь может диктовать условия». Это классический пример того, как краткосрочные потребности (необходимость найти альтернативу европейскому рынку) приводят к долгосрочной зависимости.

Ситуация усугубляется тем, что Китай вовсе не торопится наращивать импорт российского газа. Пекин прекрасно понимает свою переговорную силу и использует её максимально. Переговоры о «Силе Сибири-2», которая должна проходить через Монголию, тянутся годами, причём китайская сторона явно не спешит с заключением соглашения. Зачем торопиться, если время работает на Китай? Чем дольше Россия остаётся без европейских рынков, тем более сговорчивой она становится в переговорах с Пекином.

Весьма показательно, что Китай параллельно диверсифицирует источники энергоимпорта, заключая контракты с странами Персидского залива, развивая отношения с Центральной Азией, инвестируя в СПГ-терминалы для импорта сжиженного газа из различных регионов. Другими словами, Пекин старательно избегает зависимости от России, в то время как Москва стремительно увеличивает свою зависимость от Китая. Эта асимметрия — не случайность, а результат последовательной стратегии, основанной на тех самых философских принципах, которые мы рассматривали в первой главе.

Следует предположить, что через десятилетие Россия окажется в положении, когда львиная доля её энергетического экспорта будет направляться в Китай, причём на условиях, которые Пекин сочтёт приемлемыми. Это создаст стратегическую зависимость, сопоставимую с советской зависимостью от экспорта нефти и газа в Европу в 1970-1980-е годы. С той разницей, что Советский Союз имел дело с множеством европейских покупателей и мог играть на их противоречиях, тогда как России придётся иметь дело с единым, дисциплинированным, стратегически мыслящим покупателем.

Минеральное сырьё: тихая экспансия в российские недра.

Помимо энергоресурсов, Россия обладает колоссальными запасами минерального сырья, критически важного для китайской промышленности. Никель для производства нержавеющей стали и аккумуляторов

электромобилей, медь для электротехнической промышленности, алюминий, уголь, древесина — список можно продолжать долго. Китай, превратившийся в «мировую фабрику», нуждается в непрерывных поставках сырья, и российские недра представляют собой практически неисчерпаемый источник.

Китайская стратегия в этой сфере отличается методичностью и долгосрочным планированием. Пекин не стремится к быстрым захватам или шумным сделкам — он терпеливо выстраивает вертикально интегрированные цепочки поставок, в которых российское сырьё занимает всё более важное место. Китайские компании инвестируют в разработку российских месторождений, строят обогатительные фабрики, создают логистическую инфраструктуру. Это инвестиции в долгосрочную ресурсную безопасность, рассчитанные на десятилетия вперёд.

Особенно активно китайские компании работают на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Разработка месторождений полиметаллических руд, строительство горно-обогатительных комбинатов, лесозаготовки — во всех этих сферах присутствие китайского капитала и китайских специалистов постоянно растёт. Российские власти, остро нуждающиеся в инвестициях в малонаселённые и экономически депрессивные регионы, охотно приветствуют китайское участие, не всегда просчитывая долгосрочные последствия.

Весьма примечательно, что при этом Китай тщательно сохраняет собственную монополию на редкоземельные элементы, контролируя около 90% мирового производства. Эти металлы критически важны для производства высокотехнологичной продукции — от смартфонов до ракет, от электромобилей до ветряных турбин. Россия обладает значительными запасами редкоземельных элементов, но не имеет технологий для их эффективной добычи и переработки. Китай эти технологии имеет, но не спешит их передавать, сохранив стратегическое преимущество.

Эта асимметрия весьма показательна. Россия поставляет Китаю сырьё в необработанном или минимально обработанном виде, получая за это относительно скромную добавленную стоимость. Китай перерабатывает это сырьё, производит высокотехнологичную продукцию и продаёт её на мировом рынке, получая основную прибыль. Классическая колониальная модель отношений, только без формального политического господства — чистый легионский прагматизм, где слабый служит источником ресурсов для сильного.

Российский экономист Василий Кашин в своих исследованиях отмечает, что «Китай последовательно выстраивает в России ресурсную базу для собственной промышленности, при этом старательно избегая передачи технологий, которые могли бы сделать Россию конкурентом в высокотехнологичных секторах». Это стратегия, рассчитанная на закрепление технологического разрыва и сохранение иерархии, где Китай занимает позицию более развитого партнёра, а Россия — поставщика сырья.

Лесная отрасль представляет собой особенно болезненный пример. Китайские компании массово скупают российскую древесину, зачастую вырубая леса варварскими методами, без соблюдения экологических норм и без заботы о восстановлении ресурсов. Российский Дальний Восток и Сибирь постепенно превращаются в источник дешёвого сырья для китайской деревообрабатывающей и мебельной промышленности. Попытки российских властей ограничить вывоз необработанной древесины и стимулировать развитие собственной переработки наталкиваются на жёсткое сопротивление китайской стороны и фактически саботируются местными чиновниками, заинтересованными в сохранении существующих схем.

Необходимо отметить, что эта ресурсная экспансия происходит не только через официальные инвестиции крупных компаний, но и через множество мелких и средних предприятий, часто действующих в серой зоне. Китайские бизнесмены в приграничных регионах выстраивают сети контрабанды леса, полезных ископаемых, биоресурсов. Российские правоохранительные органы, страдающие от коррупции и недофинансирования, не могут эффективно контролировать эти процессы.

Военно-технологическая сфера: от ученика к конкуренту.

Исторически СССР и затем Россия были основными поставщиками передовых военных технологий Китаю. После нормализации отношений в 1990-е годы началась масштабная торговля оружием: системы ПВО С-300 и позднее С-400, истребители Су-27 и Су-35, подводные лодки класса «Кило», корабельные дизели, ракетные технологии — всё это составляло основу модернизации китайских вооружённых сил. Россия получала столь необходимую валюту, Китай — доступ к технологиям, на разработку которых самостоятельно ушли бы десятилетия.

Однако ситуация кардинально изменилась за последние два десятилетия. Китай методично копировал, адаптировал и совершенствовал российские технологии, часто в нарушение соглашений о защите интеллектуальной собственности. Истребитель J-11 представляет собой практически полную копию Су-27, созданную на основе лицензии, но затем модифицированную без согласия российской стороны. J-15, палубный истребитель, скопирован с прототипа Су-33, который Китай получил через Украину. Системы ПВО HQ-9 созданы на основе технологий С-300. Список можно продолжать.

Российские конструкторы и военные чиновники с горечью наблюдали, как их технологии становятся основой для создания китайских аналогов, которые затем начинают конкурировать с российским оружием на мировых рынках. Однако экономическая необходимость заставляла Москву продолжать сотрудничество, хотя и с возрастающей осторожностью. Продажа С-400 Китаю в 2014 году стала, вероятно, последней передачей

действительно передовой технологии — после этого Россия стала значительно более скрупульной на передачу критических систем.

Тем временем китайская военная промышленность совершила качественный скачок. В некоторых областях Китай уже догнал или даже превзошёл Россию. Три современных авианосца против одного советского «Адмирала Кузнецова», находящегося в полуработоспособном состоянии. Эсминцы и фрегаты новейших проектов, оснащённые современными РЛС и ракетными системами. Массовое производство беспилотников различных классов — от тактических разведывательных до ударных БПЛА большой дальности. Развитие гиперзвукового оружия, в котором, по некоторым оценкам, Китай уже обогнал не только Россию, но и США.

События на Украине с февраля 2022 года стали для китайских военных бесценным источником информации. НОАК внимательнейшим образом изучает ход боевых действий, анализируя сильные и слабые стороны российской военной машины. Проблемы с логистикой, недостатки в системе командования и управления, уязвимость тяжёлой бронетехники перед современными противотанковыми средствами, критическая важность господства в воздухе, роль беспилотников и высокоточного оружия — всё это внимательно изучается и учитывается при планировании возможных операций по «воссоединению» с Тайванем.

Более того, российские трудности создали для Китая новые возможности. Россия, испытывающая острую потребность в микроэлектронике, оптике, коммуникационном оборудовании и других компонентах для военной промышленности, вынуждена обращаться к Китаю. Это товары двойного назначения, формально не являющиеся оружием, но критически важные для его производства. Китайские компании поставляют эти компоненты, получая за это не только валюту, но и ценную информацию о российских военных технологиях и потребностях.

Китай балансирует на очень тонкой грани. С одной стороны, Пекину выгодно, чтобы Россия продолжала военные действия в Украине, отвлекая внимание и ресурсы США от Индо-Тихоокеанского региона. С другой стороны, слишком явная помощь может привести к введению вторичных санкций со стороны Вашингтона, которые действительно способны нанести серьёзный ущерб китайской экономике, зависящей от доступа к западным рынкам и технологиям. Поэтому Пекин поставляет достаточно, чтобы Россия могла продолжать конфликт, но недостаточно, чтобы спровоцировать масштабный ответ Запада.

Логично утверждать, что в военно-технологической сфере Россия окончательно утратила роль старшего партнёра. Китай больше не нуждается в российских технологиях так остро, как раньше, в то время как Россия всё более зависит от китайских компонентов. Эта инверсия отношений имеет далеко идущие последствия для общего баланса сил между двумя странами. Если в 1990-е годы Россия могла рассматривать продажу оружия Китаю как инструмент влияния, то сегодня именно Китай обладает рычагами давления

через контроль над критическими компонентами российской военной промышленности.

Геостратегический буфер: ценность ослабленного, но существующего партнёра.

Помимо ресурсов и технологий, Россия представляет для Китая значительную геостратегическую ценность. Эта ценность, впрочем, имеет весьма специфический характер, который российская сторона часто неправильно интерпретирует. Пекин заинтересован в существовании России как значимого игрока на международной арене, но отнюдь не в её чрезмерном усилении.

Российско-китайская граница протянулась на 4300 километров. Это огромная территория, оборона которой требовала бы колоссальных ресурсов, если бы Китай рассматривал Россию как потенциальную угрозу. Дружественная или хотя бы нейтральная Москва означает, что Пекину не нужно держать значительные силы на северных рубежах, и он может сосредоточиться на том, что действительно важно — на Тихоокеанском театре военных действий, где главным противником являются США и их союзники.

Исторический опыт советско-китайского конфликта 1960-1970-х годов, рассмотренный во второй главе, научил Китай, насколько опасным может быть противостояние с северным соседом. Миллионная группировка советских войск на границе, угроза превентивного ядерного удара, постоянное напряжение — всё это отвлекало колоссальные ресурсы от экономического развития. Нормализация отношений с Россией в 1990-е годы устранила эту угрозу, позволив Китаю сосредоточиться на модернизации и росте.

Россия играет роль отвлекающего фактора для США. Пока Вашингтон озабочен ситуацией в Украине, укреплением НАТО, сдерживанием России в Европе и на Ближнем Востоке, американские ресурсы и внимание отвлечены от Индо-Тихоокеанского региона. Конечно, США пытаются одновременно противостоять и России, и Китаю, но возможности даже такой мощной державы не безграничны. Каждый доллар, потраченный на помощь Украине, каждый военный корабль, направленный в Средиземное море, каждый батальон, размещённый в Восточной Европе — это ресурсы, которые не используются для сдерживания Китая в Азии.

Александр Лукин в своих работах отмечает, что для Китая идеальный сценарий — это «контролируемый конфликт», в котором Россия и Запад взаимно ослабляют друг друга, в то время как Пекин наблюдает за этим процессом с безопасной дистанции, извлекая максимальные выгоды. Это классическая реализация даосской стратегии «наблюдать за пожаром на противоположном берегу» (隔岸观火), о которой мы говорили в первой

главе. Не вмешиваться напрямую, позволить противникам истощить друг друга, и лишь затем вступать в игру с позиции силы.

Многополярный мир, в котором существует сильная Россия, предоставляет Китаю больше пространства для манёвра. В гипотетическом мире, где остались бы только США и Китай (так называемая конфигурация G2), давление на Пекин было бы значительно выше. Наличие России как альтернативного полюса силы, даже ослабленной, позволяет Китаю играть на противоречиях, избегать прямой конфронтации с Вашингтоном, создавать коалиции по конкретным вопросам.

Идеологическая составляющая также имеет значение. Россия и Китай едины в критике «западной гегемонии», «однополярного мира», в продвижении альтернативных ценностей — суверенитета против прав человека, примата государства над индивидом, неприятия «экспорта демократии». Эта риторическая солидарность создаёт видимость глобальной альтернативы либеральному порядку, хотя фактически за красивыми словами скрываются весьма прозаические интересы авторитарных режимов в сохранении власти.

Однако — и это критически важно понимать — Китай отнюдь не заинтересован в том, чтобы Россия была слишком сильной. Исторически сильная Россия представляла угрозу для Китая. Идеальная Россия с точки зрения Пекина — это ресурсный придаток, обладающий достаточной военной мощью, чтобы отвлекать США, но недостаточной экономической и технологической силой, чтобы проводить независимую политику в сферах китайских интересов, особенно в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

Затянувшийся украинский конфликт идеально подходит для реализации этой стратегии. Россия слабеет экономически, теряет доступ к западным технологиям, становится более зависимой от Китая, но при этом остаётся достаточно мощной в военном отношении, чтобы быть значимым игроком, требующим внимания и ресурсов Запада. Это именно та ситуация, в которой Китай получает максимум выгод при минимуме рисков.

Имеются основания считать, что Пекин совершенно не заинтересован ни в быстрой победе России (которая укрепила бы её позиции и самоуверенность), ни в её поражении (которое могло бы привести к хаосу на границе и позволило бы США сосредоточиться на Китае). Оптимальный для Китая сценарий — это долгое, изнурительное противостояние, в котором и Россия, и Запад несут издержки, а Пекин методично наращивает свою относительную мощь.

Центральная Азия: конкуренция под маской партнёрства.

Отдельного внимания заслуживает ситуация в Центральной Азии, которая наглядно демонстрирует реальные приоритеты Китая в отношениях с Россией. Этот регион традиционно рассматривался Москвой как зона своего исключительного влияния, постсоветское пространство, где Россия

сохраняет доминирующие позиции. Однако за последние два десятилетия Китай методично вытеснял Россию из Центральной Азии, и этот процесс резко ускорился после 2022 года.

Экономическое присутствие Китая в регионе многократно превосходит российское. Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан — все эти страны переориентировались на Пекин как основного торгового партнёра и источника инвестиций. Инициатива «Один пояс, один путь» превратила Центральную Азию в ключевой транзитный коридор, связывающий Китай с Европой, причём этот коридор сознательно выстраивается так, чтобы минимизировать зависимость от российской территории.

Россия пытается сохранять влияние через военное присутствие, через ОДКБ, через культурные и исторические связи. Однако экономическая реальность оказывается сильнее. Центральноазиатские элиты прекрасно понимают, что будущее связано с динамично развивающимся Китаем, а не с стагнирующей Россией. Они по-прежнему проявляют внешнее уважение к Москве, говорят о «братьских народах» и «исторических связях», но фактические решения принимают исходя из экономической целесообразности.

Весьма показательно, что Китай проявляет в Центральной Азии гораздо больше инициативы и настойчивости, чем в отношениях с Россией. Пекин не спрашивает разрешения Москвы, не оглядывается на российские интересы, действует как полноправный хозяин в регионе, который формально остаётся сферой влияния России. И Москва вынуждена это терпеть, потому что не обладает ресурсами для конкуренции с Китаем и не может позволить себе испортить отношения с Пекином.

Эта ситуация прекрасно иллюстрирует реальную иерархию в российско-китайских отношениях. Конфуцианская логика предполагает, что младший партнёр уважает интересы старшего в его зоне влияния. Однако Китай демонстрирует, что рассматривает себя как старшего партнёра, который имеет право действовать в соответствии с собственными интересами, не оглядываясь на интересы России.

Технологическая асимметрия: контроль через зависимость.

Одним из наиболее тревожных аспектов растущей зависимости России от Китая является технологическая сфера. После введения западных санкций российская экономика оказалась отрезанной от передовых технологий, микроэлектроники, высокоточного оборудования. Китай частично заполняет эту нишу, но делает это весьма избирательно, сохранив контроль над критическими технологиями.

Китайские технологии зачастую уступают западным, но для России в текущих условиях они становятся единственной доступной альтернативой. Смартфоны Huawei и Xiaomi заменили iPhone, автомобили китайских марок

заполняют российский рынок вместо европейских и японских, китайское промышленное оборудование заменяет недоступные западные станки и машины. Это создаёт новую зависимость, возможно, даже более глубокую, чем предыдущая зависимость от Запада.

Критическая разница заключается в том, что западные страны, при всех своих санкциях, оставались множественными поставщиками, между которыми существовала конкуренция. Китай же представляет собой единого, централизованно управляемого поставщика, способного в любой момент перекрыть доступ к критическим технологиям в политических целях. Это создаёт инструмент контроля, который Пекин пока не использует открыто, но сохраняет как опцию на будущее.

Особенно опасна зависимость в сфере информационных технологий. Китайские телекоммуникационное оборудование, системы видеонаблюдения, программное обеспечение всё глубже проникают в российскую инфраструктуру. Это создаёт потенциальные уязвимости с точки зрения информационной безопасности. Китайские спецслужбы получают возможности для мониторинга российских коммуникаций, которые трудно переоценить.

Российские эксперты по безопасности высказывают озабоченность этими тенденциями, но альтернатив практически нет. Создание собственных технологий требует времени, инвестиций, доступа к компонентам и знаниям, которых у России сейчас нет. Поэтому зависимость от Китая в технологической сфере будет только углубляться, создавая стратегическую уязвимость на десятилетия вперёд.

Финансовая сфера: юань против доллара, но не в пользу рубля.

Дедолларизация российско-китайской торговли, о которой много говорят как о признаке усиления партнёрства, на самом деле представляет собой процесс, выгодный прежде всего Китаю. Да, доля доллара в двусторонних расчётах снижается, но замещается он не рублём, а юанем. Россия фактически меняет одну зависимость на другую, причём новая валюта принадлежит стране, которая может контролировать её использование гораздо жёстче, чем США контролировали доллар.

Накопление юаневых резервов создаёт для России специфические риски. В отличие от доллара или евро, юань не является свободно конвертируемой валютой. Китай сохраняет жёсткий контроль над валютным курсом и трансграничными потоками капитала. Это означает, что российские юаневые резервы могут быть использованы только в операциях с Китаем или с теми странами, которые готовы принимать юань — а таких стран пока немного.

Более того, интернационализация юаня, которую активно продвигает Пекин, в случае успеха создаст ситуацию, когда Китай сможет применять финансовые санкции аналогично тому, как это делают США с долларом.

Россия, увеличивая свою зависимость от юаня, фактически создаёт предпосылки для будущей финансовой уязвимости, только теперь уже по отношению к Пекину, а не к Вашингтону.

Китайские банки проявляют крайнюю осторожность в операциях с российскими контрагентами, опасаясь вторичных санкций. Даже в юаневых расчётах возникают задержки и сложности, китайские финансовые институты требуют дополнительные гарантии и повышенные комиссии. Это демонстрирует, что для Китая доступ к западной финансовой системе остаётся более важным, чем финансовое сотрудничество с Россией.

Можно заключить, что Россия для Китая представляет ценность преимущественно как источник ресурсов и геостратегический буфер, но не как равноправный партнёр или союзник. Пекин методично выстраивает отношения по модели «центр-периферия», где Россия постепенно занимает позицию зависимого поставщика сырья и рынка сбыта для китайских товаров. Это соответствует конфуцианской логике естественной иерархии и легистскому принципу максимизации выгоды без моральных ограничений.

События последних лет резко ускорили процессы, которые раньше развивались постепенно. Россия, отрезанная от Запада и нуждающаяся в альтернативных рынках и источниках технологий, стремительно увеличивает свою зависимость от Китая во всех критических сферах — энергетике, торговле, технологиях, финансах. Пекин использует эту ситуацию с холодным прагматизмом, получая российские ресурсы со значительными скидками, расширяя контроль над российской инфраструктурой, вытесняя Москву из традиционных зон влияния.

Трагическая ирония ситуации заключается в том, что Россия, стремясь избежать зависимости от Запада, создаёт ещё более глубокую зависимость от Китая. Западная зависимость была распределённой — множество стран, конкуренция между ними, взаимность отношений. Зависимость от Китая — это зависимость от единого, стратегически мыслящего, централизованно управляемого актора, который рассматривает Россию не как партнёра, а как объект для извлечения выгоды и постепенного подчинения.

Для российских элит, воспитанных на представлениях о величии страны и её особой роли в мире, перспектива превращения в младшего партнёра Китая психологически трудна для принятия. Поэтому официальная риторика продолжает говорить о «стратегическом партнёрстве», «отношениях нового типа», «взаимном уважении». Однако реальность упрямая: асимметрия отношений растёт с каждым годом, и траектория развития событий ведёт к дальнейшему усилению китайских позиций за счёт ослабления российских.

Есть все основания полагать, что через десятилетие российско-китайские отношения будут выглядеть принципиально иначе, чем сегодня. Россия окажется ещё более зависимой от китайского рынка, китайских технологий, китайских инвестиций. Китай будет ещё более уверенно

диктовать условия, рассчитывая на то, что у Москвы просто не будет альтернатив. Конфуцианская иерархия, которая сейчас тщательно маскируется риторикой о равноправии, станет значительно более очевидной и формализованной.

Это не антикитайская паранойя, а трезвая оценка логики развития отношений, основанная на понимании китайских стратегических целей и философских оснований политики. Китай действует рационально и последовательно, реализуя свои национальные интересы. Проблема не в том, что Китай плох или агрессивен — проблема в том, что Россия оказалась в положении слабости и не имеет стратегии, которая позволила бы избежать растущей зависимости.

ГЛАВА 4. РОССИЯ КАК КРАТКОСРОЧНЫЙ АКТИВ И ДОЛГОСРОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Рассмотрев философские основания китайской политики, исторические травмы и прагматические интересы Пекина в отношениях с Москвой, мы подходим к вопросу, который редко обсуждается открыто, но определяет суть китайской стратегии. Россия для Китая — это не вечный партнёр и не стратегический союзник на десятилетия вперёд. Это актив, полезность которого имеет срок годности. Китайские стратеги смотрят на Россию через призму временной перспективы, измеряемой не годами, а десятилетиями и столетиями, видя страну с фундаментальными структурными проблемами, которые неизбежно приведут к дальнейшему ослаблению и, возможно, к более радикальным трансформациям.

Необходимо отметить, что эта оценка не является результатом враждебности или идеологической предвзятости. Напротив, она основана на холодном легионском расчёте, на анализе объективных тенденций и трезвом понимании исторической динамики. Китай изучал распад династий, крушение империй, циклы подъёма и упадка на протяжении тысячелетий. Китайская элита умеет различать временные флуктуации и долгосрочные тренды, отделять риторику от реальности, видеть то, что другие предпочитают не замечать.

Россия сегодня переживает период, который в историческом контексте может оказаться переходным — от статуса великой державы к положению региональной силы, зависимой от более могущественных соседей. Этот процесс не обязательно будет быстрым или драматичным. Скорее, это медленная эрозия, постепенное ослабление, которое растянется на десятилетия и станет очевидным лишь ретроспективно. Именно такую траекторию видят китайские аналитики, и именно под неё они выстраивают свою стратегию.

Демографическая бомба замедленного действия.

Демография — это судьба, как любят повторять стратеги. В случае России эта судьба выглядит крайне неблагоприятно. Российское население сокращается, стареет, теряет жизненные силы. По прогнозам ООН, к 2050 году население России может сократиться до 130-135 миллионов человек, причём доля трудоспособного населения будет неуклонно снижаться, а средний возраст расти. Это не просто статистика — это фундаментальный фактор, определяющий экономический потенциал, военную мощь, способность государства контролировать свою территорию.

Особенно драматична ситуация на Дальнем Востоке и в Сибири — тех самых территориях, которые непосредственно граничат с Китаем. Российский Дальний Восток с площадью более 6 миллионов квадратных километров населяют всего около 8 миллионов человек, и это число

продолжает сокращаться. Города пустеют, деревни исчезают, инфраструктура разрушается. Молодёжь уезжает в европейскую часть страны или за границу в поисках лучшей жизни. Остаются преимущественно пожилые люди, неспособные обеспечить экономическое развитие региона.

Контраст с китайской стороной границы поражает воображение. В трёх северо-восточных провинциях Китая — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин — проживает более 100 миллионов человек. Это в десять с лишним раз больше, чем на всём российском Дальнем Востоке. Города на китайской стороне процветают, строятся новые дороги и заводы, кипит экономическая жизнь. Достаточно сравнить Благовещенск и китайский Хэйхэ на противоположном берегу Амура: города находятся в прямой видимости друг от друга, но разница в уровне развития, населении, экономической активности настолько велика, что кажется, будто это разные миры.

Этот демографический дисбаланс создаёт естественное давление в сторону китайской экспансии. Фактически речь идёт не о военном захвате — в современных условиях такой сценарий маловероятен и нерационален. Однако экономическая и миграционная экспансия представляется вполне реальной перспективой. Китайские предприниматели уже активно работают на российском Дальнем Востоке, китайские рабочие строят объекты инфраструктуры, китайские фермеры арендуют сельскохозяйственные земли. Этот процесс идёт медленно, почти незаметно, но неуклонно.

Российский демограф Анатолий Вишневский в своих работах неоднократно предупреждал о катастрофических последствиях демографического кризиса для российского Дальнего Востока. Он отмечал, что «демографический вакуум на огромных территориях, граничащих с густонаселёнными регионами, создаёт объективные предпосылки для изменения этнического и экономического баланса». Другими словами, природа не терпит пустоты, и если Россия не может заполнить свои территории собственным населением, их заполнят другие.

Вопрос о военной экспансии Китая в российские территории заслуживает отдельного рассмотрения. На данный момент такой сценарий кажется крайне маловероятным по нескольким причинам. Во-первых, Китай имеет доступ к российским ресурсам экономическими методами, без необходимости военного захвата. Во-вторых, военная агрессия против ядерной державы сопряжена с неприемлемыми рисками. В-третьих, международная реакция на такие действия была бы разрушительной для китайских интересов.

Тем не менее, в долгосрочной перспективе, при определённых обстоятельствах, ситуация может измениться. Представим себе сценарий, когда Россия переживает серьёзный внутренний кризис, центральная власть ослаблена, региональные элиты на Дальнем Востоке фактически утратили связь с Москвой, ядерное сдерживание более не функционирует эффективно. В такой ситуации Китай мог бы рассмотреть возможность «мирного

присоединения» отдельных территорий под предлогом «защиты китайского населения» или «экономической стабилизации региона».

Однако гораздо более вероятен сценарий постепенной, ползучей экспансии без формального изменения границ. Китайские компании получают долгосрочные концессии на разработку ресурсов, китайские рабочие и специалисты становятся незаменимыми для функционирования региональной экономики, китайский юань вытесняет рубль в качестве основной расчётной единицы, китайский язык становится вторым языком де-факто. Формально территория остаётся российской, фактически контроль переходит к Пекину. Это классическая даосская стратегия — мягко, без насилия, но неумолимо изменять реальность в свою пользу.

Экономическая стагнация: движение вниз по наклонной.

Российская экономика демонстрировала признаки стагнации задолго до введения западных санкций в 2014 и 2022 годах. Средний темп роста в 2010-е годы составлял около 1% в год — это практически застой, особенно в сравнении с темпами роста развивающихся экономик. Зависимость от экспорта сырья достигла критических масштабов, составляя более 60% экспортных доходов. Обрабатывающая промышленность деградировала, производительность труда оставалась на низком уровне, коррупция пронизывала все уровни экономики.

Сравнение абсолютных цифр ВВП весьма показательно. Российская экономика оценивается примерно в 1,8 триллиона долларов по номинальному курсу. Это меньше, чем ВВП одной китайской провинции Гуандун, который составляет около 2 триллионов долларов. Экономика Китая в целом более чем в 10 раз превосходит российскую, и этот разрыв продолжает увеличиваться. Если в начале 2000-х годов соотношение было примерно 1 к 3, то сейчас это уже 1 к 10, и тенденция сохраняется.

Структурные проблемы российской экономики хорошо известны и многократно описаны экономистами. Отток капитала, достигавший десятков миллиардов долларов ежегодно, свидетельствует о том, что сама российская элита не верит в перспективы национальной экономики. Утечка человеческого капитала — эмиграция наиболее образованных и талантливых людей — лишает страну интеллектуального потенциала. Инвестиционный климат остаётся неблагоприятным из-за коррупции, непредсказуемости правоприменения, рейдерских захватов.

Санкции 2022 года усугубили все эти проблемы на порядок. Россия оказалась отрезанной от западных технологий, финансовых рынков, логистических цепочек. Западные компании массово покинули российский рынок, оставив вакuum, который частично заполнили китайские компании. Однако китайские компании приходят не как равноправные партнёры, а как

акторы, диктующие свои условия в ситуации, когда у российской стороны практически нет альтернатив.

Российский экономист Сергей Гуриев, анализируя долгосрочные перспективы российской экономики, отмечал, что «сочетание демографического спада, технологического отставания, институциональной слабости и внешней изоляции создаёт ловушку, из которой крайне сложно выбраться». Эта оценка была сделана ещё до событий 2022 года, и с тех пор ситуация только ухудшилась.

Китайские экономисты прекрасно понимают эту динамику. Они видят Россию как экономику, обречённую на стагнацию в лучшем случае или на медленный спад в худшем. Это не партнёр для долгосрочного развития, а источник дешёвого сырья и рынок сбыта для китайских товаров. Никто в Пекине не рассматривает Россию как технологического лидера или инновационный хаб, с которым имело бы смысл выстраивать глубокую кооперацию в высокотехнологичных секторах.

Технологическая пропасть: от паритета к отставанию.

Советский Союз был технологическим гигантом, способным конкурировать с США в космической гонке, ядерной физике, авиации, фундаментальной науке. Россия унаследовала значительную часть этого потенциала, но за три десятилетия растратила его почти полностью. Современная Россия значительно менее инновационна, чем СССР, и разрыв с технологическими лидерами только увеличивается.

Расходы на исследования и разработки в России составляют около 1% ВВП — это критически низкий уровень для страны с претензиями на статус великой державы. Для сравнения, Китай тратит более 2,4% ВВП на R&D, причём в абсолютных цифрах это сотни миллиардов долларов ежегодно. США, Япония, Южная Корея тратят ещё больше. Россия просто не может конкурировать в этой гонке.

Утечка мозгов приобрела катастрофические масштабы. По различным оценкам, сотни тысяч высококвалифицированных специалистов покинули Россию за последние десятилетия, причём этот процесс резко ускорился после 2022 года. Талантливые учёные, инженеры, программисты уезжают в страны, где их таланты востребованы и оплачиваются адекватно. Россия теряет именно тот человеческий капитал, который необходим для технологического развития.

В глобальных рейтингах инновационности Россия занимает весьма скромные позиции. Global Innovation Index помещает Россию на 47-е место, в то время как Китай находится на 12-м. Разрыв увеличивается год от года. Китай создал целые технологические экосистемы в Шэньчжэне, Пекине, Шанхае, Ханчжоу. Российские попытки создать аналоги — «Сколково» и другие проекты — превратились в дорогостоящие имитации, не давшие ожидаемых результатов.

Зависимость России от западных технологий до 2022 года была критической. Практически вся микроэлектроника импортировалась, станки и промышленное оборудование в основном были западного или азиатского производства, программное обеспечение почти полностью зависело от западных разработчиков. Санкции обнажили эту зависимость и показали, насколько уязвима российская экономика и военная промышленность.

Замена западных технологий на китайские не решает проблему, а лишь меняет источник зависимости. Более того, китайские технологии часто уступают западным, хотя этот разрыв сокращается. Россия оказывается в положении, когда она вынуждена довольствоваться технологиями второго эшелона, что ещё больше увеличивает отставание от глобальных лидеров.

Василий Кашин в своих исследованиях военно-технического сотрудничества России и Китая отмечал парадоксальную инверсию: «Если в 1990-е годы Россия была технологическим донором для Китая, то сейчас роли поменялись, и Россия всё чаще нуждается в китайских компонентах и технологиях». Эта трансформация имеет огромное символическое и практическое значение, окончательно закрепляя иерархию отношений.

Политическая неопределенность: система без наследования.

Владимиру Путину 72 года. Он находится у власти уже четверть века, и перспективы политического транзита остаются туманными. В Китае существует институционализированная, пусть и авторитарная, система смены власти — каждые десять лет происходит передача полномочий новому поколению лидеров. Система несовершенна, но она работает и обеспечивает преемственность. В России система персонализирована вокруг одного лидера, и что произойдёт после его ухода — неизвестно никому.

Китайские стратеги внимательно изучают этот фактор, понимая, что он создаёт огромные риски и одновременно возможности. История России полна примеров, когда смерть или отстранение лидера приводили к системным кризисам, борьбе элит, радикальным переменам. 1917 год — крушение Российской империи и приход большевиков к власти. 1991 год — распад Советского Союза и хаос 1990-х. Эти исторические прецеденты показывают, что российская политическая система крайне уязвима в периоды транзита.

Вопрос преемника Путина обсуждается в кулуарах, но никакого очевидного кандидата нет. Более того, сама система выстроена так, что любой потенциальный преемник рассматривается как угроза действующему лидеру и устраняется превентивно. Это создаёт вакuum легитимности и институциональной преемственности. Когда Путин уйдёт — добровольно или по естественным причинам — может начаться непредсказуемая борьба за власть между различными группировками элиты.

Александр Бауэнов в работе «Россия после Путина» размышляет о возможных сценариях политического транзита, отмечая, что «отсутствие

институциональных механизмов передачи власти создаёт риски как для мягкого авторитаризма с постепенными реформами, так и для жёсткого варианта с усилением репрессий, но ни один из этих сценариев не гарантирует стабильности». Неопределенность — это то, что более всего беспокоит не только российских либералов, но и китайских стратегов.

Для Китая политическая нестабильность в России представляет одновременно риск и возможность. Риск заключается в том, что хаос на границе может создать проблемы с беженцами, нарушением контрактов, появлением непредсказуемых акторов. Возможность — в том, что ослабленный и раздираемый внутренними противоречиями северный сосед станет ещё более сговорчивым, ещё более зависимым от китайской поддержки, ещё более готовым к уступкам.

Представляется возможным сказать, что Китай готовится к различным сценариям постпутинской России. Пекин выстраивает связи не только с федеральным центром, но и с региональными элитами, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири. Китайские компании инвестируют в создание экономических зависимостей на местном уровне. Это страховка на случай ослабления или распада центральной власти — в такой ситуации Китай сможет договариваться напрямую с региональными лидерами.

Центробежные тенденции: империя на пределе.

Россия — это федерация с огромными региональными диспропорциями, разнородным этническим составом, различной идентичностью и интересами. Татарстан с его тюркским населением и исламской идентичностью, Чечня с её сложной историей и военизированной элитой, Якутия с её огромными территориями и малым населением, Дальний Восток с его географической удалённостью от европейского центра — все эти регионы имеют специфические интересы, часто не совпадающие с приоритетами Москвы.

Пока центральная власть сильна и обладает ресурсами для поощрения лояльности и подавления сепаратизма, система держится. Федеральный бюджет перераспределяет доходы от экспорта сырья, обеспечивая дотации депрессивным регионам. Силовые структуры гарантируют, что любые попытки открытого неповиновения будут жёстко подавлены. Но что произойдёт, если центральная власть ослабнет, если доходы от сырья сократятся, если силовой аппарат окажется деморализованным или расколотым?

История распада СССР показывает, насколько быстро может рухнуть кажущаяся незыблемой империя. Ещё в 1985 году мало кто мог представить, что через шесть лет Советский Союз перестанет существовать. Однако процессы распада, запущенные ослаблением центра, оказались лавинообразными. Союзные республики одна за другой провозглашали

независимость, и центральная власть была бессильна это остановить. Аналогичные процессы могут произойти в России, только на этот раз субъектами станут не союзные республики, а российские регионы.

Китай внимательно изучал распад СССР, извлекая уроки как для собственной внутренней политики (жёсткий контроль над периферией, недопущение сепаратизма), так и для понимания динамики российской государственности. Пекин понимает, что Россия — это не монолит, а конгломерат весьма разнородных территорий, скреплённых силой и экономическими трансферами. Ослабление этих скреп может привести к дезинтеграции.

Особое внимание китайских аналитиков привлекает Дальний Восток. Этот регион географически удалён от Москвы, но непосредственно граничит с Китаем. Экономически он всё более ориентирован на Китай, а не на европейскую Россию. В случае ослабления федерального центра дальневосточные элиты могут прийти к выводу, что им выгоднее интегрироваться в китайскую экономическую систему, чем сохранять формальную принадлежность к ослабленной России.

Сценарий «мягкой сецессии», когда регион формально остаётся частью России, но фактически переходит под экономический и политический контроль Китая, представляется вполне реальным. Это не потребует военной интервенции или открытого нарушения международного права. Достаточно будет экономических механизмов, инвестиций, создания зависимостей, выстраивания связей с региональными элитами.

Дмитрий Тренин, российский эксперт по внешней политике, в своих работах предупреждал, что «сохранение территориальной целостности России в XXI веке не является данностью, а требует постоянных усилий по укреплению экономических связей между регионами, развитию инфраструктуры, обеспечению равномерного развития». Эти усилия требуют ресурсов, политической воли, эффективного управления — всего того, чего России сейчас не хватает.

Стратегия терпения: время работает на Китай.

Фраза «Китай просто ждёт» прекрасно выражает суть китайской стратегии в отношении России. В китайской культуре временная перспектива значительно шире, чем на Западе или в России. Западные политики мыслят категориями избирательных циклов — четыре-пять лет, максимум восемь. Даже авторитарные лидеры редко планируют далее десятилетия. Китайские же стратеги мыслят поколениями, десятилетиями, иногда столетиями.

Концепция «стратегических возможностей» (战略机遇期, zhànlüè jīyù qī) является ключевой в китайском стратегическом планировании. Это периоды, когда геополитическая обстановка складывается благоприятно для достижения национальных целей, когда внешние обстоятельства создают окно возможностей. Китайское руководство считает, что с начала XXI века

страна находится именно в таком периоде, и задача состоит в максимальном его использовании для накопления силы и расширения влияния.

В отношении России стратегия ожидания означает признание того факта, что время работает на Китай. Россия слабеет демографически, стагнирует экономически, отстаёт технологически, сталкивается с политической неопределенностью. Каждый год асимметрия в пользу Китая увеличивается. Зачем форсировать события, рисковать конфронтацией, когда можно просто ждать, пока ситуация сама эволюционирует в нужном направлении?

Это классическая даосская мудрость, о которой мы говорили в первой главе. Вода не пытается пробить камень силой — она терпеливо течёт, год за годом, и постепенно камень разрушается. Китай не стремится к военному захвату российских территорий, не требует немедленных уступок, не ставит ультиматумов. Пекин терпеливо выстраивает экономические зависимости, расширяет своё присутствие, создаёт инфраструктуру влияния. И ждёт.

Александр Лукин в своей работе «Россия и Китай: новая модель отношений» справедливо отмечает, что «асимметрия в российско-китайских отношениях будет только нарастать, и главный вопрос заключается в том, сможет ли Россия выработать стратегию, которая позволит ей сохранить субъектность в этих отношениях, или она окончательно превратится в объект китайской политики». Пока что траектория указывает на второй вариант.

Сценарий первый: постепенное ослабление и усиление зависимости.

Наиболее вероятный и, с китайской точки зрения, наиболее удобный сценарий — это продолжение текущих тенденций. Россия, истощённая длительным конфликтом, западными санкциями, демографическими и экономическими проблемами, постепенно становится всё более зависимой от Китая. Этот процесс не обязательно будет сопровождаться драматическими событиями — скорее, это медленная, почти незаметная трансформация, которая растянется на десятилетия.

Китайские компании методично получают контроль над ключевыми активами в российском энергетическом секторе, горнодобывающей промышленности, транспортной инфраструктуре. Это происходит через инвестиции, долгосрочные контракты, приобретение долей в компаниях. Россия, нуждающаяся в капитале и технологиях, которые больше не приходят с Запада, вынуждена открывать двери китайским инвесторам.

Экономика Дальнего Востока и Сибири всё более интегрируется в китайскую экономическую систему. Торговые потоки переориентируются на Китай, логистика выстраивается через китайские порты и железные дороги, расчёты ведутся в юанях. Китайские инвестиции становятся основным источником развития региональной инфраструктуры. Китайские технологии замещают недоступные западные. Китайские рабочие и специалисты становятся необходимыми для реализации крупных проектов.

Формируется ситуация экономического доминирования де-факто, которое не требует политического захвата или изменения границ. Россия остаётся суверенным государством на бумаге, но её экономическая политика всё более определяется необходимостью учитывать китайские интересы. Любые решения, которые могут затронуть китайские компании или нарушить поставки ресурсов в Китай, становятся практически невозможными.

Это классическая неоколониальная модель, только без формального колониального администрирования. Китай получает доступ к ресурсам, рынкам, территориям, но не несёт бремени управления и ответственности за социальное развитие. Все проблемы — от пенсий до здравоохранения — остаются на российском государстве, а Китай извлекает экономические выгоды.

Данный сценарий наиболее комфортен для Китая, поскольку он минимизирует риски и издержки. Нет необходимости в военной интервенции, которая вызвала бы международное осуждение. Нет необходимости брать на себя управление огромными территориями с проблемным населением. Достаточно просто контролировать экономические потоки и ждать, пока зависимость углубляется.

Сценарий второй: распад или федерализация России.

Более радикальный сценарий, который Китай никогда не обсуждает публично, но к которому, безусловно, готовится в аналитических центрах и военных штабах. Если после ухода Путина Россия столкнётся с системным кризисом, если центральная власть окажется неспособной удержать страну вместе, отдельные регионы могут попытаться получить большую автономию или даже независимость.

Исторические прецеденты такого развития событий существуют. Распад Российской империи в 1917-1918 годах, когда от неё отделились Финляндия, Польша, прибалтийские территории, а на окраинах возникли многочисленные независимые образования. Распад СССР в 1991 году, когда пятнадцать союзных республик стали независимыми государствами. Оба эти события произошли в контексте ослабления центральной власти и системного кризиса.

Современная Российская Федерация более централизована, чем был СССР, и центробежные силы пока подавляются эффективно. Однако в случае серьёзного кризиса — экономического коллапса, политического хаоса, военного поражения — ситуация может измениться. Региональные элиты, особенно в республиках и на отдалённых территориях, могут прийти к выводу, что им выгоднее дистанцироваться от разваливающегося центра.

В такой ситуации Китай мог бы выступить в роли «стабилизирующей силы». Пекин предложил бы экономическую помощь, инвестиции, доступ к

рынкам, технологическую поддержку тем регионам, которые согласны на тесное сотрудничество. Взамен — экономическое и политическое влияние, возможно, пересмотр статуса спорных территорий, контроль над критически важной инфраструктурой, размещение китайских компаний и персонала.

Китай внимательно изучил опыт распада СССР, когда Запад сумел вовлечь в свою орбиту многие бывшие советские республики через экономическую помощь, интеграцию в западные институты, поддержку прозападных элит. Пекин не допустит повторения этого сценария в отношении территорий, которые он считает сферой своих интересов. Если Россия начнёт разваливаться, Китай будет активно действовать, чтобы обеспечить контроль над Дальним Востоком, Сибирью, возможно, Центральной Азией.

Этот сценарий сопряжён с рисками. Хаос на границе, потоки беженцев, возможность появления экстремистских группировок или криминальных структур, угроза ядерного оружия в руках непредсказуемых акторов — всё это создаёт серьёзные вызовы. Поэтому Китай предпочёл бы избежать такого развития событий, но готовится к нему на случай, если первый сценарий не реализуется.

Сценарий третий: сохранение статус-кво как оптимальный вариант.

Парадоксально, но в краткосрочной перспективе Китаю может быть выгодно сохранение текущей ситуации в течение достаточно длительного времени. Ослабленная, но функционирующая Россия, экономически зависимая от Китая, но сохраняющая способность отвлекать внимание и ресурсы США — это идеальная конфигурация с точки зрения китайских интересов.

Текущее положение дел позволяет Китаю получать дешёвые ресурсы без необходимости военной интервенции или политического захвата. Российская нефть и газ продаются со скидкой, металлы и древесина поступают по выгодным ценам. Китайские компании получают доступ к российскому рынку, замещая ушедших западных конкурентов. Всё это происходит в рамках формально дружественных отношений, без конфликтов и международных осложнений.

Одновременно Россия выполняет важную геополитическую функцию, отвлекая внимание США от Индо-Тихоокеанского региона. Американские ресурсы тратятся на помощь Украине, на укрепление НАТО, на сдерживание России в Европе и на Ближнем Востоке. Это означает, что меньше ресурсов направляется на сдерживание Китая в Азии. Каждый американский авианосец в Атлантике — это авианосец, не патрулирующий Южно-Китайское море. Каждый миллиард долларов помощи Украине — это миллиард, не потраченный на укрепление союзников Америки в Азии.

Формальные партнёрские отношения с Россией также предоставляют Китаю дипломатические преимущества. Пекин может координировать с

Московой позиции в ООН, в международных организациях, создавая видимость альтернативного полюса силы в противовес западному. Это усиливает переговорную позицию Китая в диалоге с США и Европой. При этом Китай не несёт репутационных издержек за действия России — Пекин сохраняет дистанцию, избегая прямой ассоциации с наиболее противоречивыми российскими шагами.

Наконец, сохранение России в текущем состоянии позволяет Китаю избежать бремени ответственности за стабильность в регионе. Если бы Россия распалась, Китаю пришлось бы иметь дело с хаосом на границе, с необходимостью вкладывать ресурсы в стабилизацию, с международным давлением и обвинениями в экспансиионизме. Гораздо удобнее, когда Россия сама несёт эти издержки, а Китай просто извлекает выгоды из экономического сотрудничества.

Логично утверждать, что для Китая оптимальный сценарий — это контролируемое ослабление России при сохранении (на определённое время) её формальной государственности и международной субъектности. Россия должна быть достаточно слабой, чтобы зависеть от Китая и не представлять угрозы, но достаточно сильной, чтобы выполнять функцию геополитического буфера и отвлекающего фактора для США. Это тонкий баланс, но именно к нему стремится китайская стратегия.

Подготовка к различным сценариям: хеджирование рисков.

Характерно, что Китай не делает ставку на один сценарий, а готовится ко всем трём одновременно. Это классический подход управления рисками, основанный на понимании непредсказуемости будущего. Пекин выстраивает экономические зависимости, которые будут работать в сценарии постепенного ослабления. Одновременно китайские аналитики изучают региональную специфику российских территорий, налаживают контакты с региональными элитами, готовят планы экономической интеграции на случай распада России. И при этом поддерживают достаточно хорошие отношения с федеральным центром, чтобы статус-кво сохранялся максимально долго.

Китайское военное планирование также учитывает различные сценарии. Народно-освободительная армия Китая регулярно проводит учения в приграничных районах, отрабатывая не только оборонительные, но и наступательные операции. Военная инфраструктура в северо-восточных провинциях постоянно модернизируется. Это не обязательно означает подготовку к агрессии, но свидетельствует о том, что НОАК готова действовать быстро и решительно, если обстоятельства того потребуют.

Дипломатические усилия Китая также многовекторны. Пекин поддерживает диалог не только с Москвой, но и с бывшими советскими республиками в Центральной Азии, выстраивая альтернативные каналы влияния в регионе. Китай активно развивает отношения со странами,

которые могут оказаться важными в случае изменения ситуации в России — с Монгoliей, с Казахстаном, даже с Японией и Южной Кореей, несмотря на существующие противоречия.

Экономическая стратегия ещё более показательна. Китай инвестирует в инфраструктуру, которая позволяет диверсифицировать маршруты импорта ресурсов. Трубопроводы из России важны, но не должны быть единственным источником. Китай развивает морские маршруты, несмотря на «Малаккскую дилемму», строит СПГ-терминалы, заключает контракты с поставщиками из Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки. Это хеджирование рисков на случай, если российские поставки по каким-то причинам окажутся недоступными или ненадёжными.

Можно заключить, что Китай рассматривает Россию как актив с ограниченным сроком полезности, но при этом готовится извлечь максимум выгоды из всех возможных сценариев развития ситуации. Это не краткосрочная тактика, а долгосрочная стратегия, рассчитанная на десятилетия. Пекин терпеливо выстраивает позиции, создаёт зависимости, готовит альтернативные варианты и ждёт. Время работает на Китай, и китайские стратеги это прекрасно понимают.

Для России эта реальность крайне неприятна, но игнорирование её не сделает проблему менее острой. Российская элита предпочитает верить в «стратегическое партнёрство» и «особые отношения» с Китаем, закрывая глаза на растущую асимметрию и зависимость. Однако факты упрямые: демографический кризис углубляется, экономика стагнирует, технологическое отставание увеличивается, политическая неопределенность нарастает. Всё это создаёт предпосылки для реализации китайских сценариев, в которых Россия играет роль не субъекта, а объекта чужой стратегии.

Есть все основания полагать, что через несколько десятилетий карта Евразии может выглядеть совершенно иначе, чем сегодня. Россия, возможно, сохранит формальный суверенитет над своими территориями, но фактический контроль над восточными регионами перейдёт к Китаю через механизмы экономического доминирования. Альтернативный сценарий — распад России и появление на её месте нескольких государственных образований, часть которых окажется в китайской сфере влияния. Наименее вероятный, но также возможный вариант — Россия сумеет найти внутренние ресурсы для стабилизации и развития, диверсифицирует свою экономику и внешние связи, восстановит технологический потенциал. Однако текущие тенденции не дают оснований для оптимизма в отношении последнего сценария.

Китай готов к любому из этих вариантов. Пекин не форсирует события, не ставит ультиматумов, не угрожает силой. Китай просто ждёт, терпеливо и методично создавая условия для реализации своих стратегических целей. Это и есть истинное значение фразы «Китай просто

ждёт» — не пассивное наблюдение, а активная подготовка к будущему, которое китайские стратеги считают неизбежным.

ЧАСТЬ II. СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ: КАК РОССИИ ИЗБЕЖАТЬ КИТАЙСКОЙ ЛОВУШКИ

ГЛАВА 5. ОСОЗНАНИЕ ПРОБЛЕМЫ — ПЕРВЫЙ ШАГ К РЕШЕНИЮ

Первые четыре главы этой книги были посвящены анализу китайской стратегии в отношении России — философским основам, историческим предпосылкам, прагматическим интересам и долгосрочным сценариям. Картина, которая вырисовывается из этого анализа, весьма неутешительна для российской стороны. Китай методично, терпеливо, без спешки и лишнего шума выстраивает отношения, в которых Россия постепенно занимает позицию зависимого младшего партнёра, поставщика дешёвого сырья, геополитического буфера и объекта для извлечения выгоды. Асимметрия растёт с каждым годом, траектория ведёт к дальнейшему ослаблению российских позиций, и время работает на Китай.

Однако констатация проблемы — это лишь первый, хотя и критически важный шаг. Вторая часть книги посвящена вопросу, который волнует многих: что делать? Существует ли стратегия, которая позволила бы России избежать превращения в китайский сателлит? Можно ли переломить нынешнюю траекторию и восстановить баланс в отношениях? Есть ли у России ресурсы, время и возможности для того, чтобы сохранить субъектность в отношениях с гораздо более мощным соседом?

Ответы на эти вопросы начинаются с осознания. Невозможно решить проблему, которую отказываешься признавать. Невозможно разработать эффективную стратегию, основываясь на иллюзиях и самообмане. Первый и самый важный шаг — это трезвая, жёсткая, беспощадная к собственным иллюзиям оценка реального положения дел. Признание асимметрии, понимание масштаба отставания, осознание глубины зависимости, картирование уязвимостей — всё это болезненно, неприятно, бьёт по национальной гордости и самолюбию элит. Но без этого шага любые разговоры о стратегии останутся пустой риторикой.

Признание асимметрии: реальность, которую больно принять.

Российская политическая культура исторически тяготеет к представлению о России как о великой державе, одном из центров силы в многополярном мире, цивилизации со своим особым путём и глобальной миссией. Эти представления глубоко укоренены в коллективном сознании элит и населения, подпитываются исторической памятью о победах и достижениях, находят постоянное подтверждение в официальной риторике и пропаганде. Российские лидеры привыкли говорить с позиции силы, требовать уважения к национальным интересам, настаивать на равноправии в отношениях с другими державами.

Это самовосприятие имеет глубокие исторические корни и определённую обоснованность. Россия действительно является крупнейшей по территории страной мира, обладает огромными природными ресурсами, унаследовала от СССР впечатляющий ядерный арсенал, сохраняет постоянное место в Совете Безопасности ООН. Однако фактически это самовосприятие всё более расходится с объективной реальностью. Экономическая мощь, технологический потенциал, демографические ресурсы — по всем этим параметрам разрыв между Россией и ведущими державами не просто велик, он катастрофически увеличивается.

Особенно болезненно признавать асимметрию в отношениях с Китаем. Ещё три десятилетия назад, в начале 1990-х годов, российская экономика превосходила китайскую. Советский Союз был технологическим донором для Китая, поставлял оборудование, вооружения, направляя специалистов. Китай учился у России, копировал советские технологии, нуждался в российской помощи. Эта историческая память продолжает влиять на российское восприятие отношений, создавая иллюзию паритета или даже превосходства.

Между тем, реальность давно изменилась. Экономика Китая в номинальном выражении превышает российскую более чем в десять раз. По паритету покупательной способности разрыв ещё больше. Китайский ВВП составляет около 18 триллионов долларов против российских 1,8 триллиона. Это не количественная разница — это качественный разрыв, который превращает отношения из партнёрских в иерархические. Как справедливо отмечает российский экономист Сергей Алексашенко в своих работах, «экономика размером в одну десятую от партнёра не может диктовать условия или настаивать на равноправии — она может лишь торговаться за лучшие условия зависимости».

Более того, траектория расходится дальше. Китайская экономика продолжает расти темпами 4-5% в год, российская стагнирует или растёт на 1-2% в лучшие годы. Даже если предположить, что эти тенденции сохранятся (а они, скорее всего, будут менее благоприятны для России), через десятилетие разрыв увеличится до пятнадцати-двадцатикратного. Китай станет второй экономикой мира, сопоставимой с США, возможно, превосходящей их. Россия в лучшем случае сохранит свои позиции где-то между десятым и пятнадцатым местом, в худшем — опустится ниже.

Структура экономики делает сравнение ещё более неблагоприятным. Российская экономика остаётся преимущественно сырьевой, зависимой от экспорта углеводородов и минерального сырья. Более 60% экспортных доходов приходится на нефть, газ, уголь, металлы. Это классическая модель развивающейся страны, поставщика ресурсов для более развитых экономик. Китайская экономика, напротив, диверсифицирована, включает мощную обрабатывающую промышленность, высокотехнологичные производства, развитый сектор услуг. Китай экспортирует не только дешёвые товары, но всё больше сложной электроники, оборудования, технологий.

Василий Кашин, российский эксперт по Китаю, в одной из своих статей отмечал, что «Россия превращается в то, чем был Китай для СССР в 1950-е годы — в поставщика сырья для индустриального гиганта». Эта инверсия ролей произошла всего за три десятилетия и продолжает углубляться. После введения западных санкций в 2022 году процесс резко ускорился. Россия, лишённая европейских рынков, вынуждена продавать нефть Китаю со значительными скидками. Китайские компании скупают российские активы по заниженным ценам. Российская экономика становится технологически зависимой от китайского оборудования и комплектующих.

Демографический дисбаланс добавляет ещё один слой к асимметрии. Население России составляет около 146 миллионов человек и сокращается. Население Китая — 1,4 миллиарда, практически в десять раз больше. Даже с учётом того, что Китай также столкнулся с демографическими проблемами (старение населения, последствия политики одного ребёнка), масштабы несопоставимы. Особенno драматичен дисбаланс на границе: 8 миллионов россиян на Дальнем Востоке против более чем 100 миллионов китайцев в северо-восточных провинциях.

Этот демографический разрыв создаёт естественное давление, которое усиливается экономическими диспропорциями. Города на китайской стороне границы динамично развиваются, строятся новые предприятия, растёт благосостояние населения. Российские приграничные территории депопулируют, деградируют, теряют жизнеспособность. Молодёжь уезжает в европейскую часть России или за рубеж. Остаются преимущественно пожилые люди. Инфраструктура разрушается. Экономика сводится к добыче сырья и его экспорту в тот самый Китай.

Технологическое отставание России от Китая стало очевидным фактом в последнее десятилетие. Если в 1990-е и даже в 2000-е годы Россия ещё могла претендовать на роль технологического партнёра, поставляя Китаю военные технологии и оборудование, то сейчас эта роль безвозвратно утрачена. Китай в большинстве областей догнал, а во многих превзошёл Россию. Достаточно сравнить несколько показателей. Расходы на исследования и разработки в России составляют около 40 миллиардов долларов в год (примерно 1% ВВП), в Китае — более 550 миллиардов (около 2,4% ВВП). Разница не просто количественная — при таком разрыве в финансировании качественное отставание неизбежно и будет только нарастать.

Патентная активность — ещё один показатель. Китай ежегодно регистрирует более 1,5 миллиона патентных заявок, Россия — около 40 тысяч. Разрыв почти сорокакратный. Количество не всегда означает качество, многие китайские патенты сомнительной ценности, но даже с учётом этого масштаб инновационной активности в Китае на порядки превышает российский. Публикационная активность в научных журналах, цитируемость, количество исследователей — по всем этим параметрам Китай многократно опережает Россию.

В конкретных технологических областях картина ещё более показательна. Искусственный интеллект: Китай входит в тройку мировых лидеров вместе с США и частично Европой, Россия значительно отстаёт. 5G и телекоммуникации: китайские компании Huawei и ZTE являются глобальными лидерами, Россия потребляет иностранные технологии. Электромобили: Китай стал крупнейшим производителем и рынком, российское производство практически отсутствует. Возобновляемая энергетика: Китай доминирует в производстве солнечных панелей и ветряных турбин, Россия зависит от импорта.

Даже в военной сфере, традиционно считавшейся российской сильной стороной, баланс смещается. Китайский военный бюджет составляет более 290 миллиардов долларов (по некоторым оценкам значительно выше), российский — официально около 85 миллиардов, фактически после пересчёта по реальному курсу значительно меньше. Китай строит авианосцы, современные эсминцы, развивает гиперзвуковое оружие, создаёт глобальную спутниковую систему навигации. Россия пытается модернизировать советское наследие, но темпы несопоставимы с китайскими.

События в Украине с 2022 года обнажили технологические слабости российской военной машины. Проблемы с высокоточным оружием, зависимость от импортных компонентов (в том числе китайских), недостаток современных беспилотников, уязвимость коммуникационных систем — всё это внимательно изучается в Пекине. Китайские военные аналитики делают выводы о том, как не следует воевать в XXI веке, учясь на российских ошибках.

Признание этой многоуровневой асимметрии болезненно для российского самосознания. Легче цепляться за иллюзии о «стратегическом партнёрстве равных», о «многополярном мире с Россией как одним из полюсов», о «евразийской интеграции под совместным российско-китайским руководством». Однако иллюзии — плохая основа для стратегии. Врач не может лечить болезнь, которую отказывается диагностировать. Генерал не может выиграть сражение, если не признаёт превосходство противника и не ищет асимметричных ответов.

Критически важно понимать, что признание асимметрии не означает капитуляцию или пораженчество. Это означает реализм, трезвую оценку ситуации как предпосылку для выработки адекватной стратегии. История знает множество примеров, когда более слабая сторона, правильно оценив баланс сил, находила способы если не победить, то избежать поражения, сохранить субъектность, защитить жизненно важные интересы. Но первым условием успеха всегда было честное признание своей слабости.

Особенно важен отказ от имперских амбиций как предпосылка реалистичной политики. Россия больше не является сверхдержавой, способной проецировать силу глобально и диктовать условия другим странам, как бы нам не хотелось в это верить). Попытки вести себя как империя при наличии экономики размером с Испанию приводят к

стратегическому перенапряжению, истощению ресурсов, росту зависимости от тех, кто эти ресурсы может предоставить. Именно имперские амбиции толкнули Россию в объятия Китая: конфликт с Западом требует альтернативных рынков, технологий, финансов, и Китай с готовностью их предоставляет — на своих условиях.

Реалистичная политика для России означает признание себя не сверхдержавой, а значимой региональной силой с ограниченными ресурсами и возможностями. Это не унижение, а трезвый анализ. У России есть ядерное оружие, огромная территория, значительные природные ресурсы, образованное население, научные школы, культурное влияние. Всё это создаёт основу для того, чтобы оставаться важным актором в международных отношениях. Но это не делает Россию равной США или Китаю, и попытки играть в этой лиге ведут к поражению.

Учиться у противника: китайский опыт как руководство к действию.

Парадоксально, но именно Китай может дать России уроки того, как более слабая страна выстраивает отношения с более сильными партнёрами, сохраняя субъектность и постепенно наращивая собственную мощь. Китай конца 1970-х годов находился в положении, во многом схожем с нынешним расположением России. Страна была изолирована, экономически отсталая, технологически зависимая, переживала последствия катастрофических политических экспериментов. Разрыв с Западом и США казался огромным и непреодолимым.

Дэн Сяопин, пришедший к власти в 1978 году, провёл трезвую оценку ситуации и сделал несколько стратегических выборов, которые определили траекторию Китая на последующие десятилетия. Эти выборы радикально отличались от советской и, позднее, российской политики. Вместо идеологической конфронтации — pragmatичное сотрудничество со всеми, кто может быть полезен. Вместо попыток догнать Запад в военной сфере — концентрация на экономическом развитии. Вместо демонстрации силы — стратегическое терпение и скрытие намерений.

Знаменитая формулировка Дэн Сяопина «韬光养晦» (*tāoguāng yǎnghuì*), которую мы подробно обсуждали во второй главе первой части, может быть переведена как «скрывать свои возможности и выжидать время». Это не была декларация слабости или капитуляции. Это была хитрая стратегия, позволяющая накапливать силу, не провоцируя преждевременного противодействия со стороны более могущественных акторов. Китай десятилетиями позиционировал себя как развивающуюся страну, не претендующую на глобальное лидерство, сосредоточенную исключительно на решении внутренних проблем.

Этот подход требовал огромной дисциплины и готовности проглатывать унижения. Когда в 1999 году американская авиация случайно (или не совсем случайно) разбомбила китайское посольство в Белграде, в

Китае прокатились массовые антиамериканские демонстрации. Народ требовал решительного ответа. Но руководство проявило сдержанность, ограничившись дипломатическими протестами. Цзян Цзэминь понимал, что Китай ещё не готов к открытой конфронтации с США, и стратегические интересы требуют сохранения доступа к американскому рынку и технологиям.

Аналогично, когда в 2001 году американский самолёт-разведчик столкнулся с китайским истребителем, что привело к гибели китайского пилота, Пекин снова проявил сдержанность. Формально потребовал извинений, получил уклончивое заявление о сожалении и на этом успокоился. Важнее было сохранить отношения с США, необходимые для вступления во Всемирную торговую организацию, которое произошло позже в том же году и открыло Китаю доступ к мировым рынкам.

Эта стратегическая сдержанность сопровождалась абсолютным прагматизмом в экономической политике. Китай отказался от идеологических ограничений на сотрудничество с капиталистическими странами. «Неважно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей», — эта знаменитая фраза Дэн Сяопина выражала отход от марксистской ортодоксии в пользу того, что работает. Китай открыл свои двери западным инвестициям, технологиям, управлеченческим практикам.

При этом Китай не стал просто копировать западную модель. Пекин выборочно заимствовал то, что считал полезным, адаптируя к китайским условиям и сохраняя контроль над стратегически важными секторами. Иностранные компании получали доступ к китайскому рынку, но на условиях создания совместных предприятий с передачей технологий китайским партнёрам. Это был неравноправный обмен с точки зрения западного бизнеса, но западные компании соглашались ради доступа к огромному и растущему рынку.

Китай методично учился. Китайские студенты тысячами уезжали на обучение в западные университеты, получали образование, опыт, связи — и возвращались домой, применяя полученные знания для развития Китая. Китайские компании копировали западные технологии, зачастую с нарушением прав интеллектуальной собственности, но это рассматривалось как законный метод догоняющего развития. Запад протестовал, но продолжал инвестировать и торговать, полагая, что экономическое развитие приведёт к политической либерализации Китая.

Эта иллюзия была чрезвычайно выгодна Китаю. Пока Запад верил, что Китай постепенно превратится в рыночную демократию, Пекин получал доступ к технологиям, рынкам, инвестициям. Китай вступил в ВТО, интегрировался в глобальные производственные цепочки, стал «мировой фабрикой». Западные компании переносили производства в Китай ради дешёвой рабочей силы, попутно передавая технологии и управлеченческий опыт.

Александр Лукин в работе «Россия и Китай сегодня: партнёрство, а не союз» справедливо отмечает, что «Китай мастерски использовал период относительной слабости для создания условий будущей силы, в то время как Россия растратила 1990-е годы на хаос и разграбление государственных активов». Действительно, сравнение российских и китайских реформ конца XX века показывает радикальную разницу в подходах и результатах.

Россия в 1990-е годы выбрала путь шоковой терапии, быстрой приватизации, открытия рынков без защиты собственной промышленности. Результатом стал коллапс производства, обнищание населения, распродажа активов олигархам и иностранным инвесторам. Китай выбрал путь постепенных реформ, сохранения государственного контроля над ключевыми секторами, защиты внутреннего рынка при избирательной открытости. Результат — тридцать лет экономического роста, превращение в мировую державу.

Критически важным элементом китайской стратегии было долгосрочное планирование. Китайское руководство мыслит пятилетками, десятилетиями, поколениями. Каждый этап развития тщательно планируется, цели ставятся амбициозные, но реалистичные, прогресс регулярно оценивается. Российская политика, напротив, часто характеризуется импульсивностью, реактивностью, отсутствием последовательной долгосрочной стратегии.

Ещё один урок китайского опыта — умение работать с более сильными партнёрами, сохраняя субъектность. Китай в 1980-1990-е годы был значительно слабее США, нуждался в американских инвестициях и технологиях, но никогда не превращался в американского сателлита. Пекин чётко понимал свои интересы, жёстко торговался, шёл на компромиссы только там, где они не затрагивали ключевые позиции. Тайвань, Тибет, Синьцзян, политическая система — по этим вопросам Китай не допускал уступок, какое бы давление ни оказывал Вашингтон.

Россия могла бы многому научиться у этого подхода. Вместо этого российская политика колебалась между двумя крайностями: либо попытками стать частью западного мира на западных условиях (1990-е годы), либо конфронтацией с Западом и поиском альтернативного покровителя (2000-2020-е годы). Китайский путь — это третий вариант: pragматичное сотрудничество со всеми, кто полезен, без идеологических предпочтений и без превращения в чьего-либо младшего партнёра.

Особенно поучителен китайский опыт выхода из изоляции после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Западные страны ввели санкции против Китая, ограничили военное сотрудничество, заморозили многие контакты. Казалось, Китай окажется в международной изоляции, как Советский Союз в годы холодной войны. Однако Пекин не стал конfrонтировать с Западом, не ушёл в самоизоляцию, не начал строить альтернативный блок. Напротив, Китай продолжил политику реформ и

открытости, терпеливо восстанавливая отношения, предлагал экономические выгоды взамен на политическое смягчение.

К середине 1990-х годов санкции фактически были свёрнуты. Западные компании не могли отказаться от растущего китайского рынка. Западные правительства нуждались в сотрудничестве с Китаем по множеству вопросов. Пекин достиг своей цели — выхода из изоляции без политических уступок — благодаря терпению, прагматизму и экономическим стимулам. Россия после 2014 и особенно после 2022 года оказалась в аналогичной ситуации, но выбрала противоположную стратегию: углубление конфронтации, поиск альтернативы Западу в лице Китая, отказ от диверсификации партнёров.

Можно заключить, что китайский опыт предлагает России несколько критически важных уроков. Во-первых, стратегическое терпение и долгосрочное планирование эффективнее импульсивных реакций. Во-вторых, прагматизм без идеологических ограничений позволяет использовать все доступные возможности. В-третьих, даже находясь в слабой позиции, можно сохранять субъектность через чёткое понимание своих интересов и жёсткие переговоры. В-четвёртых, изоляция от одного центра силы не должна вести к полной зависимости от другого. В-пятых, экономическое развитие и технологическое совершенствование — основа долгосрочной силы, важнее военных авантюри и геополитических игр.

Аудит зависимости: картирование китайской экспансии.

Невозможно бороться с проблемой, масштаб и природу которой не понимаешь. Первым практическим шагом к выработке стратегии должен стать детальный, беспощадно честный аудит китайского проникновения в российскую экономику и общество. Необходимо картировать зависимости по всем критическим направлениям: энергетика, торговля, технологии, финансы, инфраструктура, региональное влияние. Только получив полную картину, можно идентифицировать точки наибольшей уязвимости и те немногие leverage points, которыми Россия ещё располагает.

Энергетический сектор представляет собой парадоксальную ситуацию. С одной стороны, Россия является поставщиком энергоресурсов Китаю, что, казалось бы, даёт ей рычаг влияния. С другой стороны, после введения западных санкций и потери европейского рынка Россия стала критически зависимой от китайского спроса. Китай превратился в крупнейшего покупателя российской нефти, и эта зависимость асимметрична: Китай может диверсифицировать источники импорта (Саудовская Аравия, Иран, Ирак, страны Персидского залива, африканские поставщики), Россия же не имеет альтернативных рынков сопоставимого масштаба.

Трубопровод «Сила Сибири», введённый в эксплуатацию в 2019 году, создал физическую инфраструктуру зависимости. Россия вложила триллионы

рублей в строительство трубопровода, разработку месторождений, создание всей необходимой инфраструктуры. Контракт рассчитан на 30 лет с фиксированными объёмами поставок. Детали ценообразования держатся в секрете, но западные эксперты, анализировавшие косвенные данные, считают, что условия невыгодны для России. Теперь Россия привязана к единственному покупателю этого газа, который может диктовать условия.

Нефтяной экспорт в Китай вырос многократно после 2022 года. Россия поставляет в Китай более 107 миллионов тонн нефти в год, став крупнейшим поставщиком. Однако это происходит со значительными скидками к мировым ценам. Китайские компании покупают российскую нефть ESPO на 15-25 долларов дешевле за баррель, перерабатывают на своих НПЗ и продают нефтепродукты по мировым ценам. Россия теряет десятки миллиардов долларов ежегодно на этих скидках, но альтернатив нет.

Более того, китайские компании всё глубже проникают в российский нефтегазовый сектор. Они финансируют новые проекты, предоставляют оборудование, получают доли в месторождениях. Российские компании, лишённые доступа к западным технологиям и финансам, вынуждены принимать китайские условия. Создаётся ситуация структурной зависимости, когда разворот к другим партнёрам становится всё более затруднительным.

Торговый баланс также демонстрирует растущую асимметрию. Китай стал крупнейшим торговым партнёром России, товарооборот превышает 200 миллиардов долларов в год. Однако структура торговли классически неоколониальная: Россия экспортирует преимущественно сырьё (нефть, газ, уголь, лес, металлы), Китай — готовую продукцию (от потребительских товаров до промышленного оборудования). Доля высокотехнологичных товаров в российском экспорте минимальна, в китайском — растёт.

После ухода западных компаний в 2022 году китайские товары заполнили российский рынок. Автомобили китайских марок заняли место европейских и японских. Бытовая электроника, смартфоны, компьютеры — практически всё теперь китайского производства. Промышленное оборудование, станки, компоненты — также всё чаще китайские. Создаётся технологическая зависимость нового типа: российская промышленность и потребительский рынок привязываются к китайским поставкам.

Особенно тревожна зависимость в сфере информационных технологий. Китайское телекоммуникационное оборудование (Huawei, ZTE) всё шире внедряется в российскую инфраструктуру. Системы видеонаблюдения, сетевое оборудование, серверы — китайское присутствие растёт. С точки зрения информационной безопасности это создаёт критические уязвимости. Китайские спецслужбы получают потенциальные backdoors в российские коммуникации, возможности для мониторинга и, при необходимости, для кибератак.

Финансовая сфера пока остаётся областью относительно ограниченного китайского проникновения, но тенденция меняется. Доля юаня в российско-китайских расчётах выросла до доминирующей.

Российские компании и банки накапливают юаневые резервы. Китайские банки осторожно расширяют присутствие на российском рынке. Однако юань не является свободно конвертируемой валютой, его использование контролируется Пекином. Это означает, что накопление юаневых резервов создаёт новую зависимость — от готовности Китая обменивать юани на другие валюты или товары.

Критически важно понимать риски так называемых «вторичных санкций». Китайские банки и компании опасаются нарушать западный санкционный режим, поскольку это может привести к их отключению от долларовой финансовой системы. Поэтому даже в юаневых расчётах возникают задержки, повышенные комиссии, требования дополнительных гарантий. Китайские финансовые институты фактически действуют как неформальные агенты западного санкционного режима, ограничивая российский доступ даже к китайским финансам.

Региональный анализ зависимости показывает, что наиболее уязвимыми являются восточные территории России. Дальний Восток экономически переориентировался на Китай практически полностью. Приморский край, Амурская область, Хабаровский край, Забайкалье — все эти регионы торгуют преимущественно с Китаем, зависят от китайских инвестиций, китайского оборудования, часто от китайской рабочей силы. Региональные элиты выстраивают прямые связи с китайскими провинциями, зачастую минуя Москву.

Эта региональная зависимость создаёт долгосрочные риски. В случае ослабления федерального центра дальневосточные регионы могут оказаться в ситуации, когда их экономическое выживание полностью зависит от Китая. Соблазн формализовать эту зависимость через более тесную интеграцию, специальные экономические зоны, возможно, даже политические договорённости, может оказаться непреодолимым для региональных элит. Китай терпеливо создаёт эти зависимости, не форсируя политические выводы, но оставляя их как опцию на будущее.

Инфраструктурные проекты с китайским участием также требуют внимательного анализа. Китайские компании строят дороги, мосты, энергетические объекты на российской территории. Формально это инвестиции в развитие, фактически создаётся зависимость от китайских подрядчиков, оборудования, часто финансирования. Условия многих проектов непрозрачны, контракты засекречены. Есть основания полагать, что в долгосрочной перспективе Россия окажется в долговой зависимости, аналогичной той, в которую Китай загнал многие африканские и азиатские страны через свою инициативу «Один пояс, один путь».

Leverage points — точки, где Россия ещё сохраняет рычаги влияния — немногочисленны, но существуют.

Во-первых, это сами энергоресурсы: Китай зависит от импорта нефти и газа, и российские поставки по сухопутным маршрутам более надёжны, чем морские, уязвимые для блокады. Теоретически Россия могла бы

использовать угрозу прекращения поставок как инструмент давления, хотя практически это маловероятно, учитывая российскую зависимость от ресурсных доходов.

Во-вторых, это военные технологии в отдельных нишевых областях, где Россия ещё сохраняет преимущество: ракетные двигатели, некоторые системы ПВО, атомная энергетика. Китай заинтересован в доступе к этим технологиям. Однако этот рычаг слабеет с каждым годом по мере того, как Китай развивает собственные компетенции.

В-третьих, это геополитическая ценность России как актора, отвлекающего внимание США. Пока Вашингтон озабочен Россией, у Китая больше свободы манёвра в Азии. Однако эта ценность зависит от способности России оставаться значимым игроком, что требует ресурсов и эффективности, которых становится всё меньше.

В-четвёртых, это потенциал сотрудничества России с конкурентами Китая — прежде всего с Индией, но также с Японией, Вьетнамом, другими странами АТР. Угроза российско-индийского сближения или нормализации отношений с Западом может служить ограниченным сдерживающим фактором для чрезмерно агрессивной китайской политики.

Детальный аудит должен также включать анализ неформальных сетей влияния. Китайские диаспоры в российских приграничных регионах, экономические связи местного бизнеса с китайскими партнёрами, коррупционные схемы с участием китайских и российских чиновников, культурное влияние через образовательные программы и СМИ — всё это создаёт сложную сеть зависимостей, которые трудно измерить количественно, но которые могут оказаться критически важными в перспективе.

Имеются основания считать, что без такого детального аудита любые разговоры о стратегии останутся абстрактными. Необходимо знать точно, где Россия уязвима, где зависимость критическая, где есть возможности для диверсификации. Только на основе этого знания можно выстраивать реалистичный план действий. Игнорирование проблемы, отказ от честного анализа из страха увидеть неприятную правду — это путь к ещё большей зависимости и, в конечном счёте, к утрате суверенитета.

Российские власти, судя по публичной риторике, либо не осознают масштаб проблемы, либо сознательно её скрывают. Официальные заявления продолжают говорить о «взаимовыгодном сотрудничестве», «стратегическом партнёрстве», «дружбе народов». Критический анализ российско-китайских отношений практически отсутствует в официальном дискурсе. Эксперты, указывающие на растущую асимметрию и риски, маргинализируются или обвиняются в русофобии и работе на западные интересы.

Между тем, именно честное признание проблемы — первый и критически важный шаг к её решению. Пока российская элита продолжает жить в мире иллюзий, убаюкивая себя риторикой о «многополярности» и «евразийском партнёрстве», Китай методично выстраивает структуры

зависимости. Каждый год промедления делает разворот более трудным, а цену возвращения субъектности — более высокой. Существует критическая точка, после которой зависимость становится необратимой. По всем признакам, Россия стремительно приближается к этой точке.

Осознание проблемы — это болезненный процесс, требующий интеллектуального мужества и готовности признать собственные ошибки. Российской элите придётся отказаться от удобных иллюзий великодержавности, признать реальность многоуровневой асимметрии с Китаем, честно оценить масштаб зависимости. Это унизительно, это бьёт по самолюбию, это разрушает привычные нарративы. Но без этого шага невозможно двигаться дальше.

Китайский опыт показывает, что даже находясь в слабой позиции, можно выстроить стратегию постепенного усиления, сохранения субъектности, защиты жизненно важных интересов. Но эта стратегия требует реализма, терпения, дисциплины, долгосрочного планирования, pragmatизма без идеологических ограничений. Всего того, чего российской политике традиционно не хватает.

Аудит зависимости должен стать основой для выработки конкретного плана действий. Необходимо идентифицировать приоритеты: какие зависимости наиболее критичны и должны быть устраниены в первую очередь, какие можно терпеть в краткосрочной перспективе, где есть возможности для диверсификации, какие leverage points можно использовать в переговорах с Китаем. Без такого анализа стратегия будет строиться на песке.

Следующие главы этой части книги будут посвящены конкретным направлениям действий: экономической диверсификации, демографической политике, геополитическому маневрированию. Но все эти стратегии будут эффективны только если они основаны на честном понимании текущей ситуации. Именно поэтому осознание проблемы — не просто первый шаг, а фундамент, на котором должна строиться вся стратегия выживания России в условиях нарастающего китайского давления.

ГЛАВА 6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ — РАЗОРВАТЬ ПОРОЧНЫЙ КРУГ ЗАВИСИМОСТИ

Осознание проблемы, которому была посвящена предыдущая глава, закладывает фундамент для выработки стратегии. Однако между пониманием того, что нужно делать, и реальной способностью это сделать лежит пропасть, которую многие страны так и не смогли преодолеть. История полна примеров государств, которые осознавали свои структурные проблемы, формулировали правильные стратегии, но терпели неудачу в их реализации из-за отсутствия политической воли, институциональной слабости, коррупции или просто инерции системы.

Россия находится именно в такой критической точке. Диагноз поставлен: растущая зависимость от Китая, сырьевая экономика, технологическое отставание, демографический кризис, geopolитическая изоляция. Рецепт тоже известен: экономическая диверсификация, структурная трансформация, развитие технологий, выстраивание альтернативных партнёрств. Вопрос в том, возможна ли реализация этого рецепта в условиях современной России с её политической системой, институциональной слабостью, коррупцией и внешними ограничениями.

Необходимо сразу признать неудобную правду: задачи, которые будут сформулированы в этой главе, в краткосрочной и среднесрочной перспективе выглядят крайне трудновыполнимыми, если не утопическими. Отказ от сырьевой модели, которая формировалась десятилетиями и стала основой благосостояния элит. Диверсификация экспорта в условиях, когда половина мира ввела санкции. Технологическое развитие при хронической утечке мозгов и недофинансировании науки. Валютная независимость, когда альтернатив доллару и юаню практически нет.

Однако критически важно понимать, что эти задачи, какими бы сложными они ни казались, являются стратегическим императивом выживания. Альтернатива — не сохранение статус-кво, а постепенное, но неумолимое превращение России в ресурсный призрак Китая с последующей утратой реального суверенитета. Движение к этим целям, даже медленное и несовершенное, лучше, чем пассивное скольжение в зависимость. Это не программа немедленных действий, а стратегический горизонт, ориентир, к которому необходимо двигаться, корректируя курс по мере изменения обстоятельств.

Сырьевая зависимость: как экономическая структура определяет геополитическое положение.

Сырьевая экономика — это не просто специфическая отраслевая структура. Это система отношений, которая определяет место страны в глобальной иерархии, характер её политической системы, долгосрочные

перспективы развития. Страны, экономика которых основана на экспорте сырья, неизбежно оказываются в зависимом положении по отношению к тем, кто это сырьё перерабатывает и превращает в конечную продукцию с высокой добавленной стоимостью. Это не идеологическое утверждение, а экономическая реальность, многократно подтверждённая историческим опытом.

Россия получает более 60% экспортных доходов от продажи углеводородов и минерального сырья. Это классическая модель рентной экономики, где благосостояние элит и функционирование государства зависят не от производительности труда, инноваций или эффективности институтов, а от мировых цен на нефть, газ и металлы. Такая модель создаёт множественные искажения: коррупцию (легче захватить ренту от сырья, чем создавать конкурентоспособный бизнес), деиндустриализацию (обрабатывающая промышленность не может конкурировать с прибыльностью сырьевого сектора), авторитаризм (контроль над сырьевой рентой требует централизованной власти).

Голландская болезнь — классический термин, описывающий, как приток валюты от экспорта сырья укрепляет национальную валюту, делая другие сектора экономики неконкурентоспособными. Россия страдает от этого феномена десятилетиями. Каждый нефтяной бум убивал попытки развития обрабатывающей промышленности, каждое падение цен приводило к кризису, но не к структурным реформам, а к ожиданию нового роста цен.

Егор Гайдар в своей работе «Гибель империи» убедительно показал, как зависимость СССР от нефтяных доходов предопределила его крах, когда в середине 1980-х цены на нефть упали. Советская экономика, казавшаяся мощной, оказалась карточным домиком, построенным на нефтедолларах. Современная Россия воспроизводит ту же модель, только с ещё большей степенью зависимости. В СССР хотя бы существовала диверсифицированная, пусть и неэффективная, промышленность. В современной России промышленность деградировала ещё больше.

Сыревая специализация делает Россию объектом, а не субъектом в отношениях с Китаем. Пекин заинтересован именно в такой России — надёжном поставщике дешёвых ресурсов, не претендующем на технологическое партнёрство или равноправие. Попытки России продавать Китаю что-то кроме сырья наталкиваются на жёсткий протекционизм. Китайский рынок открыт для российской нефти и газа, но закрыт для российских промышленных товаров, сельхозпродукции с высокой добавленной стоимостью, технологий.

Структурная трансформация экономики от сырьевой к диверсифицированной — это не технократическая задача, а политический вызов. Сыревая модель создала класс бенефициаров — олигархов, контролирующих ресурсные активы, чиновников, получающих ренту от их распределения, регионы, зависящие от сырьевых доходов. Все они заинтересованы в сохранении статус-кво. Изменение модели означает

перераспределение власти и богатства, на что действующая элита не пойдёт добровольно.

Более того, в условиях санкций и международной изоляции структурная трансформация становится ещё более трудной. Развитие обрабатывающей промышленности требует доступа к технологиям, оборудованию, компонентам, которые Запад больше не поставляет. Китайская альтернатива есть, но она создаёт новую зависимость. Получается замкнутый круг: чтобы преодолеть зависимость от сырьевого экспорта, нужны технологии, но единственный доступный источник технологий — Китай, который заинтересован именно в сырьевой России.

Тем не менее, движение в сторону структурной трансформации возможно и необходимо. Это займёт не пять и не десять лет — реалистичный горизонт составляет 15-20 лет при условии последовательной политики и благоприятных обстоятельств. Но начинать нужно сейчас, потому что каждый год промедления делает задачу ещё более сложной.

Конкретные направления включают развитие химической промышленности (не просто продавать нефть, а перерабатывать её в полимеры, удобрения, фармацевтику), металлургии высоких переделов (не просто продавать руду и металл, а производить сложные изделия), машиностроения, электроники, фармацевтики. Каждая из этих отраслей требует инвестиций, технологий, квалифицированных кадров, десятилетий терпеливого развития. Китай прошёл этот путь за 30 лет, Южная Корея за 40, Япония за 50. У России нет преимуществ, которые были у этих стран (доступ к западным рынкам и технологиям, дисциплинированное население, эффективные институты), но есть ресурсы, образованное население, научные школы.

Владислав Иноземцев, российский экономист, в своих работах неоднократно подчёркивал, что «Россия обречена оставаться сырьевым придатком до тех пор, пока элиты извлекают основную прибыль именно из сырьевого сектора». Структурная трансформация требует изменения системы стимулов, налогообложения, государственной политики. Нужно сделать обрабатывающую промышленность настолько же прибыльной, как сырьевой сектор, что требует масштабных субсидий, защиты внутреннего рынка, инвестиций в инфраструктуру и образование.

Важно понимать, что в краткосрочной перспективе это будет стоить дорого и не даст немедленных результатов. Будут ошибки, коррупция, неэффективные проекты. Именно это произошло со «Сколково» и другими попытками создать российскую Силиконовую долину — масса денег, минимум результатов. Однако отказ от попыток из-за страха неудачи гарантирует сохранение сырьевой зависимости. Нужно учиться на ошибках и продолжать попытки, а не сдаваться после первых провалов.

Диверсификация рынков: опасная игра в монопартнёра.

После февраля 2022 года Россия стремительно переориентировала свою торговлю с Запада на Восток, прежде всего на Китай. Это было вынужденной мерой в условиях санкций, но стратегически катастрофической. Россия заменила зависимость от множественных западных партнёров на зависимость от одного восточного, причём партнёра значительно более могущественного и стратегически мыслящего, чем она сама.

Китай стал крупнейшим торговым партнёром России с товарооборотом более 200 миллиардов долларов. Доля Китая в российском экспорте и импорте продолжает расти. Для многих российских регионов, особенно восточных, Китай фактически стал единственным значимым внешнеэкономическим партнёром. Это создаёт ситуацию, когда Пекин может диктовать условия, зная, что альтернатив у Москвы нет.

Классическое правило экономической безопасности гласит: не класть все яйца в одну корзину. Диверсификация партнёров снижает зависимость от любого отдельного актора, увеличивает переговорную силу, создаёт альтернативы в случае конфликта. Советский Союз, при всех его недостатках, понимал это правило и торговал с множеством стран, балансируя между различными партнёрами. Современная Россия, загнанная в угол санкциями, утратила это преимущество.

Диверсификация экспортных рынков в текущих условиях кажется невыполнимой задачей. Европа, которая была крупнейшим партнёром России, закрыла свой рынок для российских энергоресурсов и многих других товаров. США и их союзники ввели всеобъемлющие санкции. Большая часть развитого мира присоединилась к антироссийской коалиции. Куда экспортовать, если половина мировой экономики недоступна?

Однако необходимо отметить, что другая половина мира остаётся открытой, и эта половина растёт быстрее западной. Индия, страны Ближнего Востока, Латинская Америка, Африка, Юго-Восточная Азия — все эти регионы не присоединились к антироссийским санкциям и потенциально открыты для торговли. Вопрос в том, может ли Россия предложить им что-то кроме сырья, и готовы ли эти страны рисковать вторичными санкциями ради торговли с Россией.

Индия представляет собой наиболее очевидную альтернативу Китаю. Это вторая по населению страна мира с быстро растущей экономикой, естественный геополитический соперник Китая, традиционный партнёр России в военно-технической сфере. После 2022 года Индия значительно увеличила импорт российской нефти, став одним из крупнейших покупателей. Однако это преимущественно оппортунистическая сделка: Индия покупает российскую нефть с большими скидками, перерабатывает и продаёт нефтепродукты с прибылью.

Углубление отношений с Индией требует предложения чего-то большего, чем дешёвая нефть. Совместные технологические и ИТ проекты, производственная коопeração, долгосрочные стратегические альянсы — всё

это возможно, но требует политической воли и ресурсов. Россия традиционно поставляла Индии оружие, но этот рынок сокращается по мере того, как Индия развивает собственную оборонную промышленность и диверсифицирует поставщиков. Нужны новые форматы сотрудничества.

Критически важно, что Индия заинтересована в балансировании китайского влияния. Нью-Дели и Пекин имеют неразрешённые территориальные споры, конкурируют за влияние в Южной Азии и Индийском океане, соперничают за статус азиатского лидера. Россия может использовать эту конкуренцию, предлагая Индии партнёрство, которое усиливает её позиции *vis-à-vis* Китая. Однако это требует осторожности — слишком явное антикитайское позиционирование может спровоцировать резкую реакцию Пекина.

Страны Ближнего Востока и Персидского залива — ещё одно перспективное направление. Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар обладают огромными финансовыми ресурсами и заинтересованы в диверсификации своих экономик и политических связей. После начала украинского конфликта эти страны демонстрировали нейтралитет, отказываясь присоединяться к антироссийским санкциям. ОПЕК+, где Россия сотрудничает с Саудовской Аравией, показал возможности координации.

Однако отношения с этими странами сложны. Они являются союзниками США и зависят от американских гарантий безопасности. Слишком тесное сближение с Россией может вызвать американское недовольство. Более того, страны Персидского залива конкурируют с Россией на рынках энергоресурсов. Тем не менее, возможности для сотрудничества существуют: совместные инвестиционные проекты, технологические альянсы, координация на энергетических и ИТ рынках.

Юго-Восточная Азия (АСЕАН) представляет интерес именно потому, что многие страны региона обеспокоены китайской экспанссией. Вьетнам имеет территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море и исторически опасается китайского доминирования. Индонезия, Филиппины, Малайзия также озабочены растущей напористостью Пекина. Россия могла бы предложить этим странам альтернативного партнёра в оборонной, энергетической, технологической сферах.

Проблема в том, что у России сейчас мало что есть привлекательного для предложения. Военная техника, показавшая слабые стороны в Украине, стала менее востребованной. Технологии отстают от западных и китайских. Инвестиционные возможности ограничены. Научно-технические направления и ресурсы также уступают Китаю и США. Страны АСЕАН прагматичны и выбирают партнёров, исходя из выгоды, а не из желания балансировать Китай. России нужно создавать реальную ценность, а не полагаться на антикитайские настроения.

Латинская Америка и Африка — огромные регионы с миллиардами потенциальных потребителей. СССР активно работал в этих регионах во время холодной войны. Россия в 1990-2000-е годы практически ушла оттуда,

освободив пространство для Китая, который методично его заполнил. Китайская торговля с Латинской Америкой превышает 450 миллиардов долларов, с Африкой — более 250 миллиардов. Китайские инвестиции, инфраструктурные проекты, кредиты связали эти регионы с Пекином.

Российское возвращение в Латинскую Америку и Африку потребует огромных ресурсов и времени. Нужно конкурировать не только с Китаем, но и с традиционным западным присутствием. России есть что предложить — энергетические технологии, оружие, удобрения, зерно, ядерные технологии. Но это требует долгосрочной стратегии, дипломатических усилий, финансовых вложений. В условиях ограниченных ресурсов и необходимости концентрироваться на более приоритетных направлениях, экспансия в эти регионы может быть лишь долгосрочной перспективой.

Европа остаётся слоном в комнате, о котором неудобно говорить, но который невозможно игнорировать. Европейский Союз был крупнейшим торговым партнёром России, на него приходилось более 40% российской внешней торговли. Европа покупала российский газ, нефть, металлы, удобрения. Россия импортировала европейские технологии, оборудование, потребительские товары. Эта взаимозависимость разрушена конфликтом, и восстановление кажется невозможным в обозримой перспективе.

Тем не менее, с точки зрения долгосрочной стратегии, полный отказ от европейского направления был бы ошибкой. История показывает, что геополитические конфигурации меняются, вчерашние враги становятся партнёрами, а союзники — соперниками. Через десять-пятнадцать лет ситуация может кардинально измениться. Европа может переориентироваться, осознав, что зависимость от Китая опаснее, чем взаимодействие с Россией. Может произойти смена политических режимов в России или в европейских странах, открывающая возможности для примирения.

Поддержание минимальных каналов коммуникации, сохранение человеческих связей, готовность к диалогу при изменении обстоятельств — всё это элементы долгосрочной стратегии. Замена европейского партнёрства на китайскую зависимость не должна быть необратимой. Россия должна оставлять себе возможность разворота, пусть и в отдалённой перспективе.

Следует предположить, что диверсификация экспортных рынков — это не задача на год или даже на пятилетку. Это многолетний процесс, требующий дипломатических усилий, экономических стимулов, инфраструктурных инвестиций. Необходимо строить транспортные коридоры в обход Китая, развивать порты и логистику, адаптировать продукцию под требования новых рынков, обучать кадры, понимающие специфику различных регионов.

Важнейший урок: нельзя заменять одну монозависимость на другую. Ошибка России 2000-2010-х годов была в чрезмерной ориентации на Европу. Ошибка 2020-х годов — в столь же чрезмерной переориентации на Китай. Здоровая экономика требует множественных партнёров, баланса,

способности маневрировать между различными акторами. Это сложно, это требует дипломатического искусства и экономической гибкости, но это необходимо для сохранения суверенитета.

Технологическая автономия: утопия или стратегический императив.

Зависимость от импортных технологий превращает страну в вечного догоняющего, лишённого стратегической автономии. Советский Союз понимал это и создал замкнутую технологическую систему, способную производить практически всё необходимое, пусть и с отставанием от Запада по качеству. Россия 1990-2000-х годов растеряла это наследие, превратившись в импортера технологий из Европы, США, позднее из Китая.

Западные санкции 2014 и особенно 2022 года обнажили критическую технологическую зависимость России. Микроэлектроника, станки, промышленное оборудование, медицинские приборы, телекоммуникации, программное обеспечение — практически всё это импортировалось с Запада. Отключение от западных поставок парализовало целые сектора экономики. Российская авиация не может производить современные самолёты без западных двигателей и авионики. Автомобильная промышленность остановилась без иностранных компонентов. Даже военная промышленность оказалась зависимой от импортной электроники.

Китай частично заполнил образовавшийся вакуум, но это лишь заменило одну зависимость на другую, причём потенциально более опасную. Китайские технологии часто уступают западным, хотя этот разрыв сокращается. Более важно, что Китай контролирует доступ к этим технологиям и может использовать его как инструмент политического давления. Китайское оборудование может содержать backdoors для шпионажа или саботажа. Зависимость от китайских технологий — это зависимость от стратегического соперника, который рассматривает Россию как объект для эксплуатации.

Диверсификация источников технологий и создание собственных компетенций — это задача, которая кажется утопической в текущих российских условиях. Страна с утечкой мозгов, деградирующей наукой, коррумпированной системой, изоляцией от глобальных технологических сетей — как она может создать конкурентоспособную технологическую базу? Скептицизм понятен, но капитуляция перед трудностями гарантирует вечную зависимость.

Поиск альтернативных источников технологий должен начинаться с понимания, что технологический мир не сводится к дилемме Запад-Китай. Существуют страны со значительными технологическими компетенциями, которые не присоединились к антироссийским санкциям или применяют их избирательно. Индия развивает собственную IT-индустрию, космические технологии, фармацевтику. Южная Корея — лидер в полупроводниках,

дисплеях, бытовой электронике. Япония, несмотря на санкции, сохраняет возможности для ограниченного сотрудничества через третьи страны. Турция обладает компетенциями в оборонных технологиях, беспилотниках. Израиль — в кибербезопасности, медицинских технологиях, агротехнологиях.

Практически каждая из этих стран осторожничает в отношениях с Россией, опасаясь вторичных санкций или политических последствий. Но экономические интересы часто пересиливают политические соображения. Израиль, несмотря на давление США, продолжает ограниченное технологическое взаимодействие с Россией. Турция балансирует между НАТО и сотрудничеством с Москвой. Индия расширяет связи, видя в России противовес Китаю.

Задача российской дипломатии — использовать эти окна возможностей, предлагать взаимовыгодные проекты, обходить ограничения через третьи страны и посреднические схемы. Это сложная, кропотливая работа, требующая гибкости и изобретательности. Массовые закупки невозможны из-за санкций, но ограниченные поставки критических технологий, лицензирование производства, совместные разработки — всё это реализуемо при наличии воли и ресурсов.

Восстановление научно-технического сотрудничества с Европой выглядит фантастикой в текущих условиях, но может стать реальностью в долгосрочной перспективе. Европейские научные институты страдают от разрыва связей с российскими коллегами, особенно в фундаментальной науке. Неформальные контакты сохраняются, отдельные учёные продолжают сотрудничество вопреки политическим ограничениям. Через посредничество нейтральных стран, через международные научные организации можно поддерживать минимальный уровень взаимодействия, который при изменении обстановки может быть расширен.

Однако ключевым направлением должно стать создание собственных технологических компетенций в критических областях. Полная автаркия невозможна и неэффективна — даже Советский Союз импортировал западные технологии, легально и нелегально. Но критические технологии, от которых зависит национальная безопасность и экономическая жизнеспособность, должны производиться внутри страны или в дружественных странах.

Микроэлектроника — наиболее болезненная зависимость. Россия практически не производит современные полупроводники. Все попытки создать отечественную микроэлектронику провалились из-за технологического разрыва, отсутствия инвестиций, утечки кадров. Между тем, современные чипы критичны для всего — от смартфонов до ракет. Китай вкладывает сотни миллиардов в развитие собственной полупроводниковой промышленности, понимая стратегическую важность. России нужна аналогичная программа, пусть с более скромными целями.

Реалистичная задача — не догнать мировых лидеров в производстве чипов на 3-5 нанометров (это требует инвестиций в сотни миллиардов долларов и недоступных технологий), а создать способность производить чипы предыдущих поколений (28-65 нм), достаточные для большинства применений, кроме самых передовых. Это всё равно сложная задача, но не невыполнимая. Китай прошёл этот путь за 15 лет, Россия могла бы пройти за 10-12 при наличии политической воли и ресурсов.

Программное обеспечение — область, где импортозамещение более реалистично. Россия обладает сильными IT-кадрами, несмотря на утечку мозгов. Создание собственных операционных систем, прикладного ПО, баз данных возможно и частично уже реализуется. Проблема в том, что российское ПО часто уступает западному по качеству и функциональности, пользователи сопротивляются переходу. Нужны не только технологии, но и экосистема, стандарты, обучение пользователей.

Искусственный интеллект, большие данные, кибербезопасность — области, где Россия сохраняет определённые компетенции. Российские специалисты востребованы в мировых технологических компаниях. Задача в том, чтобы создать условия для работы этих специалистов в России, а не за рубежом. Это требует конкурентных зарплат, современного оборудования, академических свобод, интеграции в глобальные исследовательские сети.

Сергей Гуриев и Олег Цывинский в работе о российской экономике отмечали, что «технологическое развитие невозможно без институциональных реформ — защиты интеллектуальной собственности, независимых судов, борьбы с коррупцией». Попытки создать технологические центры в условиях слабых институтов приводят к разворовыванию средств и имитации деятельности. «Сколково» стало символом этой проблемы — миллиарды потрачены, реальных прорывных технологий не создано.

Возвращение утечки мозгов — критическая задача. Сотни тысяч высококвалифицированных специалистов покинули Россию за последние десятилетия, этот процесс ускорился после 2022 года. Программисты, учёные, инженеры — именно те люди, которые нужны для технологического развития, — уезжают туда, где их ценят и адекватно оплачивают. Без них никакие инвестиции не превратятся в технологии.

Программы репатриации требуют не только финансовых стимулов (конкурентных зарплат, грантов, льгот), но и создания среды, в которой талантливые люди хотят жить и работать. Это означает академические свободы, отсутствие политического давления, возможности для исследований, интеграцию в мировое научное сообщество. В условиях авторитаризма и международной изоляции создать такую среду крайне сложно.

Валютная ловушка: от доллара к юаню и обратно к суверенитету.

Валютная зависимость — это, возможно, наиболее тонкий, но крайне важный аспект экономической уязвимости. Страна, расчёты которой ведутся в валюте, контролируемой другим государством, фактически отдаёт часть своего экономического суверенитета. Доминирование доллара в мировой экономике давало США огромные преимущества и возможности для экономического принуждения через санкции. Россия болезненно ощутила это после 2014 и особенно 2022 года, когда значительная часть её валютных резервов была заморожена, а доступ к долларовым расчётам ограничен.

Дедолларизация стала модным термином в российском политическом дискурсе. Снижение зависимости от американской валюты подаётся как стратегический приоритет и признак суверенности. Действительно, доля доллара в российских международных расчётах снизилась с более чем 80% в 2021 году до менее 30% в 2024 году. На первый взгляд, это успех. Однако важен вопрос: чем заменён доллар?

Ответ неутешителен: преимущественно юанем. Доля китайской валюты в российских расчётах выросла до более чем 40% и продолжает увеличиваться. Россия заменила зависимость от американской валюты на зависимость от китайской. С точки зрения экономической безопасности это не решение проблемы, а замена одной уязвимости на другую, потенциально даже более опасную.

Критически важно понимать природу юаня. Это не свободно конвертируемая валюта, как доллар или евро. Обмен юаня контролируется Народным банком Китая, трансграничные потоки капитала жёстко регулируются, курс не определяется исключительно рынком. Это означает, что накопление юаневых резервов создаёт зависимость от готовности Пекина обменивать эти юани на другие валюты или товары.

Более того, если Китай решит применить финансовое давление на Россию, он может это сделать через контроль над юанем. Ограничение конвертируемости, введение дополнительных требований для расчётов, манипуляции с курсом — всё это инструменты, которыми располагает Пекин. США применяли долларовые санкции как оружие, Китай может применить юаневые санкции аналогичным образом.

Российские юаневые резервы составляют значительную часть валютных активов. Это создаёт риск, аналогичный тому, который материализовался с долларовыми резервами в 2022 году. Если отношения с Китаем испортятся (маловероятный, но не невозможный сценарий), Россия может обнаружить, что её юаневые активы заблокированы или обесценены. Диверсификация резервов критически важна, но возможности ограничены.

Логично утверждать, что валютная независимость требует диверсификации расчётов между множественными валютами. Использование евро (где возможно, через трети страны), индийской рупии, турецкой лиры, валют стран Персидского залива, даже криптовалют — всё это снижает зависимость от любой отдельной валюты. Концепция «корзины валют» в расчётах более устойчива, чем монозависимость от доллара или юаня.

Развитие расчётов в национальных валютах с различными странами — ещё одно направление. Рублёво-руピーевые расчёты с Индией, рублёво-лировые с Турцией, рублёво-риаловые с Ираном — всё это создаёт альтернативные каналы, не зависящие от доллара или юаня. Проблема в том, что рубль не является резервной валютой, его принимают ограниченно, инфляция и нестабильность снижают доверие к нему.

Укрепление рубля через структурные реформы — это долгосрочная задача, требующая макроэкономической стабильности, низкой инфляции, диверсифицированной экономики, сильных институтов. Пока российская экономика остаётся сырьевой, инфляция высокой, а институты слабыми, рубль будет оставаться нестабильной валютой, малопривлекательной для международных расчётов и резервирования.

Золото как часть резервов — традиционный способ диверсификации. Россия значительно увеличила долю золота в резервах, что даёт определённую защиту от валютных манипуляций. Однако золото неликвидно, его сложно использовать в текущих расчётах, хранение и транспортировка создают проблемы. Золото — это страховка, но не решение валютной проблемы.

Минимизация доли юаня в резервах стратегически желательна, но практически затруднена. Куда переводить резервы? Доллар и евро заблокированы санкциями. Другие валюты недостаточно ликвидны. Золото имеет ограничения. Получается, что юань остаётся наименее плохой опцией из доступных. Это тупик, из которого нет лёгкого выхода.

Криптовалюты иногда рассматриваются как альтернатива традиционным валютам, свободная от государственного контроля. Россия обсуждает возможность использования криптовалют в международных расчётах для обхода санкций. Однако криптовалюты волатильны, их масштаб недостаточен для крупных транзакций, регулирование неопределённо. Это может быть дополнительный инструмент, но не основа валютной системы.

Представляется возможным сказать, что валютная диверсификация — это не техническая задача, а стратегический императив, решение которого требует комплексного подхода: развития экономики для укрепления рубля, диверсификации торговых партнёров для использования множественных валют, создания альтернативных платёжных систем, накопления различных активов в резервах. Это работа на десятилетия, но начинать нужно сейчас.

Можно сказать, что задачи, сформулированные в этой главе — отказ от сырьевой зависимости, диверсификация рынков, технологическая автономия, валютная независимость — выглядят утопическими в контексте современной России. Страна с коррумпированной элитой, слабыми институтами, международной изоляцией, ограниченными ресурсами, утечкой талантов вряд ли способна реализовать столь амбициозную программу трансформации.

Скептицизм понятен и обоснован. История полна примеров провалившихся программ модернизации, растрраченных впустую ресурсов, имитации реформ вместо реальных изменений. Российский опыт последних десятилетий даёт мало оснований для оптимизма. «Сколково», импортозамещение, цифровизация, прорывные технологии — все эти лозунги обрачивались коррупционными скандалами и минимальными результатами.

Тем не менее, критически важно понимать, что эти задачи являются не благими пожеланиями, а стратегическими императивами выживания. Альтернатива их реализации — это не сохранение статус-кво, а продолжение скольжения в китайскую зависимость, постепенная утрата экономического суверенитета, превращение в ресурсный придаток более могущественного соседа. Через десять-пятнадцать лет без изменения траектории Россия может обнаружить, что утратила способность проводить независимую политику, что её экономика полностью контролируется Пекином, что регионы фактически интегрированы в китайскую систему.

Эти задачи должны рассматриваться не как краткосрочная программа, а как стратегический горизонт, направление движения. Полная реализация займёт 15-20 лет при благоприятных обстоятельствах, возможно, дольше. Будут ошибки, откаты, провалы. Но движение в этом направлении, пусть медленное и несовершенное, лучше, чем пассивное принятие неизбежности зависимости.

Начинать нужно с малого, с достижимого. Пилотные проекты по импортозамещению в критических технологиях. Развитие связей с одной-двумя странами как альтернатива Китаю. Постепенная диверсификация валютных резервов. Программы возвращения хотя бы части эмигрантов. Каждый небольшой шаг в правильном направлении снижает зависимость и создаёт основу для следующих шагов.

Есть все основания полагать, что без политической воли к переменам, без готовности элит поступиться краткосрочными интересами ради долгосрочного выживания страны, без институциональных реформ, создающих условия для эффективной реализации стратегии, все эти планы останутся на бумаге. Вопрос не в том, знает ли Россия, что нужно делать — это более-менее понятно. Вопрос в том, способна ли существующая политическая система это сделать. И ответ на этот вопрос далеко не очевиден.

ГЛАВА 7. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: БИТВА ЗА ТЕРРИТОРИЮ

Экономическая диверсификация, рассмотренная в предыдущей главе, представляет собой долгосрочный вызов, требующий десятилетий последовательных усилий. Однако существует проблема ещё более фундаментальная и неотложная — демографическая пустыня на российском Дальнем Востоке и в Сибири. Если экономические структуры можно изменить за пятнадцать-двадцать лет при наличии воли и ресурсов, то демографические процессы обладают гораздо большей инерцией. Население не появляется по щелчку пальцев, инфраструктура строится годами, миграционные потоки формируются десятилетиями, культурная идентичность регионов складывается поколениями.

Дальний Восток и Сибирь — это не просто территории на карте, это фундамент Российской государственности, источник ресурсов, геополитический форпост на границе с Китаем. Потеря контроля над этими регионами, пусть даже не формальная, а фактическая, через экономическое доминирование и демографическое проникновение, означала бы конец России как великой державы и, возможно, как единого государства. Именно поэтому демографическая и пространственная политика — это не второстепенный вопрос социального развития, а экзистенциальный императив выживания.

Предыдущие главы показали, как Китай терпеливо выстраивает структуры зависимости, используя российскую слабость. Демографический дисбаланс на границе — это, возможно, самая критическая из всех асимметрий. Восемь миллионов россиян на шести миллионах квадратных километров против более ста миллионов китайцев в непосредственной близости от границы — это не просто статистика, это геополитическая бомба замедленного действия. Пустые территории в истории никогда не оставались пустыми надолго. Вопрос не в том, будут ли они заполнены, а в том, кем.

Дальневосточная пустыня: когда география становится приговором.

Российский Дальний Восток — это территория площадью более 6,2 миллиона квадратных километров, что превышает площадь Европейского Союза. Здесь сосредоточены колоссальные запасы полезных ископаемых, леса, рыбные ресурсы, выход к Тихому океану. Это потенциально один из богатейших регионов мира. Однако фактически это демографическая пустыня, население которой неуклонно сокращается уже три десятилетия.

В 1991 году на Дальнем Востоке проживало около 8 миллионов человек. Сейчас эта цифра снизилась до примерно 8,1 миллиона, но только благодаря административному присоединению части территорий. Фактическое сокращение населения региона составило более миллиона человек за тридцать лет. Причём уезжают преимущественно молодые,

образованные, активные люди. Остаются пожилые, те, у кого нет ресурсов для переезда, те, кто привязан к месту обстоятельствами.

Плотность населения составляет около 1 человека на квадратный километр. Для сравнения, в китайских северо-восточных провинциях этот показатель превышает 100 человек на квадратный километр. Города пустеют, инфраструктура разрушается, целые посёлки исчезают с карты. Достаточно проехать по Магаданской области или северу Хабаровского края, чтобы увидеть заброшенные дома, закрытые школы, разрушенные дороги. Это не постапокалиптические декорации из фильма — это реальность российского Востока.

Анатолий Вишневский, ведущий российский демограф, в своих работах неоднократно предупреждал, что «демографический вакуум на огромных территориях создаёт объективные условия для их заполнения извне, и игнорирование этого факта — стратегическая ошибка, которую Россия может дорого заплатить». Природа, как известно, не терпит пустоты. Если российское государство не может заполнить свои территории собственным населением, их заполнят другие — через миграцию, экономическую экспансию, культурное влияние.

Контраст с китайской стороной границы поражает любого, кто видел его собственными глазами. Город Благовещенск на российском берегу Амура и китайский Хэйхэ на противоположном берегу находятся в прямой видимости друг от друга, их разделяют несколько сотен метров реки. Однако это два совершенно разных мира. Благовещенск с населением около 220 тысяч человек выглядит провинциально, тихо, слегка уныло. Хэйхэ с населением более 1,6 миллиона человек — это динамичный, растущий город с новостройками, торговыми центрами, активной экономической жизнью.

Эта картина повторяется вдоль всей границы. Российские приграничные территории депопулируют и деградируют, китайские — развиваются и притягивают население. Экономическая активность концентрируется на китайской стороне, логистические цепочки выстраиваются через китайские порты и транспортные узлы, инвестиции идут в китайскую инфраструктуру. Российский Дальний Восток постепенно превращается в сырьевой придаток и транзитную территорию для китайской экономики.

Критически важно понимать, что демографический кризис на Дальнем Востоке — это не результат какого-то единичного провала политики, а следствие системных проблем, накапливавшихся десятилетиями. Суровый климат, удалённость от центра, неразвитая инфраструктура, отсутствие экономических возможностей, социальная изоляция — всё это делает регион непривлекательным для жизни. Советский Союз удерживал население на Востоке принудительными методами, идеологической мобилизацией, северными надбавками и льготами. После распада СССР эти механизмы перестали работать, и люди массово уезжали.

Попытки остановить отток населения в 1990-2000-е годы были половинчатыми и неэффективными. Программа предоставления бесплатных земельных участков на Дальнем Востоке, запущенная в 2016 году, привлекла определённое внимание, но фактические результаты оказались скромными. Получить гектар земли в тайге — это одно, а создать на нём жизнеспособное хозяйство без дорог, электричества, связи — совершенно другое. Большинство участников программы либо отказались от земли, либо используют её формально, не переезжая на Дальний Восток постоянно.

Временное окно для решения дальневосточной проблемы стремительно сужается. Через десять-пятнадцать лет при сохранении текущих тенденций население региона может сократиться до 6-7 миллионов человек, причём с крайне неблагоприятной возрастной структурой. Экономика региона окончательно интегрируется в китайскую систему. Региональные элиты выстроят прямые связи с китайскими провинциями, минуя Москву. Китайское культурное и языковое влияние станет доминирующим в приграничных районах. В такой ситуации формальный российский суверенитет над территориями будет означать всё меньше и меньше.

Программы заселения: между необходимостью и невозможностью.

Заселение Дальнего Востока — это задача, масштаб которой трудно переоценить. Речь идёт не о переселении нескольких тысяч или даже сотен тысяч человек. Чтобы создать демографически устойчивый, экономически жизнеспособный, культурно русский регион, нужно привлечь и удержать миллионы людей. Это сопоставимо с великими миграциями прошлого — освоением американского Запада, заселением Сибири в имперский период, целинной эпопеей.

Проблема в том, что современная Россия не обладает ни ресурсами, ни механизмами для осуществления такой миграции. Советский Союз мог мобилизовать население идеологически, направлять людей по распределению, создавать целые города в тайге за счёт централизованных ресурсов. Современное российское государство значительно слабее, экономика не может обеспечить масштабных инвестиций, люди свободны в выборе места жительства и не поедут туда, где нет условий для нормальной жизни.

Тем не менее, отказ от попыток означает медленную сдачу территорий Китаю. Программы заселения, какими бы трудновыполнимыми они ни казались, остаются стратегическим императивом. Вопрос не в том, возможно ли это, а в том, какую цену Россия готова заплатить за сохранение контроля над Дальним Востоком.

Экономические стимулы должны быть радикальными, а не косметическими. Бесплатный гектар земли без инфраструктуры никого не привлечёт. Нужны комплексные пакеты, делающие переход на Дальний

Восток действительно выгодным. Существенные подъёмные выплаты для переселенцев — не символические сто тысяч рублей, а миллион-два на семью. Бесплатное жильё или беспроцентная ипотека с возможностью списания при проживании в регионе определённое количество лет. Земельные участки с подведённой инфраструктурой — дорогами, электричеством, водой.

Налоговые льготы должны быть настолько значительными, чтобы компенсировать все неудобства жизни в суровом климате и удалённости от центра. Фактически полное освобождение от подоходного налога на пятнадцать-двадцать лет. Нулевые ставки по налогу на имущество и землю. Льготные тарифы на коммунальные услуги, компенсируемые из федерального бюджета. Субсидии на авиабилеты для связи с другими регионами России.

Наталья Зубаревич, ведущий российский специалист по региональному развитию, справедливо отмечает, что «попытки развития Дальнего Востока проваливаются не из-за отсутствия программ, а из-за отсутствия реальных денег и политической воли их реализовывать». Действительно, программ развития Дальнего Востока было множество — федеральные целевые программы, территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, министерство по развитию Дальнего Востока. Результаты минимальны, потому что финансирование недостаточно, а коррупция съедает значительную часть выделенных средств.

Для реального заселения Дальнего Востока нужны инвестиции, сопоставимые с военным бюджетом. Речь идёт о сотнях миллиардов долларов в течение десятилетий. Строительство дорог, аэропортов, портов, энергетической инфраструктуры. Создание современных городов с качественным жильём, школами, больницами, культурными центрами. Субсидирование бизнеса, создающего рабочие места. Всё это требует ресурсов, которых у современной России нет, особенно в условиях санкций и необходимости финансировать военные действия.

Более того, даже при наличии денег возникает проблема реализации. Российская строительная отрасль печально известна коррупцией, срывами сроков, низким качеством работ. Дороги разрушаются через год после строительства, новые здания требуют ремонта сразу после сдачи, инфраструктурные проекты обходятся в два-три раза дороже мировых аналогов при худшем качестве. Без кардинальной реформы системы госзакупок, без борьбы с коррупцией, без привлечения независимого контроля массовое строительство на Дальнем Востоке превратится в очередную кормушку для чиновников и аффилированных подрядчиков.

Особые экономические зоны с преференциальными условиями — это идея, которая может работать, если реализована правильно. Китай создал специальные экономические зоны в конце 1970-х годов, и они стали двигателями экономического роста. Шэньчжэн превратился из рыбацкой деревни в мегаполис с населением более 12 миллионов человек. Однако

китайский успех был обусловлен доступом к западным инвестициям и технологиям, дешёвой рабочей силе, глобальным рынкам сбыта. У российского Дальнего Востока нет этих преимуществ.

Территории опережающего развития, созданные на Дальнем Востоке с 2014 года, дали скромные результаты. Привлечено несколько сотен миллиардов рублей инвестиций, создано несколько десятков тысяч рабочих мест. Это капля в море на фоне масштаба проблемы. Более того, значительная часть инвестиций пришла именно из Китая, что усиливает китайское экономическое присутствие в регионе вместо того, чтобы его уравновешивать.

Критически важно понимать, что любые программы заселения будут эффективны только если Дальний Восток станет привлекательным местом для жизни, а не зоной вахтового метода и временного пребывания. Люди должны хотеть не просто заработать денег и уехать, а жить там, растить детей, связывать с регионом своё будущее. Это требует не только экономических стимулов, но и качества жизни, сопоставимого с центральными регионами России или превосходящего их.

Современные города с комфорtnым жильём, качественными дорогами, надёжными коммунальными услугами. Школы и университеты, дающие образование не хуже московского. Больницы с современным оборудованием и квалифицированными врачами. Театры, музеи, спортивные сооружения, парки. Быстрый и доступный транспорт, связывающий Дальний Восток с остальной Россией. Всё это звучит как утопия в контексте российской реальности, где даже в столице половина этих вещей не работает должным образом.

Миграционная политика: опасная игра с демографией.

Если привлечение собственного населения на Дальний Восток наталкивается на огромные трудности, возникает соблазн решить проблему через миграцию. Россия исторически была страной, привлекавшей мигрантов, и современная российская экономика во многих секторах зависит от мигрантов из Центральной Азии. Почему бы не использовать миграцию для заселения пустующих территорий?

Проблема в том, что миграция — это обоюдоострый меч. Неконтролируемая или неправильно направленная миграция может не решить проблему, а усугубить её, создав новые вызовы. Особенно опасна в контексте Дальнего Востока китайская миграция, которая может превратиться из экономического взаимодействия в демографическую экспансию.

Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке уже сейчас значительно и растёт. Точные цифры неизвестны, поскольку значительная часть китайских мигрантов находится в России нелегально или полулегально. Оценки варьируются от нескольких сотен тысяч до миллиона человек.

Китайцы работают на стройках, в сельском хозяйстве, в торговле, в лесозаготовках. Во многих дальневосточных городах китайские рынки, кафе, магазины стали привычной частью городского пейзажа.

На первый взгляд, это взаимовыгодное сотрудничество. Российский бизнес получает дешёвую рабочую силу, китайские мигранты — возможность заработка. Однако в долгосрочной перспективе массовая китайская миграция создаёт риски демографического замещения. Китайские мигранты, в отличие от среднеазиатских, часто приезжают семьями, селятся компактно, создают собственную инфраструктуру, сохраняют язык и культуру. Формируются китайские анклавы, которые слабо интегрируются в российское общество.

Более того, существуют обоснованные опасения, что китайская миграция может быть инструментом долгосрочной стратегии Пекина по установлению контроля над территориями. Китай имеет исторический опыт демографической экспансии — китайские общины в Юго-Восточной Азии стали экономически доминирующими во многих странах региона, сохраняя связи с исторической родиной. Аналогичный процесс на российском Дальнем Востоке мог бы через несколько поколений привести к ситуации, когда регион будет номинально российским, но фактически китайским по населению, экономике, культуре.

Жёсткий контроль над китайской миграцией — это стратегическая необходимость, как бы это ни противоречило экономической целесообразности. Квоты на выдачу рабочих виз, запрет на приобретение земли китайскими гражданами в приграничных районах, контроль над созданием китайских анклавов, депортация нелегальных мигрантов — всё это меры, которые необходимы для предотвращения демографической экспансии. Да, это осложнит отношения с Пекином. Да, это создаст дефицит рабочей силы в некоторых секторах. Но альтернатива — постепенное превращение Дальнего Востока в де-факто китайскую территорию.

Если китайская миграция должна быть ограничена, то откуда брать мигрантов для заселения региона? Наиболее очевидный и безопасный источник — постсоветские страны с русскоязычным или славянским населением. Украина после окончания конфликта и возможного урегулирования, Молдова, Белоруссия, страны Прибалтики, Казахстан — все эти страны имеют значительное русскоязычное население, часть которого потенциально готова к миграции в Россию.

Проблема в том, что эти страны сами страдают от оттока населения и вряд ли будут поощрять массовую эмиграцию в Россию. Более того, после событий 2022 года отношение к России в этих странах резко ухудшилось, и многие потенциальные мигранты выбирают Европу, а не Россию. Тем не менее, экономические стимулы могут быть эффективными — если Россия предложит действительно привлекательные условия, часть населения может откликнуться.

Привлечение этнических русских из-за рубежа — программа, которая существует формально, но работает слабо. Миллионы этнических русских проживают в странах бывшего СССР, часто в неблагоприятных условиях, сталкиваясь с дискриминацией или экономическими трудностями. Программа переселения соотечественников могла бы стать мощным инструментом увеличения населения Дальнего Востока, если бы была реализована масштабно и эффективно.

Но фактически программа работает вяло. Бюрократические препоны, небольшие подъёмные выплаты, отсутствие помощи в трудоустройстве и жилье делают её малопривлекательной. Более того, многие потенциальные переселенцы, приехав в Россию, сталкиваются с коррупцией, хамством чиновников, обманом работодателей и предпочитают вернуться обратно или переехать в другие страны.

Программы интеграции мигрантов критически важны, но в России они практически отсутствуют. Мигранты из Центральной Азии, составляющие значительную часть трудовой миграции, часто живут в гетто, не знают русского языка, не интегрируются в общество. Это создаёт социальную напряжённость, межэтнические конфликты, криминал. Без продуманной политики интеграции — обучение языку, адаптационные программы, социальная поддержка, борьба с дискриминацией — миграция создаст больше проблем, чем решений.

Следует предположить, что оптимальная миграционная политика для Дальнего Востока должна балансировать между необходимостью привлечения населения и рисками демографической экспансии. Приоритет должен отдаваться мигрантам из культурно близких стран, жёсткий контроль над китайской миграцией, масштабная программа депатриации этнических русских, эффективная интеграция всех категорий мигрантов. Всё это требует политической воли, ресурсов, административной эффективности — всего того, чего России традиционно не хватает.

Демографический кризис: когда проблема глубже территории.

Заселение Дальнего Востока упирается в более фундаментальную проблему — общероссийский демографический кризис. Невозможно заселить Восток, если страна в целом теряет население. Россия находится в демографической яме, из которой выбраться крайне сложно. Смертность превышает рождаемость, население стареет, трудоспособное население сокращается.

Суммарный коэффициент рождаемости в России составляет около 1,5 ребёнка на женщину при необходимом для простого воспроизводства населения уровне 2,1. Это означает, что каждое новое поколение на треть меньше предыдущего. При сохранении таких тенденций население России к середине века может сократиться до 130-135 миллионов человек, как

предсказывают демографы. События 2022 года ускорили этот процесс — массовая эмиграция, мобилизация, рост смертности.

Стимулирование рождаемости — задача, над которой бьются правительства многих развитых стран, и почти везде безуспешно. Материнский капитал, введённый в России в 2007 году, дал временный эффект — рождаемость выросла, но затем снова начала падать. Люди, откладывавшие рождение второго ребёнка, реализовали свои планы благодаря материнскому капиталу, но на увеличение желаемого числа детей программа не повлияла.

Радикальное увеличение материнского капитала и пособий на детей может дать эффект, но требует огромных бюджетных расходов. Если материнский капитал составляет сейчас около 630 тысяч рублей, то для реального влияния на решения семей его нужно увеличить как минимум втрое-вчетверо. Ежемесячные пособия на детей должны быть не символическими несколькими тысячами рублей, а существенными суммами, позволяющими одному из родителей не работать или работать неполный день.

Франция и скандинавские страны, имеющие относительно высокую рождаемость по европейским меркам, тратят на семейную политику 3-4% ВВП. Россия тратит значительно меньше. Увеличение расходов до европейского уровня требовало бы десятков миллиардов долларов ежегодно. В условиях дефицита бюджета, санкций, военных расходов найти такие деньги крайне сложно.

Более того, деньги — это не единственный и не главный фактор. Рождаемость падает не только из-за экономических причин, но и из-за изменения ценностей, образа жизни, приоритетов. Современные женщины хотят делать карьеру, путешествовать, реализовывать себя, а не сидеть дома с тремя-четырьмя детьми. Урбанизация, образование, эмансипация — всё это снижает рождаемость, и этот процесс универсален для всех развитых обществ.

Создание условий для совмещения работы и материнства — важное направление, но его реализация в России наталкивается на множество препятствий. Доступные детские сады, гибкий рабочий график, возможность работы из дома, защита от дискrimинации беременных и матерей — всё это требует не только законодательных изменений, но и культурного сдвига. Российские работодатели часто рассматривают женщин детородного возраста как нежелательных сотрудников, опасаясь декретных отпусков.

Налоговые льготы для многодетных семей существуют, но они недостаточны для реального стимулирования. Освобождение от налога на имущество, земельный налог, вычеты по подоходному налогу — всё это помогает, но не меняет фундаментального расчёта большинства семей. Для реального эффекта льготы должны быть настолько значительными, чтобы радикально изменить экономику семьи, что требует серьёзных бюджетных потерь.

Бесплатное жильё для семей с детьми в восточных регионах — это идея, которая могла бы работать, если бы была реализована масштабно. Государство строит современное комфортное жильё и бесплатно передаёт его семьям, которые переезжают на Дальний Восток и обязуются прожить там определённое количество лет, рожая детей. Это требует колоссальных инвестиций в строительство, но могло бы решить одновременно две задачи — заселение региона и стимулирование рождаемости.

Культурная политика, поощряющая многодетность, сталкивается с противоречием между традиционными ценностями и современной реальностью. Пропаганда традиционной семьи, материнства, патриотизма ведётся активно, но её эффективность сомнительна. Молодое поколение, выросшее в эпоху интернета и глобализации, не очень восприимчиво к советской по стилю пропаганде. Более того, навязывание консервативных ценностей силой вызывает отторжение и контэрэфект.

Можно сделать вывод, что демографический кризис не имеет быстрых решений. Это проблема, требующая комплексного подхода на протяжении десятилетий — экономических стимулов, социальной инфраструктуры, культурных изменений, миграционной политики. Даже при оптимальной политике эффект проявится не раньше, чем через поколение. А текущая российская политика далека от оптимальной.

Экономическое развитие: превращение вахты в дом.

Заселение Дальнего Востока невозможно без его экономического развития. Люди не будут жить там, где нет работы и возможностей для нормальной жизни. Сейчас Дальний Восток — это преимущественно регион вахтового метода. Люди приезжают заработать денег на добыче ресурсов и уезжают, как только накопят достаточно или надоест. Нужно превратить регион в место, где люди хотят жить постоянно.

Диверсификация региональной экономики — ключевая задача. Сейчас экономика Дальнего Востока почти полностью зависит от добычи и экспорта сырья — нефть, газ, уголь, лес, рыба, металлы. Это классическая сырьевая экономика со всеми её пороками: зависимость от мировых цен, отсутствие добавленной стоимости, минимум рабочих мест. Нефть добывают вахтовым методом, грузят в танкеры и везут в Китай. Лес вырубают и экспортуют необработанным. Рыбу ловят и продают сырой или с минимальной переработкой.

Создание обрабатывающих производств на Дальнем Востоке могло бы дать рабочие места, увеличить добавленную стоимость, привлечь население. Переработка древесины в мебель, стройматериалы, бумагу. Нефтехимия вместо экспорта сырой нефти. Переработка рыбы и морепродуктов. Металлургия высоких переделов. Всё это требует инвестиций в заводы, оборудование, технологии, обучение кадров.

Проблема в том, что в условиях удалённости от рынков сбыта, высоких транспортных издержек, дефицита квалифицированной рабочей силы обрабатывающие производства на Дальнем Востоке часто неконкурентоспособны. Почему строить завод во Владивостоке, если можно построить его ближе к потребителям в европейской части России или вообще в Китае? Государственные субсидии могут компенсировать эти недостатки, но требуют постоянных бюджетных вливаний.

Высокотехнологичные производства выглядят ещё более утопично в контексте Дальнего Востока. Технологические компании концентрируются в местах с развитой инфраструктурой, университетами, культурной средой, привлекающей таланты. Кремниевая долина, бостонский хайвей, лондонский технологический кластер — всё это места с уникальными экосистемами. Попытки искусственно создать такие кластеры обычно проваливаются, как показал пример «Сколково».

Тем не менее, определённые ниши возможны. Дальний Восток имеет преимущества в некоторых областях — судостроение, судоремонт, морские технологии, переработка морских биоресурсов, арктические технологии. Развитие этих направлений могло бы создать высокооплачиваемые рабочие места для квалифицированных специалистов. Но это требует инвестиций в образование, исследования, инфраструктуру.

Развитие связей с Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН критически важно для диверсификации экономики региона и снижения зависимости от Китая. Эти страны имеют передовые технологии, капитал, потребность в ресурсах. Владивосток географически ближе к Токио и Сеулу, чем к Москве. Логично было бы развивать тихоокеанскую интеграцию, превращая Дальний Восток в мост между Россией и Азией.

Однако политические обстоятельства препятствуют этому. Япония и Южная Корея — союзники США, присоединились к антироссийским санкциям. Территориальный спор с Японией по Курильским островам блокирует нормализацию отношений. В результате потенциал сотрудничества с этими странами остаётся нереализованным, а Дальний Восток всё более переориентируется на Китай, единственного крупного партнёра, готового к сотрудничеству.

Транспортная инфраструктура, связывающая Дальний Восток с центром России, находится в плачевном состоянии. Транссибирская магистраль перегружена и технически устарела. Автомобильных дорог приемлемого качества практически нет. Авиасообщение дорогое и неудобное. В результате Дальний Восток экономически и психологически оторван от остальной России, что усиливает его тяготение к соседним азиатским странам, прежде всего к Китаю.

Строительство современной транспортной инфраструктуры — автомагистралей, скоростных железных дорог, аэропортов-хабов — могло бы интегрировать регион в российское экономическое пространство. Но это требует триллионов рублей инвестиций и десятилетий строительства. В

условиях ограниченных ресурсов и более неотложных приоритетов такие проекты откладываются на неопределённое будущее.

Имеются основания считать, что экономическое развитие Дальнего Востока невозможно без фундаментальных изменений в общероссийской экономической модели. Пока страна остаётся сырьевой, коррумпированной, с плохими институтами и неблагоприятным инвестиционным климатом, никакие региональные программы не сработают. Дальний Восток — это микрокосм российских проблем, только усиленный географическими факторами.

Можно отметить, что демографическая и пространственная политика в отношении Дальнего Востока и Сибири представляет собой комплекс задач, каждая из которых по отдельности кажется крайне трудновыполнимой, а в совокупности — практически невозможной. Привлечь миллионы людей на удалённые территории с суровым климатом в условиях демографического кризиса. Построить современную инфраструктуру при дефиците бюджета и эндемической коррупции. Создать диверсифицированную экономику в условиях международной изоляции. Контролировать миграцию при острой нехватке рабочей силы. Стимулировать рождаемость в обществе, где ценности изменились.

Скептицизм в отношении возможности решения этих задач вполне обоснован. Три десятилетия постсоветской истории дали мало примеров успешной реализации масштабных государственных программ. Дальневосточные программы провалились, демографические инициативы дали временный эффект, инфраструктурные проекты застопорились или реализованы неэффективно. Нет оснований полагать, что будущие попытки окажутся успешнее, если не изменится сама система управления, не будут проведены институциональные реформы, не появится политическая воля к реальным изменениям.

Тем не менее, критически важно понимать, что эти задачи не являются опциональными улучшениями, желательными, но необязательными. Это вопросы экзистенциального выживания России как территориально целостного государства. Провал демографической и пространственной политики на Дальнем Востоке означает не просто экономические потери или снижение качества жизни. Это означает медленную, но необратимую утрату контроля над огромными территориями.

Через двадцать-тридцать лет при сохранении текущих тенденций Дальний Восток может остаться формально российским, но фактически превратиться в китайскую экономическую зону с преимущественно китайским населением, китайскими инвестициями, китайской инфраструктурой, ориентацией на Пекин. Региональные элиты будут больше зависеть от Китая, чем от Москвы. Китайский язык станет вторым языком де-факто. Экономика региона полностью интегрируется в китайскую систему.

В такой ситуации любое ослабление федерального центра — политический кризис, экономический коллапс, военное поражение — может

привести к сепарации региона не обязательно через формальное отделение, но через фактическое превращение в китайский протекторат. Китай не нужно будет применять силу или даже открыто вмешиваться. Достаточно будет предложить экономическую помощь, инвестиции, рабочие места — и региональные элиты сами выберут Пекин вместо ослабленной Москвы.

Движение к решению демографических и пространственных проблем должно начаться сейчас, пусть медленно, пусть несовершенно, пусть с ошибками и откатами. Каждый год промедления сужает окно возможностей. Каждая тысяча людей, уехавших с Дальнего Востока, каждый километр территории, де-факто переданный под китайский контроль, каждый ребёнок, не рождённый из-за отсутствия условий, делают задачу сложнее.

Это не призыв к оптимизму или вера в чудесные решения. Это трезвое понимание того, что альтернатива действию — это не сохранение нынешнего состояния, а его ухудшение, скольжение к критической точке, за которой процессы станут необратимыми. Россия находится в положении, когда у неё нет хороших вариантов, есть только плохие и очень плохие. Задача в том, чтобы выбрать наименее плохой и двигаться по нему с максимальной последовательностью и решительностью.

ГЛАВА 8. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И ИННОВАЦИИ: БИТВА ЗА БУДУЩЕЕ В УСЛОВИЯХ НАСТОЯЩЕГО

Предыдущие главы последовательно раскрывали масштаб вызовов, стоящих перед Россией в её отношениях с Китаем. Экономическая диверсификация требует десятилетий последовательной работы, демографическое заселение Дальнего Востока наталкивается на системные препятствия, геополитическое маневрирование ограничено международной изоляцией. Однако существует область, где асимметрия между Россией и Китаем проявляется особенно болезненно и где отставание грозит необратимыми последствиями — это сфера технологий и инноваций.

Технологическое превосходство в современном мире определяет не только экономическую конкурентоспособность, но и военную мощь, политическое влияние, способность диктовать стандарты и правила игры. Страна, зависящая от импорта критических технологий, обречена на подчинённое положение независимо от размера территории или ядерного арсенала. Советский Союз это понимал и создал замкнутую технологическую систему, которая, при всех недостатках, обеспечивала стратегическую автономию. Современная Россия растеряла это наследие и оказалась в положении технологического импортёра, зависимого сначала от Запада, а теперь всё больше от Китая.

События последних лет обнажили катастрофическую технологическую зависимость России. Западные санкции перекрыли доступ к микроэлектронике, промышленному оборудованию, программному обеспечению, критически важным компонентам. Китай частично заполнил этот вакuum, но на своих условиях, создавая новую, потенциально ещё более опасную зависимость. Между тем, сам Китай методично движется к технологическому лидерству, инвестируя сотни миллиардов долларов в исследования и разработки, привлекая таланты со всего мира, создавая экосистемы инноваций.

Вопрос технологической независимости для России — это не вопрос престижа или амбиций. Это вопрос выживания как самостоятельного актора на мировой арене. Страна, которая не может производить собственные чипы, разрабатывать программное обеспечение, создавать передовые материалы, неизбежно окажется в технологической колонии у тех, кто это умеет. В контексте российско-китайских отношений это означает превращение в технологического вассала Пекина, полностью зависимого от китайской технологической благосклонности.

Критические технологии: где Россия проиграла гонку и можно ли её догнать.

Современная экономика и военная мощь зиждутся на нескольких критических технологических областях, контроль над которыми определяет

положение страны в глобальной иерархии. Микроэлектроника и полупроводники образуют фундамент цифровой цивилизации — от смартфонов до систем вооружений всё зависит от чипов. Искусственный интеллект становится новой промышленной революцией, определяющей конкурентоспособность во всех сферах. Биотехнологии и фармацевтика критичны для здоровья населения и биологической безопасности. Материаловедение и нанотехнологии создают основу для прорывов в энергетике, транспорте, промышленности. Энергетические технологии определяют способность обеспечивать экономику доступной энергией.

Положение России в каждой из этих областей варьируется от плачевного до посредственного. В микроэлектронике разрыв с лидерами достиг пропасти, которую невозможно преодолеть традиционными методами. Современные чипы производятся по технологическим нормам 3-5 нанометров, требуя инвестиций в десятки миллиардов долларов в оборудование и исследования. Россия практически не производит современные полупроводники, полностью зависит от импорта. Попытки создать отечественную микроэлектронную промышленность провалились из-за технологического разрыва, отсутствия инвестиций, утечки кадров.

Владислав Иноземцев в своих работах жёстко, но справедливо отмечает, что "российские разговоры о технологическом прорыве остаются именно разговорами, поскольку системных предпосылок для такого прорыва нет — ни институциональных, ни финансовых, ни человеческих". Действительно, создание конкурентоспособной технологической базы требует не просто денег, а целой экосистемы — университетов мирового уровня, венчурного капитала, защиты интеллектуальной собственности, культуры инноваций, связей с глобальными исследовательскими сетями. Всего этого в России либо нет, либо присутствует в зачаточном состоянии.

Тем не менее, полная капитуляция перед технологическим разрывом означала бы стратегическое самоубийство. Необходимо определить реалистичные цели и сконцентрировать ограниченные ресурсы на их достижении. В микроэлектронике Россия не сможет в обозримом будущем производить чипы на 3-5 нанометров, конкурируя с TSMC или Samsung. Однако вполне реалистична задача освоения производства на технологических нормах 28-65 нанометров, достаточных для большинства применений, кроме самых передовых. Это всё ещё сложнейшая задача, требующая миллиардов долларов инвестиций и десятилетия работы, но она находится в пределах теоретической достижимости.

Китай прошёл путь от полной зависимости от импорта чипов до создания собственной, пусть и отстающей от лидеров, полупроводниковой промышленности за пятнадцать лет. Правительство инвестировало более ста миллиардов долларов, привлекло тысячи специалистов из-за рубежа, построило фабрики, создало цепочки поставок. Россия могла бы повторить этот путь, но это требует политической воли, огромных инвестиций, защиты от коррупции, привлечения талантов. При текущей системе управления и

распределения ресурсов любая программа развития микроэлектроники рискует превратиться в очередное "Сколково" — громкие обещания, миллиарды потраченных средств, минимум результатов.

Искусственный интеллект представляет собой область, где Россия сохраняет определённые компетенции благодаря сильным математическим школам и талантливым программистам. Однако эти таланты массово работают на зарубежные компании или эмигрировали. Российские разработки в области ИИ существуют, но их масштаб несопоставим с американскими или китайскими. Китай инвестирует десятки миллиардов долларов ежегодно в развитие ИИ, рассматривая его как ключ к технологическому лидерству. США вкладывают ещё больше. Россия тратит несколько сотен миллионов долларов — разница на два порядка.

Более того, развитие ИИ требует не только алгоритмов, но и вычислительных мощностей, огромных массивов данных, интеграции в реальные бизнес-процессы. Вычислительные мощности зависят от тех же самых чипов, которые Россия не производит. Массивы данных требуют цифровизации экономики, которая в России отстает. Интеграция в бизнес требует предпринимательской культуры и инвестиций, которых не хватает. Получается замкнутый круг, выход из которого неочевиден.

Биотехнологии и фармацевтика — ещё одна область критической зависимости, обнажённая пандемией COVID-19. Россия оказалась способна быстро создать несколько вакцин, что показало сохранность определённых компетенций в вирусологии и биологии. Однако производство современных лекарств почти полностью зависит от импортных субстанций, оборудования, технологий. Фармацевтическая промышленность России — это преимущественно упаковка импортных субстанций, а не полный цикл разработки и производства.

Развитие собственной биотехнологической и фармацевтической промышленности требует долгосрочных инвестиций в исследования, клинические испытания, производственные мощности. Это десятилетия работы и миллиарды долларов. Китай последовательно развивает эту отрасль, превращаясь в одного из мировых лидеров в производстве дженериков и постепенно наращивая компетенции в разработке оригинальных препаратов. Индия уже давно стала "мировой аптекой", производя огромные объёмы доступных лекарств. Россия остаётся импортером.

Материаловедение и нанотехнологии — область, где советское наследие ещё не полностью утрачено. Российские материаловеды сделали значительный вклад в мировую науку, научные школы сохраняются. Однако переход от фундаментальных исследований к промышленному применению буксует. Разработки остаются на уровне лабораторий, не находя внедрения в производство. Причины те же: отсутствие связи науки и бизнеса, дефицит инвестиций, слабая защита интеллектуальной собственности, утечка талантов.

Энергетические технологии — возможно, единственная область, где Россия сохраняет определённые конкурентные позиции. Атомная энергетика остаётся сильной стороной — "Росатом" экспортирует реакторы и технологии. Это наследие советской ядерной программы, которое удалось сохранить и частично развить. Однако даже здесь зависимость от импорта оборудования и компонентов растёт. Возобновляемая энергетика в России развита слабо, несмотря на огромный потенциал. Солнечные панели и ветряные турбины импортируются, преимущественно из Китая.

Следует предположить, что Россия не может конкурировать с Китаем, США или Европой по всему спектру критических технологий. Ресурсов не хватит, разрыв слишком велик, времени мало. Необходима жёсткая приоритизация — выбор нескольких направлений, где сохранились компетенции и где технологическая независимость наиболее критична для безопасности и суверенитета. Это могут быть атомная энергетика, отдельные направления в ИИ, киберзащита, космические технологии, отдельные оборонные технологии. Всё остальное придётся импортировать, но желательно диверсифицируя источники, а не завися от одного Китая.

Утечка мозгов: как Россия готовит кадры для чужих экономик.

Технологическое развитие невозможно без людей — учёных, инженеров, программистов, которые создают инновации. Россия обладает сильной традицией математического и естественнонаучного образования, однако эти таланты массово покидают страну, работая на экономики конкурентов. Это не просто экономическая потеря, это стратегическая катастрофа. Каждый уехавший талантливый физик, программист, биолог — это инвестиция российской системы образования в чужую экономику.

Масштаб утечки мозгов трудно оценить точно из-за отсутствия надёжной статистики, но различные исследования указывают на сотни тысяч высококвалифицированных специалистов, покинувших Россию за последние три десятилетия. После 2022 года этот процесс резко ускорился — по различным оценкам, от 500 тысяч до миллиона человек уехали, значительную часть составили именно IT-специалисты, учёные, инженеры. Это колossalная потеря человеческого капитала, которую невозможно компенсировать в краткосрочной перспективе.

Причины эмиграции хорошо известны. Низкие зарплаты по сравнению с международным уровнем — российский программист или учёный может увеличить доход в три-пять раз, переехав на Запад. Отсутствие условий для исследований — устаревшее оборудование, бюрократия, дефицит финансирования. Политическое давление и отсутствие академических свобод. Коррупция в распределении грантов и позиций. Общая деградация социальной среды, заставляющая думать о будущем детей.

Программы репатриации существуют формально, но работают крайне неэффективно. "Мегагранты" для привлечения ведущих учёных, программы для молодых исследователей, обещания финансирования и условий — всё это есть на бумаге. На практике гранты получают часто не те, кто того заслуживает, а те, кто связан с нужными людьми. Обещанное финансирование задерживается или урезается. Оборудование не поставляется или оказывается не тем. Бюрократия душит любую инициативу.

Виталий Гинзбург, лауреат Нобелевской премии по физике, ещё при жизни говорил о том, что "российская наука умирает не из-за отсутствия талантов, а из-за условий, которые делают невозможной их реализацию". С тех пор ситуация только ухудшилась. Талантливый молодой учёный, получив степень в российском университете, сталкивается с выбором: остаться в России с зарплатой 50-70 тысяч рублей, работая на устаревшем оборудовании, или уехать за рубеж, где предложат стипендию в несколько тысяч долларов и доступ к современным лабораториям.

Создание конкурентных условий труда и зарплат требует радикального увеличения финансирования науки и образования. Зарплаты ведущих учёных и исследователей должны быть сопоставимы с западными — сотни тысяч долларов в год для топовых специалистов. Это кажется невероятным в контексте российских бюджетных реалий, но альтернатива — продолжение утечки талантов. Десять по-настоящему выдающихся учёных, получающих по 500 тысяч долларов в год, обойдутся в 5 миллионов — меньше стоимости одного истребителя. Но эти учёные могут создать технологии, определяющие будущее страны.

Академические свободы и условия для исследований не менее важны, чем деньги. Учёным нужна возможность выбирать темы исследований, публиковаться в международных журналах, сотрудничать с зарубежными коллегами, критиковать власть без страха репрессий. В современной России всё это проблематично. Растёт цензура, усиливается идеологический контроль, международное сотрудничество ограничивается санкциями и подозрениями в шпионаже. Талантливые люди не хотят работать в атмосфере страха и ограничений.

Технопарки и исследовательские центры мирового уровня — это инфраструктура, необходимая для прорывных исследований. "Сколково" должно было стать российской Кремниевой долиной, но превратилось в коррупционный скандал с минимальными результатами. Милиарды потрачены, созданы офисные здания и инфраструктура, но прорывных технологий не появилось. Причина в том, что технопарк — это не здания, а люди, культура, связи, экосистема. Нельзя создать это приказом и бюджетными вливаниями.

Привлечение иностранных талантов могло бы частично компенсировать утечку, но Россия крайне непривлекательна для иностранных учёных и специалистов. Языковой барьер, бюрократия, политическая нестабильность, санкции, низкое качество жизни — всё это

делает Россию одним из последних мест, куда талантливый иностранец захотел бы переехать. Китай, несмотря на авторитаризм, активно привлекает таланты со всего мира, предлагая конкурентные зарплаты, современные лаборатории, финансирование. Россия этого не делает.

Можно заключить, что без радикального изменения условий для научной и инженерной работы остановить утечку мозгов невозможно. Более того, в текущих обстоятельствах она может только ускориться. Каждая волна политических репрессий, каждое ужесточение контроля, каждый скандал с коррупцией в науке выталкивает за границу ещё сотни талантливых людей. Россия готовит кадры для американских университетов, европейских лабораторий, китайских технологических компаний. Это стратегическое самоубийство.

Инвестиции в науку: недофинансирование как национальная угроза.

Расходы на исследования и разработки — один из ключевых показателей, определяющих технологическое будущее страны. Россия тратит на R&D около 1% ВВП, что составляет примерно 40 миллиардов долларов в год. Для сравнения: США тратят около 3,5% ВВП (более 700 миллиардов долларов), Китай — около 2,4% ВВП (более 550 миллиардов долларов), Южная Корея и Израиль — более 4% ВВП. Разница не просто количественная, она определяет качественный разрыв в инновационных возможностях.

При таком уровне недофинансирования любые разговоры о технологическом прорыве остаются фантазией. Современная наука требует огромных инвестиций в оборудование, эксперименты, персонал. Один современный научный прибор может стоить миллионы долларов. Клинические испытания нового лекарства — сотни миллионов. Разработка нового чипа — миллиарды. При российском уровне финансирования можно поддерживать существование науки на минимальном уровне, но не делать прорывов.

Увеличение расходов на R&D до 3-4% ВВП — это стратегическая необходимость, но в текущих условиях кажется нереалистичной. Это потребовало бы дополнительных 100-150 миллиардов долларов ежегодно. Откуда взять такие деньги при дефиците бюджета, санкциях, необходимости финансировать военные расходы? Любое правительство столкнётся с жёстким выбором приоритетов, и наука традиционно проигрывает в конкуренции за ресурсы более неотложным нуждам.

Структура финансирования также важна. Государственное финансирование фундаментальной науки критически необходимо, поскольку бизнес не инвестирует в исследования без немедленной коммерческой отдачи. Российская академическая наука финансируется по остаточному принципу, зарплаты исследователей мизерны, гранты малы и распределяются

часто не по merit, а по связям. Реформа РАН в 2013 году, вместо того чтобы улучшить ситуацию, добавила бюрократии и снизила автономию научных институтов.

Стимулирование корпоративных исследований наталкивается на отсутствие инновационной культуры в российском бизнесе. Крупные компании предпочитают покупать готовые технологии за рубежом, а не разрабатывать собственные. Российские корпорации тратят минимум на R&D по сравнению с западными или китайскими аналогами. Газпром и Роснефть, с их многомиллиардными оборотами, инвестируют в исследования смехотворно малые суммы. Причина проста: зачем инвестировать в долгосрочные рискованные исследования, если можно просто добывать и продавать сырьё?

Венчурный капитал в России практически отсутствует. Стартапы, даже если появляются, сталкиваются с отсутствием финансирования на ранних стадиях. Российские венчурные фонды малочисленны и осторожны. Иностранные инвесторы ушли после 2014 года, а после 2022 года исчезли полностью. В результате талантливые предприниматели либо эмигрируют, создавая бизнес за рубежом, либо продают свои идеи иностранным компаниям, либо закрывают проекты из-за отсутствия финансирования.

Защита интеллектуальной собственности в России слаба, что подрывает стимулы к инновациям. Зачем изобретать, если изобретение будет украдено или скопировано без последствий? Патентная система работает плохо, суды неэффективны в защите прав изобретателей, enforcement практически отсутствует. В результате изобретатели предпочитают патентовать свои разработки за рубежом, где защита реальна.

Коммерциализация научных разработок — слабое звено российской инновационной системы. Даже когда российские учёные делают прорывные открытия, они часто остаются на уровне публикаций в научных журналах, не находя применения в промышленности. Отсутствует механизм переноса технологий из лабораторий в производство. Университеты и научные институты не имеют связей с бизнесом, бизнес не заинтересован в отечественных разработках. Технологии, которые могли бы стать основой новых производств, лежат мёртвым грузом или упłyвают за границу.

Имеются основания считать, что без радикального увеличения инвестиций в R&D и реформы всей инновационной экосистемы технологическая независимость останется мечтой. Однако реалистично ли ожидать таких инвестиций и реформ в текущих российских условиях? История последних тридцати лет даёт мало оснований для оптимизма. Программы и стратегии провозглашаются регулярно, деньги выделяются и разворовываются, результаты минимальны. Без изменения системы управления, борьбы с коррупцией, создания меритократии любые инвестиции будут неэффективны.

Образование: как готовить кадры для технологического прорыва.

Инновации создают люди, а люди формируются системой образования. Российская система образования до сих пор живёт советским наследием — сильные математические школы, традиции естественнонаучного образования, высокий общий уровень. Однако это наследие истощается, система деградирует под грузом недофинансирования, бюрократизации, идеологизации.

Модернизация системы образования должна начинаться со школы, но российская школа движется в противоположном направлении. Вместо развития критического мышления и творческих способностей усиливается натаскивание на ЕГЭ. Вместо академической свободы учителей растёт бюрократический контроль и идеологическое давление. Вместо современного оборудования и методик преобладают устаревшие подходы и материалы.

Акцент на STEM-дисциплины (наука, технологии, инженерия, математика) критически важен для подготовки кадров для технологической экономики. Китай массово готовит инженеров и учёных — ежегодно сотни тысяч выпускников с техническими специальностями. США озабочены дефицитом STEM-специалистов и привлекают их со всего мира. Россия теряет интерес молодёжи к техническим специальностям — престижными считаются юриспруденция, экономика, менеджмент, то есть профессии, не создающие технологий.

Развитие критического мышления требует отказа от традиционного российского подхода к обучению, основанного на заучивании и авторитете учителя. Студенты должны учиться думать самостоятельно, задавать вопросы, оспаривать утверждения, искать решения нестандартных задач. Это требует совершенно иной культуры преподавания, которой в российской системе образования нет. Более того, критическое мышление опасно с точки зрения авторитарной власти — люди, привыкшие думать самостоятельно, начинают задавать неудобные вопросы не только в науке, но и в политике.

Интеграция с глобальной академической средой необходима для того, чтобы российское образование и наука не превратились в изолированное болото. Студенты и преподаватели должны иметь возможность учиться и работать за рубежом, участвовать в международных проектах, публиковаться в лучших журналах. Санкции и политическая конфронтация разрывают эти связи. Российские университеты исключаются из международных программ, студентам отказывают в визах, совместные проекты сворачиваются.

Изучение китайского языка и культуры приобретает стратегическое значение. Если Россия вынуждена иметь дело с Китаем как основным партнёром, необходимо понимать этого партнёра глубоко — язык, культуру, историю, образ мышления. "Знай врага" — это не просто военная мудрость, но и дипломатическая, и экономическая. Однако изучение китайского в российских школах и университетах находится в зачаточном состоянии, несмотря на растущую важность.

Логично утверждать, что образовательная реформа — это долгосрочная инвестиция, отдача от которой проявится через поколение. Изменить систему образования за пять или даже десять лет невозможно. Нужны десятилетия последовательной работы — подготовка новых учителей, создание современных учебных материалов, строительство лабораторий и мастерских, изменение культуры преподавания и обучения. При этом любые реформы наталкиваются на сопротивление системы, привыкшей работать по-старому.

Защита от технологической колонизации: когда спасение — в паранойе.

Замена западной технологической зависимости на китайскую создаёт новые, потенциально ещё более опасные уязвимости. Китайские технологии часто содержат возможности для удалённого контроля, слежения, саботажа. Китайские спецслужбы имеют возможности встраивать backdoors в оборудование и программное обеспечение. Зависимость от китайских технологий в критической инфраструктуре создаёт риски национальной безопасности.

Контроль над китайскими инвестициями в технологические компании необходим для предотвращения утечки критических технологий и технологического шпионажа. Китайские компании и фонды активно скапывают технологические стартапы по всему миру, получая доступ к интеллектуальной собственности. В России, испытывающей острый дефицит инвестиций, китайские деньги приветствуются без должной проверки. Это опасно. Необходим механизм проверки иностранных инвестиций в чувствительные технологические сектора, аналогичный CFIUS в США.

Киберзащита и защита от промышленного шпионажа критически важны в условиях растущей зависимости от китайских технологий. Китай обладает одними из самых продвинутых киберспособностей в мире, государственные и негосударственные хакерские группы регулярно атакуют цели по всему миру. Российские государственные и коммерческие сети уязвимы. Использование китайского оборудования и программного обеспечения увеличивает эту уязвимость.

Ограничения на использование китайского телекоммуникационного оборудования в критической инфраструктуре — это мера, которую приняли многие западные страны, опасаясь шпионажа. Оборудование Huawei и ZTE было запрещено или ограничено в использовании в телекоммуникационных сетях США, Австралии, Великобритании, других стран. Россия, напротив, активно внедряет китайское телекоммуникационное оборудование, замещая западное. Это создаёт стратегическую уязвимость, которая может быть использована Пекином в будущем.

Аудит существующих систем на предмет китайских backdoors должен стать приоритетом, но требует технических компетенций, которых может не хватать. Обнаружение скрытых уязвимостей в сложном оборудовании или

программном обеспечении — это задача высокой сложности, требующая специалистов мирового уровня. Россия обладает сильными специалистами по кибербезопасности, но их численность ограничена, многие работают за рубежом.

Развитие собственных технологических стандартов могло бы снизить зависимость от чужих технологических экосистем. Собственная операционная система, собственные стандарты связи, собственные протоколы. Однако создание альтернативных стандартов требует не только технологических возможностей, но и критической массы пользователей. Россия недостаточно велика, чтобы создать замкнутую технологическую экосистему. СССР это мог, современная Россия — нет.

Представляется возможным сказать, что защита от китайского технологического проникновения требует баланса между необходимостью использовать доступные технологии и минимизацией рисков безопасности. Полный отказ от китайских технологий невозможен при отсутствии альтернатив. Однако бездумное внедрение китайского оборудования и ПО в критическую инфраструктуру без проверки и мер защиты — это стратегическая безответственность.

Можно отметить, что технологическая независимость и инновации — это, возможно, самая сложная из всех задач, стоящих перед Россией в контексте китайского вызова. Если демографическое заселение Дальнего Востока теоретически можно осуществить при наличии огромных ресурсов и политической воли, если экономическую диверсификацию можно постепенно реализовать через десятилетия работы, то технологический прорыв требует не только ресурсов и времени, но и системных изменений всей модели управления, культуры, институтов.

Технологии не создаются в вакууме. Они возникают в экосистемах, где взаимодействуют университеты мирового уровня, инновационные компании, венчурные инвесторы, талантливые предприниматели, эффективные институты защиты собственности и контрактов. Всего этого в России либо нет, либо присутствует в зачаточном состоянии. Попытки создать такие экосистемы административными методами и бюджетными вливаниями провалились.

Более того, текущая траектория ведёт не к технологической независимости, а к углублению зависимости от Китая. Утечка талантов ускоряется, финансирование науки сокращается в реальном выражении, международная изоляция разрывает связи с глобальным научным сообществом, китайские технологии заполняют вакуум, оставленный западными. Через десятилетие Россия может оказаться в положении полной технологической зависимости от Пекина, не способной производить ничего сложнее автомата Калашникова без китайских компонентов.

Выход из этой ловушки существует теоретически, но практически требует изменений, которые кажутся невозможными в текущей российской

системе. Радикальное увеличение инвестиций в науку и образование, создание условий для возвращения талантов, реформа университетов и исследовательских институтов, борьба с коррупцией в распределении грантов и позиций, интеграция с глобальной наукой, защита от технологического шпионажа — каждое из этих направлений по отдельности трудновыполнимо, в совокупности они выглядят утопией.

Тем не менее, движение в этом направлении, пусть медленное и несовершенное, остаётся единственной альтернативой технологической капитуляции. Каждый удержаный в России талантливый учёный, каждый дополнительный миллиард, инвестированный в исследования, каждая успешно коммерциализированная разработка, каждая мера защиты от технологического шпионажа — это маленькие шаги, которые в совокупности могут предотвратить худший сценарий.

Есть все основания полагать, что без технологической независимости, хотя бы частичной, в критических областях, Россия обречена на превращение в сырьевой придаток технологически развитых стран, прежде всего Китая. Ядерное оружие и природные ресурсы не компенсируют технологическое отставание в долгосрочной перспективе. Страна, неспособная производить современные чипы, разрабатывать ИИ, создавать новые материалы и лекарства, неизбежно окажется на периферии глобальной системы, объектом чужой политики, а не субъектом собственной. Вопрос лишь в том, когда это произойдёт и насколько болезненным будет процесс.

ГЛАВА 9. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ МАНЕВРИРОВАНИЕ: ИСКУССТВО БАЛАНСИРОВАНИЯ НА КРАЮ ЗАВИСИМОСТИ

Предыдущие главы последовательно раскрывали внутренние стратегии, необходимые для снижения зависимости России от Китая. Экономическая диверсификация, демографическое заселение Дальнего Востока, технологическая независимость — всё это критически важные направления работы. Однако даже самые успешные внутренние реформы не могут компенсировать геополитическую изоляцию. Страна, окружённая недружественными соседями или имеющая лишь одного крупного партнёра, неизбежно окажется в уязвимом положении независимо от силы внутренней экономики.

Россия сейчас находится именно в такой ловушке. Конфронтация с Западом привела к беспрецедентной изоляции, санкциям, разрыву экономических и технологических связей. В образовавшийся вакуум устремился Китай, заполняя его на своих условиях. Результат — стремительно растущая асимметричная зависимость, о которой подробно говорилось в первой части книги. Внутренние меры могут замедлить этот процесс, но не остановить его без изменения внешнеполитической конфигурации.

Геополитическое маневрирование — это искусство балансирования между различными центрами силы, использование противоречий между ними, создание противовесов доминирующему партнёру. Китай мастерски владел этим искусством в 1980-2000-е годы, маневрируя между США и СССР, затем между различными группами стран, извлекая выгоды от всех, не становясь полностью зависимым ни от кого. Россия должна заново научиться этому искусству, хотя её позиция значительно слабее китайской образца 1980-х годов.

Критически важно понимать, что геополитическое маневрирование в текущих условиях — задача исключительной сложности. Россия не располагает той свободой выбора, которую имел Китай. Западные санкции сужают пространство манёвра, экономическая слабость снижает привлекательность России как партнёра, идеологическая конфронтация затрудняет диалог. Тем не менее, даже в этих стеснённых обстоятельствах существуют возможности для расширения партнёрских связей и создания противовесов китайскому влиянию.

Индия: естественный союзник в балансировании Китая.

Индия представляет собой наиболее очевидного и естественного партнёра России в стратегии балансирования Китая. Это единственная страна, которая сопоставима с Китаем по населению, обладает ядерным оружием, быстро растущей экономикой, собственными технологическими амбициями и, что критически важно, имеет глубокие геополитические

противоречия с Пекином. Индийско-китайское соперничество — это не временная конъюнктура, а долгосрочная константа азиатской геополитики, основанная на территориальных спорах, конкуренции за влияние в регионе, исторической памяти.

Нерешённый пограничный конфликт между Индией и Китаем тлеет с 1962 года, когда произошла короткая, но унизительная для Индии война. Линия фактического контроля в Гималаях остаётся демилитаризованной зоной, где регулярно происходят инциденты. В 2020 году в долине Галван произошло кровопролитное столкновение без применения огнестрельного оружия, погибли десятки военных с обеих сторон. Это показало, насколько хрупким остаётся мир между двумя азиатскими гигантами и насколько глубоко недоверие.

Помимо территориального спора, Индия и Китай конкурируют за влияние в Индийском океане, Южной Азии, Юго-Восточной Азии. Китайская инициатива "Один пояс, один путь" воспринимается в Нью-Дели как попытка окружения через создание экономической инфраструктуры в Пакистане, Шри-Ланке, Мьянме, Бангладеш. Индия активно противодействует этому, выстраивая собственные связи с соседями, развивая отношения с США, Японией, Австралией в рамках "Quad" (четырёхстороннего диалога по безопасности).

Александр Лукин в своих работах справедливо отмечает, что "российско-индийское партнёрство имеет огромный, но нереализованный потенциал, который сдерживается инерцией мышления и недостатком политической воли с обеих сторон". Действительно, отношения России и Индии сохраняют элементы советско-индийской дружбы, но не развиваются адекватно изменившимся реалиям. Торговый оборот около 65 миллиардов долларов — это мизер по сравнению с российско-китайским товарооборотом более 200 миллиардов или с индийско-китайским около 140 миллиардов.

Военно-техническое сотрудничество остаётся традиционно сильной стороной российско-индийских отношений. Индия десятилетиями была крупнейшим импортёром советского и российского вооружения. Системы ПВО С-400, истребители Су-30МКI, фрегаты, подводные лодки, танки — российская техника составляет основу индийских вооружённых сил. Однако эта зависимость постепенно снижается. Индия развивает собственную оборонную промышленность, диверсифицирует поставщиков, закупая технику у США, Франции, Израиля.

Углубление военно-технического сотрудничества требует перехода от простых поставок готового оружия к совместной разработке и производству. Проект истребителя пятого поколения FGFA, который Россия и Индия пытались реализовать совместно, фактически провалился из-за технических проблем и финансовых разногласий. Однако сама идея совместных разработок остаётся правильной. России нужны индийские инвестиции и рынок сбыта, Индии — российские технологии и опыт.

Совместные проекты в энергетике представляют огромный потенциал. Индия — быстро растущая экономика с колоссальными энергетическими потребностями. Россия — крупнейший экспортёр энергоресурсов, обладающий технологиями атомной энергетики. "Росатом" строит АЭС в Индии, поставляет ядерное топливо. Однако масштаб сотрудничества мог бы быть значительно больше при наличии политической воли и финансирования.

Транспортные коридоры, связывающие Россию и Индию, остаются слабо развитыми. Международный транспортный коридор "Север-Юг", который должен соединить Индию с Россией через Иран и Каспий, десятилетиями обсуждается, но реализуется медленно. Между тем, этот коридор мог бы стать альтернативой морским путям, контролируемым США, и китайским сухопутным маршрутам.

Технологическое сотрудничество между Россией и Индией находится в зачаточном состоянии, что особенно досадно, учитывая потенциал обеих стран. Индия обладает мощной ИТ-индустрией, развивающимися космическими технологиями, растущими компетенциями в биотехнологиях и фармацевтике. Россия сохраняет определённые преимущества в отдельных областях — ядерные технологии, космос, отдельные направления в материаловедении. Взаимодополняющее сотрудничество могло бы быть взаимовыгодным, но требует институциональных механизмов, инвестиций, снятия бюрократических барьеров.

Координация в региональных организациях — ШОС и БРИКС — предоставляет платформу для регулярного диалога, но фактическая эффективность этих форматов остаётся ограниченной. В ШОС доминирует Китай, использующий организацию для продвижения собственных интересов. В БРИКС растут противоречия между Индией и Китаем. Тем не менее, эти форматы позволяют России и Индии координировать позиции по вопросам, где их интересы совпадают.

Поддержка индийской позиции в споре с Китаем — это деликатная игра, требующая баланса. С одной стороны, Россия заинтересована в усилении Индии как противовеса Китаю. С другой стороны, открытая поддержка Индии спровоцирует жёсткую реакцию Пекина, на котором Россия сейчас критически зависима. Оптимальная стратегия — осторожная поддержка индийских позиций в международных форматах, углубление двустороннего сотрудничества, демонстрация того, что Индия важна для России не меньше, чем Китай.

Следует предположить, что российско-индийское сближение наталкивается на серьёзные препятствия. Индия традиционно придерживается политики стратегической автономии, избегая жёстких альянсов. Нью-Дели не готов портить отношения с Западом ради России. Более того, после украинского кризиса Индия осторожничает, опасаясь вторичных санкций. Экономические связи Индии с Западом на порядок

важнее, чем с Россией. Тем не менее, общий интерес в балансировании Китая создаёт основу для углубления партнёрства.

Использование противоречий Китая с соседями: игра на нервах дракона.

Китай, при всей своей мощи, окружён странами, которые опасаются его растущего влияния. ТERRITORIALНЫЕ споры в Южно-Китайском море, историческая память о китайской экспансии, экономическая зависимость, создающая дискомфорт — всё это порождает тревогу и стремление к балансированию. Россия могла бы использовать эти противоречия, выстраивая отношения со странами, озабоченными китайской экспансии, создавая тем самым альтернативы монозависимости от Пекина.

Вьетнам представляет особый интерес в этом контексте. Историческая память о китайско-вьетнамской войне 1979 года, территориальные споры в Южно-Китайском море, где Китай строит искусственные острова и претендует на акваторию, которую Вьетнам считает своей, опасения китайского экономического доминирования — всё это делает Ханой естественным партнёром в стратегии балансирования. Россия традиционно поставляла Вьетнаму вооружение, включая современные подводные лодки и системы ПВО. Углубление этого сотрудничества могло бы дать России экономические выгоды и geopolитические позиции в Юго-Восточной Азии.

Филиппины и Индонезия также имеют территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море. Манила даже выиграла дело против Пекина в Гаагском арбитраже, который признал китайские претензии на большую часть акватории не имеющими правовых оснований. Китай проигнорировал решение, продолжая строить военную инфраструктуру на спорных островах. Это создало напряжённость, которую Россия могла бы использовать, предлагая этим странам военно-техническое сотрудничество, энергетические проекты, политическую поддержку.

Проблема в том, что Филиппины и Индонезия являются союзниками США или близкими партнёрами Вашингтона. Они опасаются Китая, но не настолько, чтобы портить отношения с Пекином ради России, которая находится под западными санкциями. Экономические связи с Китаем огромны, китайские инвестиции критически важны для развития инфраструктуры. Поэтому возможности российского маневрирования в Юго-Восточной Азии ограничены, хотя и не нулевые.

Япония — это особый случай. Технологический гигант, третья экономика мира, традиционный союзник США, но при этом страна, имеющая собственные глубокие противоречия с Китаем. ТERRITORIALНЫЙ спор вокруг островов Сенкаку (Дяоюйдао), историческая память о японской агрессии в Китае, которую Пекин активно использует для мобилизации националистических настроений, конкуренция за региональное лидерство — всё это делает японо-китайские отношения сложными и напряжёнными.

Российско-японские отношения обременены нерешённым вопросом о Курильских островах, которые Япония считает своей территорией. Это препятствие блокирует нормализацию отношений уже восемь десятилетий. После украинского кризиса Япония присоединилась к западным санкциям, отношения практически заморожены. Тем не менее, в долгосрочной перспективе технологическое сотрудничество с Японией могло бы быть крайне выгодным для России, а для Японии Россия могла бы стать альтернативным источником энергоресурсов и противовесом Китаю.

Дмитрий Тренин в своих работах отмечал, что "Россия упустила возможность выстроить стратегическое партнёрство с Японией из-за неготовности к компромиссу по территориальному вопросу". Действительно, жёсткая позиция по Курилам, основанная на националистической риторике и нежелании казаться слабыми, закрыла путь к сближению с одним из ключевых акторов Азии. В текущих условиях пересмотр этой позиции кажется невозможным, но в долгосрочной перспективе, при изменении обстоятельств, прагматичный подход к территориальному вопросу мог бы открыть двери к японским технологиям и инвестициям.

Южная Корея — ещё один технологический гигант, экономическая мощь которого могла бы быть полезна России. Сеул обладает передовыми технологиями в электронике, автомобилестроении, судостроении, имеет огромные инвестиционные возможности. Южная Корея также озабочена китайской экспансией, хотя и зависима экономически от Китая. Однако, будучи союзником США и имея сложные отношения с Северной Кореей, которую поддерживает Россия, Сеул крайне осторожен в отношениях с Москвой.

Монголия — это страна, которая находится буквально в тисках между Россией и Китаем, имея границы только с этими двумя гигантами. Исторически Монголия была в советской сфере влияния, но после распада СССР быстро переориентировалась, развивая "политику третьего соседа" — выстраивание связей с США, Японией, Южной Кореей для баланса между Россией и Китаем. Экономически Монголия всё более зависима от Китая, который является основным торговым партнёром и инвестором. Однако в Улан-Баторе опасаются полного подчинения Пекину.

Россия могла бы использовать монгольские опасения, предлагая экономическое сотрудничество, транзитные маршруты, культурные связи. Однако российская экономика слаба и не может конкурировать с китайской в предоставлении инвестиций и рынков. Тем не менее, поддержание влияния в Монголии хотя бы на минимальном уровне важно для того, чтобы не допустить полного превращения страны в китайского сателлита.

АСЕАН в целом представляет собой региональную организацию, которая пытается балансировать между США и Китаем, не становясь полностью зависимой ни от одного из них. Различные страны АСЕАН имеют разную степень озабоченности китайской экспансией — Вьетнам и Филиппины наиболее обеспокоены, Камбоджа и Лаос фактически находятся

в китайской орбите, Таиланд, Индонезия, Малайзия балансируют. Россия могла бы позиционировать себя как альтернативный партнёр, не претендующий на доминирование, предлагающий военно-техническое сотрудничество, энергетические проекты, торговлю.

Проблема в том, что Россия мало что может предложить странам АСЕАН. Торговля минимальна, инвестиции практически отсутствуют, технологии отстают от западных и китайских. Военная техника, которая раньше была конкурентным преимуществом, показала слабые стороны в украинском конфликте. Страны АСЕАН прагматичны и выбирают партнёров, исходя из конкретной выгоды, а не из абстрактного желания балансировать Китай.

Западный вектор: неудобная правда о необходимости примирения.

Самая неудобная правда, которую российская элита не хочет признавать: изоляция от Запада неизбежно усиливает зависимость от Китая. Пока Россия находится в конфронтации с США и Европой, у неё нет альтернативы китайскому партнёрству. Китай это прекрасно понимает и использует, диктуя всё более жёсткие условия. Единственный способ восстановить баланс — это долгосрочное урегулирование отношений с Западом, какой бы болезненной ни казалась эта перспектива.

Признание этой необходимости требует интеллектуального мужества и отказа от удобных иллюзий. Российская официальная риторика настаивает на "повороте на Восток", на "многополярном мире", на "конце западной гегемонии". За этой риторикой скрывается неготовность признать, что конфронтация с Западом была стратегической ошибкой, которая поставила Россию в зависимое положение от Китая. Между тем, именно Запад обладает технологиями, капиталом, рынками, которые критически необходимы России для развития.

Европа особенно важна для России по нескольким причинам. Географическая близость делает торговлю естественной и дешёвой. Технологическая комплементарность — Европа имеет технологии, которые нужны России, Россия имеет ресурсы, которые нужны Европе. Культурная близость облегчает взаимопонимание. Сотни тысяч россиян живут в Европе, миллионы европейцев посещали Россию. Это создаёт человеческие связи, которые не исчезают за одну ночь.

Европейская озабоченность китайской экспансиией растёт. Европейские страны всё больше осознают риски экономической зависимости от Китая, опасаются китайского промышленного шпионажа, обеспокоены китайским влиянием в развивающихся странах. В некоторых европейских столицах начинают понимать, что изоляция России толкает её в объятия Китая, что может быть невыгодно и для Европы в долгосрочной перспективе. Это создаёт потенциальную основу для будущего диалога.

Общие интересы в сдерживании Китая могли бы стать основой для постепенного сближения России и Запада. Ни Европе, ни даже США не нужен мир, где Китай полностью доминирует в Евразии, контролирует российские ресурсы, превращает Россию в своего вассала. Геополитический баланс требует, чтобы Россия сохраняла определённую автономию. Парадоксально, но именно Запад может быть заинтересован в том, чтобы помочь России избежать полной китайской зависимости.

Путь к нормализации будет долгим и трудным. Слишком много крови пролито, слишком глубоки противоречия, слишком сильна враждебность с обеих сторон. Украинский конфликт создал пропасть, которую не преодолеть за год или даже за пятилетие. Потребуются десятилетия терпеливой работы, смена поколений политиков, изменение общественных настроений. Но альтернатива — это необратимое превращение России в китайского сателлита.

Экономическая интеграция с Европой как противовес китайской зависимости — это долгосрочная стратегическая цель, которую нужно ставить уже сейчас, даже если её реализация кажется фантастической в текущих условиях. Восстановление торговли, возобновление инвестиций, технологическое сотрудничество, культурные обмены — всё это могло бы снизить российскую зависимость от Китая и вернуть России стратегическую автономию.

Имеются основания считать, что текущая российская элита не готова к такому развороту. Идеологическая инерция, националистическая риторика, персональная ответственность за развязывание конфликта, страх перед внутриполитическими последствиями признания ошибок — всё это блокирует движение к примирению. Однако в долгосрочной перспективе, возможно, при смене политического руководства, такой разворот может стать неизбежным. И чем раньше это произойдёт, тем меньше будет цена зависимости от Китая.

Игра на противоречиях сверхдержав: балансирование на лезвии ножа.

Американо-китайское соперничество определяет глобальную геополитику XXI века. Это не временная конъюнктура, а долгосрочная тенденция — восходящая держава бросает вызов гегемону, гегемон пытается сдержать претендента. История знает, что такие конфигурации часто заканчиваются войнами, но в ядерную эпоху прямой конфликт между сверхдержавами менее вероятен. Вместо этого — холодная война, технологическое соперничество, борьба за союзников, прокси-конфликты.

Для России это соперничество создаёт одновременно риски и возможности. Риск в том, что Россия может оказаться раздавленной между двумя жерновами, втянутой в конфликт на стороне Китая против объединённого Запада. Возможность в том, что соперничество США и Китая создаёт пространство для манёвра — каждая сторона заинтересована хотя бы

в нейтралитете России, если не в поддержке, что даёт России рычаги влияния.

Использование американо-китайского соперничества для расширения своего манёвра требует тонкой дипломатии и стратегического мышления. Россия должна позиционировать себя не как безоговорочный союзник Китая, а как независимый актор, способный сотрудничать с обеими сторонами. Это сложно в условиях, когда Россия находится под западными санкциями и критически зависима от Китая. Но именно поэтому важно оставлять окна возможностей для будущего диалога.

Недопущение объединения США и Китая против России — это сценарий, который кажется маловероятным, но теоретически возможным. Если бы Россия стала восприниматься как угроза для обеих сверхдержав (например, через агрессивную экспансию или ядерный шантаж), они могли бы временно отложить противоречия для совместного сдерживания. История знает примеры таких парадоксальных альянсов. Избежание этого требует осторожности и понимания красных линий обоих акторов.

Позиционирование как потенциального партнёра для обеих сторон — это идеал, к которому нужно стремиться, хотя достичь его в текущих условиях практически невозможно. Китай при Дэн Сяопине мастерски играл на противоречиях США и СССР, получая выгоды от обеих сторон. Россия находится в гораздо худшей позиции, но принцип остаётся правильным. Не нужно окончательно жечь мосты с Западом, полностью интегрируясь в китайский блок. Нужно сохранять минимальные каналы коммуникации, готовность к диалогу, возможность разворота.

Избегание окончательного выбора стороны — это стратегия, которая может казаться нерешительностью или предательством обоих партнёров. Китай хотел бы видеть Россию как надёжного младшего союзника в противостоянии Западу. Запад хотел бы, чтобы Россия отказалась от связей с Китаем и вернулась в западную орбиту. Оптимальная позиция для России — не удовлетворять полностью ни тех, ни других, сохраняя стратегическую автономию.

Практически это означает, что Россия должна сотрудничать с Китаем там, где это выгодно, но не до степени полной зависимости. Поддерживать минимальные связи с Западом, не допуская полной изоляции. Развивать отношения с третьими странами, которые могут служить противовесами. Это трудная игра, требующая дипломатического мастерства, которого российской дипломатии часто не хватает.

В заключении можно отметить, что геополитическое маневрирование — это искусство возможного в условиях ограниченных ресурсов и стеснённых обстоятельств. Россия не обладает той свободой выбора, которую имел Китай в 1980-е годы или которой обладают средние державы вроде Турции сейчас. Западные санкции, экономическая слабость,

идеологическая конфронтация, растущая зависимость от Китая — всё это сужает пространство манёвра до минимума.

Тем не менее, даже в этих условиях существуют возможности для расширения партнёрских связей и создания противовесов. Индия представляет собой наиболее очевидного стратегического партнёра, чьё сближение с Россией взаимовыгодно и основано на общем интересе в балансировании Китая. Страны Юго-Восточной и Восточной Азии, озабоченные китайской экспансией, могли бы стать объектами российской дипломатии, хотя их готовность к сотрудничеству ограничена. Центральная Азия остаётся полем геополитической конкуренции, где Россия проигрывает, но ещё не проиграла окончательно.

Самое важное и самое трудное — это признание того, что долгосрочное урегулирование с Западом является стратегической необходимостью. Без этого Россия обречена на растущую зависимость от Китая, которая рано или поздно превратится в фактическое подчинение. Путь к примирению будет долгим, болезненным, потребует компромиссов, которые сейчас кажутся неприемлемыми. Но альтернатива — превращение в китайского вассала — ещё хуже.

Есть все основания полагать, что успех геополитического маневрирования зависит не только от внешних действий, но и от внутренних преобразований. Сильная экономика, технологическая развитость, демографическая устойчивость делают страну привлекательным партнёром, с которым хотят сотрудничать. Слабая, стагнирующая, технологически отсталая страна может только просить о помощи или становиться объектом чужой политики. Поэтому все направления стратегии — экономическая диверсификация, демографическая политика, технологическая независимость, геополитическое маневрирование — взаимосвязаны и взаимозависимы.

Россия находится на перепутье. Один путь ведёт к дальнейшему скольжению в китайскую зависимость, превращению в ресурсный придаток, утрате реального суверенитета. Другой путь — долгий, трудный, требующий радикальных изменений — ведёт к восстановлению стратегической автономии, балансированию между различными центрами силы, сохранению субъектности. Выбор этого пути требует не только правильной стратегии, но и политической воли к её реализации, готовности к болезненным компромиссам, способности мыслить долгосрочно, а не реагировать на сиюминутные вызовы. Обладает ли современная российская элита этими качествами — вопрос, на который история ответит в ближайшие десятилетия.

ГЛАВА 10. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ: ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ ОБОРОНЫ

Предыдущие главы последовательно выстраивали многослойную стратегию снижения российской зависимости от Китая. Экономическая диверсификация призвана разрушить сырьевую монокультуру, демографическая политика — заполнить пустующие территории, технологическая независимость — освободиться от импорта критических компонентов, геополитическое маневрирование — создать альтернативных партнёров. Всё это необходимые, но недостаточные условия сохранения суверенитета. Существует последний, наиболее жёсткий уровень защиты национальных интересов — военно-стратегическая безопасность и способность государства функционировать эффективно через сильные институты, а не личную волю правителя.

Военная сила остаётся *ultima ratio* в международных отношениях, какие бы иллюзии ни создавала либеральная риторика о "конце истории" или "правилах международного порядка". В конечном счёте, способность государства защитить свою территорию, население, ресурсы определяется не экономическими показателями или дипломатическими нотами, а готовностью и возможностью применить вооружённую силу. Россия обладает огромным ядерным арсеналом, который теоретически гарантирует её от прямой военной агрессии. Однако ядерное оружие не может защитить от ползучей экспансии, демографического давления, экономической колонизации.

Более того, эффективность военной машины критически зависит от качества государственных институтов. Коррумпированная армия, где должности покупаются, а ресурсы разворовываются, не способна воевать независимо от количества танков и ракет. Украинский конфликт болезненно продемонстрировал слабости российской военной системы, которые во многом проистекают из институциональных проблем — коррупции, некомпетентности командования, плохой логистики, технологического отставания. Китай внимательно изучил эти уроки и сделал выводы о реальных возможностях российских вооружённых сил.

Критически важно понимать, что военная безопасность на восточном направлении — это не абстрактная теоретическая проблема, а вполне конкретный вызов, вероятность которого растёт с каждым годом усиления китайской мощи и ослабления российских позиций. Сегодня прямой военный конфликт между Россией и Китаем кажется маловероятным. Однако через двадцать-тридцать лет, при определённых обстоятельствах — ослаблении российского государства, усилении сепаратистских тенденций на Дальнем Востоке, радикальном изменении баланса сил — ситуация может измениться. Готовность к такому сценарию должна закладываться сейчас.

Восточный фронт: забытое направление в тени западной угрозы

Российская военная доктрина и фактическая дислокация войск последние три десятилетия ориентированы преимущественно на западное и южное направления. НАТО рассматривается как главная военная угроза, конфликты на Кавказе и в Центральной Азии требуют постоянного внимания, украинский кризис поглотил огромные ресурсы. Восточное направление, граница с Китаем, оставалось относительно спокойным и недофинансированным. Это стратегическая ошибка, которая может дорого обойтись в будущем.

Военное присутствие России на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири несопоставимо с потенциальной угрозой. Восточный военный округ, формально отвечающий за огромную территорию от Байкала до Тихого океана, располагает ограниченными силами. По различным оценкам, численность российских войск в регионе составляет около 80-100 тысяч человек. Для сравнения, китайская группировка в северо-восточных военных округах насчитывает сотни тысяч военнослужащих с современным вооружением.

Павел Фельгенгауэр, российский военный аналитик, в своих работах неоднократно указывал на уязвимость российского Дальнего Востока в случае гипотетического конфликта с Китаем. Огромные расстояния, плохая инфраструктура, малочисленность гарнизонов, устаревшая техника — всё это делает регион крайне уязвимым. В случае внезапного удара китайские войска могли бы занять ключевые пункты прежде, чем из европейской части России успеют перебросить подкрепления.

Увеличение военного присутствия на востоке требует значительных ресурсов и политической воли. Необходимо перебазировать дополнительные части, построить новые военные городки, создать инфраструктуру, обеспечить снабжение. Всё это стоит миллиарды рублей в условиях, когда бюджет перегружен текущими военными расходами. Более того, военнослужащие неохотно соглашаются на службу в отдалённых гарнизонах с суровым климатом и отсутствием перспектив.

Модернизация укреплений и военной инфраструктуры на востоке находится в зачаточном состоянии. Советские укрепрайоны вдоль китайской границы разрушаются или заброшены. Современных оборонительных сооружений практически нет. Аэродромы устарели, дороги разбиты, склады пусты. В отличие от западного направления, где после 2014 года активно укреплялись позиции, восточное направление остаётся фактически беззащитным.

Создание мобильных группировок быстрого реагирования — это концепция, которая могла бы частично компенсировать численное превосходство потенциального противника. Вместо массированных гарнизонов, уязвимых для первого удара, небольшие высокомобильные подразделения с современным вооружением могли бы действовать по

принципу *guerrilla warfare*, изматывая противника на огромных пространствах. Однако реализация этой концепции требует современной техники, хорошо подготовленных кадров, эффективной системы командования и связи — всего того, чего российской армии часто не хватает.

Военная логистика на востоке — это ахиллесова пятна российской обороны. Транссибирская магистраль остаётся фактически единственной надёжной артерией, связывающей Дальний Восток с центром России. Она перегружена, технически устарела, уязвима для ударов. Автомобильных дорог приемлемого качества практически нет. Воздушный транспорт ограничен числом аэродромов и дальностью полётов. В случае конфликта переброска подкреплений и снабжение войск станут критической проблемой.

Военные учения, отрабатывающие сценарии конфликта с Китаем, проводятся крайне редко и, естественно, не афишируются. Официально Россия и Китай — стратегические партнёры, проводящие совместные учения. Однако за кулисами российский Генеральный штаб обязан планировать на случай худшего сценария. Насколько серьёзно и реалистично ведётся это планирование — вопрос, на который нет публичного ответа. Опыт украинского конфликта показал, что российское военное планирование часто основывается на *wishful thinking*, а не на трезвой оценке реальности.

Следует предположить, что укрепление восточного направления наталкивается на фундаментальное противоречие. С одной стороны, растущая мощь Китая и демографическая пустыня российского Дальнего Востока создают потенциальную угрозу, которую нельзя игнорировать. С другой стороны, открытое военное усиление на китайской границе спровоцирует жёсткую реакцию Пекина, ухудшит и без того асимметричные отношения, может привести к гонке вооружений, которую Россия проиграет из-за экономического неравенства. Баланс между необходимой осторожностью и достаточной готовностью крайне сложен.

Ядерный щит: последний аргумент или иллюзия безопасности

Стратегические ядерные силы остаются главным гарантом российской безопасности и независимости. Никакой противник, включая Китай, не решится на прямую агрессию против страны, обладающей тысячами ядерных боеголовок и средствами их доставки. Это последний и абсолютный аргумент, который делает невозможным сценарий открытой военной экспансии. Однако важно понимать ограничения ядерного сдерживания в контексте современных угроз.

Ядерное оружие не может предотвратить ползучую экспансию, демографическое проникновение, экономическую колонизацию. Невозможно использовать ядерные ракеты для защиты от китайских мигрантов, инвестиций, скупки активов. Порог применения ядерного оружия крайне высок — только в случае угрозы существованию государства. Всё, что ниже

этого порога, остаётся в зоне конвенциональных и невоенных методов, где Россия значительно слабее Китая.

Поддержание и модернизация стратегических ядерных сил требует колоссальных ресурсов. Ядерная триада — межконтинентальные баллистические ракеты, стратегические подводные лодки, стратегическая авиация — должна постоянно обновляться. Советское наследие стареет, новые системы разрабатываются и производятся медленно из-за технологических проблем и финансовых ограничений. Россия вкладывает десятки миллиардов долларов в ядерные силы, но достаточно ли этого для поддержания надёжного сдерживания — вопрос, на который нет однозначного ответа.

Ясная доктрина применения ядерного оружия критически важна для эффективного сдерживания. Потенциальный противник должен знать, при каких обстоятельствах Россия готова применить ядерное оружие. Российская военная доктрина предусматривает возможность применения ЯО в ответ на агрессию с использованием конвенциональных вооружений, если под угрозу поставлено существование государства. Однако эта формулировка достаточно размыта. Что именно представляет собой "угроза существованию государства"? Захват территории? Какой территории? Сколько?

В контексте китайской угрозы критически важно, чтобы Пекин понимал: любая попытка военного захвата российской территории, даже якобы "малонаселённых" районов Дальнего Востока, приведёт к ядерному ответу. Это должно быть заявлено недвусмысленно, хотя и без излишней конфронтационности. Ядерное сдерживание работает только когда противник верит в готовность применить оружие. Любые сомнения в этой готовности подрывают эффективность сдерживания.

Недопущение китайского технологического превосходства в гиперзвуковом оружии и других прорывных технологиях критически важно для сохранения баланса сдерживания. Китай активно развивает гиперзвуковые ракеты, способные преодолевать системы ПРО. Если Китай достигнет решающего технологического превосходства в этой области, это может подорвать российскую способность к ответному удару, а значит, ослабить сдерживание. России необходимо инвестировать в собственные разработки и противодействие новым угрозам.

Развитие систем предупреждения о ракетном нападении и ПРО на восточном направлении остаётся недостаточным. Радарные станции, спутниковые системы обнаружения, противоракетная оборона преимущественно ориентированы на западное направление. Между тем, китайский ракетный потенциал растёт, и российские системы должны быть способны отслеживать угрозы с востока не хуже, чем с запада.

Можно заключить, что ядерное сдерживание остаётся критически важным элементом российской безопасности, но не является панацеей от всех угроз. Более того, чрезмерная опора на ядерное оружие может создавать

иллюзию безопасности, отвлекая от необходимости укрепления конвенциональных сил, экономики, институтов. Ядерный арсенал даёт России время, но не решает фундаментальных проблем, которые делают её уязвимой перед китайской экспансией.

Асимметричные ответы: когда слабый играет не по правилам сильного.

Прямое военное противостояние с Китаем было бы катастрофой для России. Китай обладает многократным превосходством в численности войск, более современной техникой, огромным военным бюджетом, мощной военной промышленностью. В конвенциональной войне Россия проиграла бы, если бы не применила ядерное оружие, а применение ЯО означало бы конец цивилизации. Следовательно, российская стратегия должна основываться на асимметричных методах, где можно использовать относительные преимущества и уязвимости противника.

Киберспособности представляют собой область, где Россия традиционно сильна. Российские хакерские группы, как государственные, так и квазинезависимые, обладают высокой квалификацией и успешно действовали против целей по всему миру. Кибероружие — это асимметричный инструмент, который позволяет небольшой группе специалистов наносить значительный ущерб критической инфраструктуре противника. В гипотетическом конфликте с Китаем кибератаки на энергосистемы, транспортные сети, финансовые системы могли бы компенсировать превосходство противника в конвенциональных вооружениях.

Проблема в том, что Китай также обладает мощными киберспособностями и, более того, имеет значительно более развитую цифровую инфраструктуру для защиты. Китайская "Великая стена" интернета, системы мониторинга, государственный контроль над телекоммуникациями создают более защищённую среду по сравнению с российской. В кибервойне исход непредсказуем, но полагаться исключительно на это направление было бы опрометчиво.

Операции в информационном пространстве — это ещё один асимметричный инструмент. Распространение дезинформации, влияние на общественное мнение, подрыв доверия к власти — всё это методы, которые Россия применяла против западных стран. Теоретически, эти методы могли бы быть использованы и против Китая. Однако китайский информационный контроль на порядок жёстче западного. "Великий китайский файрвол", цензура интернета, мониторинг социальных сетей, система социального кредита делают китайское информационное пространство практически непроницаемым для внешнего влияния.

Поддержка сепаратистских движений в Китае — это крайне опасная игра, которую можно рассматривать только как последнее средство в ситуации открытой конфронтации. Уйгурский сепаратизм в Синьцзяне,

тибетское движение за независимость, протесты в Гонконге — всё это потенциальные точки уязвимости Китая. Теоретически, внешняя поддержка этих движений могла бы создать проблемы для Пекина, отвлечь ресурсы, дестабилизировать ситуацию.

Однако риски огромны. Во-первых, Китай жёстко подавляет любые проявления сепаратизма, и его контроль над этими регионами усилился в последние годы. Во-вторых, любое открытое вмешательство России вызвало бы крайне жёсткую реакцию Пекина, вплоть до ответного поощрения сепаратизма в российских регионах — Татарстане, Чечне, Якутии, на Дальнем Востоке. В-третьих, это противоречило бы основному принципу российской внешней политики — уважению территориальной целостности и невмешательству во внутренние дела.

Экономический шпионаж и технологические заимствования — это методы, которые Китай успешно применял десятилетиями для технологического подъёма. Россия могла бы по китайскому примеру активнее копировать китайские технологии, красть интеллектуальную собственность, переманивать специалистов. Ирония ситуации в том, что Россия, которая десятилетиями жаловалась на китайское копирование российских военных технологий, теперь сама могла бы заимствовать китайские разработки в областях, где Китай вырвался вперёд — электроника, ИИ, телекоммуникации.

Практически это требует создания эффективных спецслужб, специализирующихся на промышленном шпионаже, систем переноса технологий, способности адаптировать украденные разработки к российским условиям. Китай создавал эту систему десятилетиями, Россия отсталла. Более того, моральные и юридические соображения, которые в Китае не являются препятствием, в России могут создавать определённые ограничения.

Имеются основания считать, что асимметричные методы могут частично компенсировать слабость России в конвенциональном противостоянии, но не являются панацеей. Кибервойна, информационные операции, поддержка сепаратистов, технологический шпионаж — всё это инструменты, которые работают в определённых условиях, но не гарантируют успеха. Более того, многие из этих методов сопряжены с рисками эскалации и ответных мер, которые могут оказаться более разрушительными для России, чем для Китая.

Военно-техническое сотрудничество: союзники по необходимости.

Одиночество в противостоянии с мощным противником катастрофично. России необходимы партнёры, готовые к военно-техническому сотрудничеству, обмену разведанными, координации действий. Парадокс в том, что наиболее логичные партнёры в балансировании Китая — Индия, Вьетнам, Япония, страны АСЕАН, даже

США — находятся на разной степени отдалённости или враждебности к России из-за украинского конфликта и западных санкций.

Индия остаётся приоритетным партнёром в военной сфере. Российско-индийское военно-техническое сотрудничество имеет глубокие корни, Индия закупает российское вооружение, совместно разрабатываются отдельные системы. Общий интерес в сдерживании Китая создаёт естественную основу для углубления этого сотрудничества. Россия могла бы передавать Индии передовые военные технологии, которые усилили бы индийские вооружённые силы на границе с Китаем, косвенно снижая давление на российское направление.

Проблема в том, что Индия диверсифицирует источники вооружений, всё больше закупая технику у США, Франции, Израиля. Российское вооружение, показавшее слабости в украинском конфликте, стало менее привлекательным. Более того, Индия проводит политику стратегической автономии, избегая жёстких альянсов, и не готова полностью связывать себя с Россией в антикитайской конфигурации.

Поставки оружия странам, обеспокоенным Китаем, могли бы быть элементом стратегии балансирования. Вьетнам уже закупал российские подводные лодки и системы ПВО, опасаясь китайской экспансии в Южно-Китайском море. Филиппины, Индонезия, Малайзия теоретически могли бы быть заинтересованы в российском вооружении как альтернативе китайскому или западному. Россия получила бы экономические выгоды и геополитические позиции.

Реальность такова, что российская военная промышленность перегружена внутренними заказами, производственные мощности ограничены, санкции затрудняют поставки. Более того, страны АСЕАН опасаются провоцировать Китай открытыми военными закупками у России, которая находится в санкционной изоляции. Объёмы возможных поставок ограничены, геополитический эффект минимален.

Координация с США и НАТО в киберпространстве выглядит парадоксально, учитывая текущее противостояние. Однако в сфере кибербезопасности существуют общие интересы в противодействии китайским хакерским атакам, промышленному шпионажу, технологическому проникновению. Неформальный обмен информацией о китайских киберугрозах, координация защитных мер, возможно, даже ограниченное сотрудничество в разработке средств защиты теоретически возможны.

Практически это наталкивается на глубокое недоверие между Россией и Западом, усугублённое украинским конфликтом. Западные спецслужбы рассматривают Россию как противника, а не партнёра. Любое сотрудничество с Россией политически токсично. Тем не менее, в долгосрочной перспективе, если угроза со стороны Китая будет восприниматься как более серьёзная, чем российская, возможно частичное восстановление сотрудничества в отдельных областях.

Обмен разведанными с заинтересованными сторонами — это практика, которая ведётся негласно даже между противниками, когда существуют общие угрозы. Россия, Индия, Вьетнам, возможно, Япония и США имеют общий интерес в мониторинге китайской военной активности, технологических разработок, стратегических намерений. Обмен информацией о перемещениях китайских войск, новых военных объектах, технологических прорывах мог бы быть взаимовыгодным.

Реализация такого обмена требует доверия, которого часто нет, и механизмов, которые сложно создать. Более того, любая утечка информации о таком сотрудничестве серьёзно осложнила бы отношения с Китаем. Тем не менее, негласный обмен разведанными — это то, что происходит в реальной политике независимо от официальной риторики.

Институциональные реформы: без них всё остальное бесполезно

Военная мощь, экономическая диверсификация, технологическое развитие — всё это зависит от качества государственных институтов. Коррумпированная, неэффективная, произвольная система управления разрушит любые стратегии, растратит любые ресурсы, превратит любые программы в имитацию. Советский Союз при всех недостатках обладал относительно эффективной бюрократией, способной мобилизовывать ресурсы и достигать поставленных целей. Современная Россия утратила эту способность.

Борьба с коррупцией — это не моральный императив, а экзистенциальная необходимость. Коррумпированная система не может конкурировать с дисциплинированным Китаем, где коррупция, хотя и существует, подавляется жёстко, когда угрожает государственным интересам. Российская коррупция стала системной, пронизывающей все уровни власти, от муниципалитетов до федеральных министерств. Откаты, взятки, распил бюджетов, кумовство — это норма, а не исключение.

Владимир Гельман в своих исследованиях российской политической системы показал, что коррупция в России не просто злоупотребление, а системообразующий элемент, механизм перераспределения ресурсов и контроля над элитами. Борьба с коррупцией ведётся избирательно, как инструмент политической борьбы, а не как системная реформа. Это означает, что реальное искоренение коррупции потребовало бы смены всей системы управления, на что нынешняя власть не пойдёт, поскольку сама является бенефициаром коррупционной системы.

Независимая судебная система критически необходима для верховенства права и защиты собственности. Российские суды функционируют как придаток исполнительной власти, выполняя политические заказы. Предприниматель, чиновник, обычный гражданин не могут рассчитывать на справедливое решение, если противоположная сторона обладает административным ресурсом или связями. Это подрывает

инвестиционный климат, стимулирует коррупцию, делает невозможным развитие на основе права.

Создание действительно независимых судов требует не только законодательных изменений, но и культурной трансформации, защиты судей от давления, прозрачности процессов, возможности обжалования. Всё это прямо противоречит интересам нынешней системы власти, которая использует суды как инструмент контроля. Без изменения политического режима судебная реформа невозможна.

Прозрачность государственных расходов и ответственность чиновников — это элементы, которые формально провозглашаются, но практически не работают. Бюджеты секретны или содержат общие цифры без детализации, госзакупки проводятся через аффилированные компании, отчётность фальсифицируется. Чиновники не несут реальной ответственности за провалы — проекты, на которые потрачены миллиарды, не дают результатов, но никто не увольняется и не привлекается к ответственности.

Подготовка к политическому транзиту — это, возможно, самый критический вызов для России в ближайшие десятилетия. Владимир Путин не вечен, и вопрос преемственности власти остаётся открытым. В отличие от Китая, где существует институционализированный механизм смены лидеров через партийные структуры, российская система персонализирована вокруг одного человека. Что произойдёт после его ухода — борьба элит, хаос, распад, авторитарный откат или демократический транзит — неизвестно.

Создание институциональных механизмов передачи власти требует перехода от персонализированного авторитаризма к институциональному, что, в свою очередь, может стать первым шагом к демократизации. Сильные институты вместо сильной личности — это формула стабильности. Однако нынешняя власть не заинтересована в создании институтов, которые могли бы её ограничить или заменить.

Избежание сценария 1991 года критически важно, поскольку хаос и распад создали бы идеальные условия для китайской экспансии. Ослабление федерального центра, борьба элит, экономический коллапс — в такой ситуации Китай мог бы предложить "помощь" отдельным регионам, фактически устанавливая контроль. Это не требовало бы военной интервенции, достаточно экономического влияния и договорённостей с региональными элитами.

Информационная политика: знать противника и знать себя.

Информационная политика в отношении Китая в России парадоксальна. Официальная риторика превозносит "стратегическое партнёрство", "дружбу народов", "всеобъемлющее сотрудничество". Критический анализ китайских намерений и рисков для России практически

отсутствует в публичном дискурсе. Эксперты, указывающие на растущую асимметрию и опасность зависимости, маргинализируются или обвиняются в работе на западные интересы.

Образование населения о реальных китайских намерениях необходимо для формирования адекватного общественного мнения и политической поддержки мер по снижению зависимости. Российское население должно понимать, что Китай — это не бескорыстный друг, а pragматичный актор, преследующий собственные интересы. Дружба в международных отношениях — это миф, есть только совпадающие или расходящиеся интересы.

Отказ от наивного восприятия Китая требует честного освещения проблем в отношениях, асимметрии, рисков. Китайская экономическая экспансия на Дальнем Востоке, скупка активов, миграция, технологическая зависимость — всё это должно обсуждаться открыто. Одновременно важно избегать демонизации Китая и разжигания ксенофобии, которые контрпродуктивны и могут спровоцировать ответные меры.

Изучение китайского языка, культуры, истории, философии должно стать приоритетом образовательной системы. "Знай врага" — это не просто военная мудрость, но и дипломатическая, экономическая, культурная необходимость. Россия должна готовить специалистов, глубоко понимающих Китай, способных вести переговоры, анализировать намерения, предсказывать действия.

Мониторинг китайской "мягкой силы" и влияния необходим для противодействия информационной и культурной экспансии. Институты Конфуция, китайские культурные центры, образовательные программы — всё это инструменты формирования позитивного образа Китая и лояльности китайским интересам. Россия должна отслеживать эти активности и балансировать их собственной культурной дипломатией.

Укрепление российской идентичности, особенно на Дальнем Востоке, критически важно для предотвращения культурной ассимиляции. Дальневосточники должны чувствовать себя россиянами, связанными с остальной страной, а не изолированным анклавом, для которого Китай ближе и важнее Москвы. Это требует инвестиций в культуру, образование, СМИ, поддержки русского языка, создания общего информационного и культурного пространства.

Можно отметить, что военно-стратегическая безопасность и институциональные реформы — это две стороны одной медали, которые невозможно разделить. Сильная армия без эффективного государства превращается в коррумпированную, неуправляемую структуру, как показал опыт украинского конфликта. Эффективное государство без способности защитить свою территорию обречено на подчинение более сильным акторам.

Россия находится в положении, когда ни военная мощь, ни институциональная эффективность не соответствуют масштабу вызовов.

Военное присутствие на востоке недостаточно, ядерное сдерживание не работает против невоенных угроз, асимметричные методы ограничены в эффективности, институты разъедены коррупцией и неэффективностью. Это создаёт фундаментальную уязвимость, которую Китай может использовать не через открытую агрессию, а через постепенное установление контроля.

Есть все основания полагать, что без радикальных изменений в военной политике и институциональных реформ Россия продолжит скользить в зависимость от Китая. Ядерное оружие даёт время, но не решает проблему. Асимметричные методы могут создавать неудобства, но не меняют фундаментального баланса сил. Военно-техническое сотрудничество ограничено внешними обстоятельствами. Без институциональных реформ любые программы развития обречены на провал.

Трагическая ирония ситуации в том, что необходимые реформы — борьба с коррупцией, независимые суды, подготовка к политическому транзиту — прямо противоречат интересам нынешней власти. Система не реформирует себя добровольно. Изменения могут прийти только через кризис, который сам по себе создаст опасности, которые пытаются предотвратить реформы. Это замкнутый круг, выход из которого неочевиден.

Россия стоит перед выбором между болезненными, но необходимыми преобразованиями и продолжением скольжения к статусу китайского вассала. Этот выбор должен быть сделан не когда-нибудь в будущем, а сейчас, пока ещё сохраняется минимальная свобода маневра. Каждый год промедления делает задачу сложнее, цену выше, а шансы на успех меньше. История безжалостна к тем, кто не смог вовремя адаптироваться к изменившимся обстоятельствам. Судьба России в XXI веке зависит от того, сумеет ли она провести необходимые трансформации прежде, чем будет слишком поздно.

ГЛАВА 11. АСИММЕТРИЧНЫЕ СТРАТЕГИИ И НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОДХОДЫ: КОГДА СЛАБЫЙ ИЩЕТ ТРЕЩИНЫ В БРОНЕ ДРАКОНА

Предыдущие главы выстроили многоуровневую стратегию снижения российской зависимости от Китая через экономическую диверсификацию, демографическую политику, технологическое развитие, геополитическое маневрирование, военное укрепление. Все эти направления критически важны, но требуют огромных ресурсов, десятилетий последовательной работы, радикальных институциональных реформ. Между тем, Россия не обладает ни временем, ни ресурсами для симметричного противостояния с экономикой, которая в десять раз больше, и с населением, которое в десять раз многочисленнее.

Асимметричная стратегия — это ответ слабого на вызов сильного, искусство находить уязвимости там, где противник считает себя непобедимым. История знает множество примеров, когда меньший побеждал большего не через лобовое столкновение, а через использование слабостей, нестандартные методы, эксплуатацию противоречий. Китай сам мастерски применял асимметричные подходы в период своей слабости, терпеливо накапливая силу, используя противоречия между СССР и США, копируя технологии, играя на экономических интересах западных корпораций.

Россия должна заново научиться этому искусству, хотя её позиция значительно слабее китайской образца 1980-х годов. Китай тогда был беден, но имел доступ к западным рынкам и технологиям. Россия сейчас богаче ресурсами, но изолирована санкциями и критически зависима от единственного крупного партнёра. Тем не менее, даже в этих стеснённых обстоятельствах существуют возможности для асимметричных ответов, для использования китайских уязвимостей, для создания противовесов через нестандартные методы.

Критически важно понимать, что асимметричные стратегии — это не панацея и не замена фундаментальным реформам. Невозможно компенсировать экономическое отставание одними хитростями. Однако правильное применение асимметричных методов может купить время, создать рычаги влияния, усложнить китайские расчёты, повысить цену экспансии. В сочетании с долгосрочными стратегиями это может стать элементом, который позволит России сохранить субъектность.

Китай не всесилен: картирование уязвимостей дракона.

Китай производит впечатление неуязвимого колосса, неумолимо наращивающего мощь. Огромная экономика, дисциплинированное население, технологический подъём, авторитарная эффективность — всё это создаёт образ непобедимой силы. Однако за фасадом успехов скрываются

глубокие структурные проблемы, которые Пекин тщательно маскирует, но которые могут стать критическими уязвимостями в будущем.

Энергетическая зависимость Китая представляет собой его стратегическую ахиллесову пяту, о которой уже говорилось в третьей главе. Китай импортирует около 70% потребляемой нефти и значительную часть газа. Это делает китайскую экономику крайне уязвимой для перебоев в поставках. Знаменитая "Малаккская дилемма" означает, что около 80% китайского нефтяного импорта проходит через Малаккий пролив, который в случае конфликта может быть легко перекрыт американским флотом.

Россия пока контролирует часть энергопоставок в Китай, и это даёт определённый leverage, хотя его не следует переоценивать. Китай активно диверсифицирует источники энергии, развивает возобновляемую энергетику, строит ядерные станции, создаёт стратегические резервы нефти. Тем не менее, полная энергетическая независимость для Китая недостижима в обозримом будущем, и угроза перебоев в поставках остаётся реальной. Россия могла бы использовать это как рычаг давления, но практически применение энергетического оружия обоюдоострое — прекращение поставок больно ударит и по российскому бюджету.

Внутренние противоречия в Китае тщательно скрываются за фасадом единства и стабильности, но они существуют и накапливаются. Региональные диспропорции между богатым побережьем и бедным внутренним Китаем создают напряжённость. Этнические противоречия в Синьцзяне, Тибете, Внутренней Монголии подавляются силой, но не исчезают. Социальное неравенство растёт, несмотря на официальную социалистическую риторику. Коррупция пронизывает систему, хотя Си Цзиньпин ведёт жёсткую антикоррупционную кампанию.

Минсюэ Пэй, китайский политолог, в своих работах о китайской политической системе отмечает, что "китайская стабильность — это не результат народной поддержки, а продукт эффективного репрессивного аппарата и экономического роста, который покупает лояльность". Когда экономический рост замедлится или остановится, внутренние противоречия могут вырваться наружу. Россия могла бы теоретически эксплуатировать эти противоречия, но это крайне рискованная игра, чреватая ответными мерами.

Экологические проблемы Китая достигли катастрофических масштабов. Загрязнение воздуха в городах, отравление водных ресурсов, деградация почв, исчезновение лесов — экологическая цена экономического чуда огромна. Пекин тратит сотни миллиардов долларов на борьбу с загрязнением, но проблема далека от решения. Экологический кризис может ограничить дальнейший экономический рост, создать социальное недовольство, потребовать отвлечения ресурсов от других приоритетов.

Демографический кризис в Китае развивается медленно, но неумолимо. Десятилетия политики одного ребёнка привели к старению населения и гендерному дисбалансу. Рабочая сила сокращается, соотношение работающих и пенсионеров ухудшается, система социального обеспечения

перегружена. Китай стареет прежде, чем стал богат. Через двадцать-тридцать лет демографические проблемы станут серьёзным тормозом экономического развития. Россия, конечно, находится в ещё худшей демографической ситуации, но китайский кризис показывает, что даже гигант не защищён от этой проблемы.

Уязвимость китайских морских коммуникаций критична для экономики, зависящей от экспорта и импорта. Китайская торговля проходит преимущественно морскими путями, которые в случае конфликта могут быть перекрыты американским флотом. Китай пытается создать альтернативные сухопутные маршруты через инициативу "Один пояс, один путь", но морская торговля остаётся доминирующей. Это создаёт стратегическую уязвимость, которую США могут использовать в случае конфликта.

Следует предположить, что использование этих уязвимостей требует тонкой калибровки и понимания рисков. Слишком явная эксплуатация китайских слабостей спровоцирует жёсткую реакцию. Китай не останется пассивным наблюдателем попыток дестабилизации. Более того, у Китая есть собственные инструменты давления на Россию, которые он не колеблясь применит в ответ. Асимметричная игра должна вестись осторожно, с пониманием, что противник тоже играет и часто играет лучше.

Коалиция озабоченных: когда общий страх сильнее взаимных противоречий.

Китайская экспансия создаёт озабоченность во многих странах, от Индии до Вьетнама, от Японии до Австралии. Эти страны имеют различные интересы и противоречия между собой, но их объединяет опасение растущей мощи и напористости Пекина. Россия могла бы стать элементом неформальной коалиции акторов, стремящихся балансируировать Китай, хотя это противоречит текущей российской политике сближения с Пекином.

Создание такой коалиции наталкивается на множество препятствий. Большинство стран, озабоченных Китаем, являются союзниками или партнёрами США. Они рассматривают Россию с подозрением или враждебностью из-за украинского конфликта и авторитарного режима. Открытое антикитайское позиционирование противоречило бы российской зависимости от Пекина и спровоцировало бы жёсткую реакцию. Тем не менее, неформальная координация возможна через негласные каналы.

Обмен информацией о китайских методах экономической экспансии, политического давления, технологического шпионажа мог бы быть взаимовыгодным. Страны, столкнувшиеся с китайской "долговой дипломатией" в рамках "Одного пояса, одного пути", имеют опыт, который полезен другим. Россия, наблюдающая китайскую экономическую экспансию на Дальнем Востоке, может делиться своими наблюдениями.

Вьетнам, противостоящий китайским притязаниям в Южно-Китайском море, имеет уникальный опыт.

Совместные экономические проекты, альтернативные китайским, могли бы создать противовес. Например, транспортные коридоры, связывающие Россию с Индией через Иран и Центральную Азию, могли бы стать альтернативой китайским маршрутам. Энергетические проекты, диверсифицирующие поставки и снижающие зависимость от китайских инвестиций. Технологическое сотрудничество между странами, которые не хотят зависеть от китайских технологий.

Дипломатическая координация в международных организациях могла бы усилить позиции акторов, озабоченных китайским влиянием. ООН, ВТО, региональные форматы — везде возможна координация по вопросам, где существуют общие интересы. Россия традиционно избегает жёстких коалиций, предпочитая многовекторность, но негласная координация с заинтересованными сторонами вполне возможна.

Александр Габуев в своих работах отмечает, что "Россия упускает возможности для координации с другими странами в балансировании Китая из-за стремления не портить отношения с Пекином и из-за собственной международной изоляции". Действительно, текущая конфигурация российской внешней политики делает такую координацию крайне затруднительной. Однако в долгосрочной перспективе, если угроза китайского доминирования станет очевидной, поиск союзников может стать неизбежным.

Практически реализация коалиционной стратегии требует изменения всей парадигмы российской внешней политики. Необходимо признать, что сближение с Китаем — это не стратегический выбор, а вынужденная мера, обусловленная конфронтацией с Западом. Если цель — избежать китайской зависимости, то поиск альтернативных партнёров неизбежен. Это может потребовать болезненных компромиссов, переоценки приоритетов, отказа от привычной риторики.

Технологический шпионаж: учиться у лучших, то есть у китайцев.

Китай построил свой технологический подъём во многом на копировании, адаптации и улучшении западных и российских технологий. Промышленный шпионаж, нарушение прав интеллектуальной собственности, принудительная передача технологий как условие доступа на рынок — все эти методы применялись систематически и эффективно. Запад десятилетиями жаловался, но продолжал инвестировать в Китай, соблазнённый дешёвой рабочей силой и огромным рынком.

Россия десятилетиями была жертвой китайского копирования в военной сфере. Истребители Су-27 превратились в китайские J-11, системы ПВО С-300 стали основой для HQ-9, практически всё российское вооружение, проданное Китаю, было скопировано и воспроизведено.

Российские военные и инженеры возмущались, но мало что могли сделать. Между тем, сейчас Китай вырвался вперёд в ряде технологических областей, и Россия могла бы применить китайские же методы в обратном направлении.

Обратный инжиниринг китайских технологий мог бы частично восполнить российское технологическое отставание. Китайская электроника, телекоммуникационное оборудование, гражданские технологии часто превосходят российские аналоги или существуют там, где российских разработок вообще нет. Систематическая программа приобретения китайской техники, разборки, анализа, воспроизведения могла бы ускорить технологическое развитие.

Проблема в том, что обратный инжиниринг требует квалифицированных кадров, производственных мощностей, времени. Китай тратил десятилетия на освоение западных технологий, создавал целые институты, занимающиеся этим. Россия сейчас не обладает такими возможностями. Более того, многие современные технологии настолько сложны, что простое копирование невозможно без доступа к производственным процессам, материалам, know-how.

Привлечение китайских специалистов и учёных — это метод, который Запад успешно применял десятилетиями. Тысячи китайских студентов обучались в американских и европейских университетах, многие оставались работать, способствуя технологическому развитию. Россия могла бы попытаться привлекать китайских специалистов, предлагая конкурентные условия, но сталкивается с проблемами языкового барьера, низкой привлекательности российской науки, политических ограничений.

Промышленный шпионаж, естественно, не афишируется, но ведётся всеми крупными державами. Китайские хакеры регулярно взламывают западные корпорации и исследовательские институты, воруя интеллектуальную собственность. Россия обладает сильными киберспособностями и могла бы направить их на китайские цели. Однако это крайне рискованно — обнаружение таких операций серьёзно осложнило бы отношения, а китайские возможности кибербезопасности значительно выросли.

Можно заключить, что технологический шпионаж и заимствования могут дать краткосрочные выгоды, но не заменяют создания собственной инновационной экосистемы. Китай копировал западные технологии, но параллельно строил университеты, лаборатории, венчурную индустрию. Простое копирование без собственных исследований ведёт в тупик вечного догоняющего. России необходим баланс между заимствованием и созданием собственных компетенций.

Информационная война: использование того, о чём Пекин молчит.

Китайская информационная среда жёстко контролируется государством. "Великий китайский файрвол", цензура социальных сетей,

мониторинг коммуникаций, система социального кредита — всё это создаёт непроницаемую оболочку, защищающую режим от внешнего влияния. Однако полная изоляция невозможна, и трещины в информационном контроле существуют.

Использование внутрикитайских противоречий через информационные каналы теоретически возможно, но практически крайне затруднено. Уйгурский вопрос в Синьцзяне, где, по оценкам западных правозащитных организаций, в "лагерях перевоспитания" содержатся миллионы людей. Тибетская проблема, где подавляется религиозная и культурная идентичность. Гонконг, где протесты 2019-2020 годов были жестоко подавлены, а автономия фактически ликвидирована. Всё это болевые точки, о которых Пекин предпочитает молчать.

Освещение этих проблем в международных СМИ, поддержка правозащитных организаций, предоставление платформы китайским диссидентам — всё это методы информационного давления. Россия традиционно избегала критики Китая по правам человека, более того, часто поддерживала Пекин в международных форматах, блокируя западные инициативы. Изменение этой позиции могло бы стать сигналом, но ценой была бы серьёзная порча отношений.

Поддержка китайской оппозиции и диссидентов — это крайне опасная игра. Китайские диссиденты малочисленны, разобщены, жёстко преследуются. Западные страны предоставляют убежище некоторым из них, но эффект минимален. Россия, предоставляя платформу китайским диссидентам, вызвала бы ярость Пекина и обвинения во вмешательстве во внутренние дела. Более того, это противоречило бы основному принципу российской внешней политики — уважению суверенитета.

Информационное противодействие китайской пропаганде должно начинаться с собственного информационного пространства. Китайские СМИ активно работают в России, формируя позитивный образ Китая. Институты Конфуция продвигают китайскую культуру и язык. Китайские социальные сети и приложения набирают популярность. Всё это элементы "мягкой силы", которые формируют благоприятное отношение к Китаю и лояльность китайским интересам.

Россия должна противодействовать этому через собственную информационную политику. Критический анализ китайских намерений в российских СМИ, образование населения о рисках зависимости, мониторинг китайского информационного влияния. Однако официальная риторика противоположна — Китай представляется как друг и стратегический партнёр, критика нежелательна. Это создаёт информационную асимметрию, где китайская пропаганда работает свободно, а российская критика подавляется.

Логично утверждать, что информационные операции против Китая сопряжены с огромными рисками при минимальной эффективности. Китайский контроль над информационным пространством слишком силен,

чтобы внешние акторы могли значительно повлиять. Более того, Китай обладает мощными возможностями для ответных информационных операций, которые могли бы дестабилизировать ситуацию в России, используя внутренние противоречия, сепаратистские настроения, социальное недовольство. Информационная война с Китаем — это игра, где у России слишком много уязвимостей.

Мягкая сила: когда культура становится оружием без выстрелов.

Мягкая сила — это способность достигать целей через привлекательность культуры, ценностей, образа жизни, а не через принуждение или подкуп. Китай активно инвестирует в мягкую силу, хотя и с ограниченным успехом. Институты Конфуция, китайское кино и музыка, студенческие обмены, гуманитарная помощь — всё это элементы китайской мягкой силы. Однако китайская культура и ценности имеют ограниченную универсальную привлекательность по сравнению с западной культурой.

Россия обладает значительным потенциалом мягкой силы, который недостаточно используется. Русская литература, музыка, балет, кинематограф, научные достижения создали культурное влияние, которое сохраняется в постсоветских странах и частично на Западе. Русский язык остается важным средством коммуникации в Евразии. Российское образование, хотя и деградировавшее, всё ещё привлекает студентов из развивающихся стран.

Позиционирование России как европейской цивилизации, альтернативной китайской, могло бы быть элементом стратегии. Для многих стран Азии, озабоченных китайским доминированием, Россия могла бы представлять иной культурный и цивилизационный выбор. Европейские корни российской культуры, христианство, связи с западной интеллектуальной традицией — всё это отличает Россию от Китая.

Проблема в том, что российская мягкая сила серьёзно подорвана авторитарным дрейфом, международной изоляцией, ассоциацией с агрессией и нарушением международного права. Украинский конфликт разрушил значительную часть российской привлекательности. Страны, которые могли бы видеть в России альтернативу Китаю, теперь видят ещё один авторитарный режим, ведущий агрессивную политику.

Популяризация русского языка и культуры в странах, озабоченных Китаем, требует инвестиций и долгосрочной стратегии. Российские культурные центры, программы обучения русскому языку, студенческие обмены, переводы русской литературы, показы российских фильмов — всё это инструменты мягкой силы. Однако финансирование этих программ минимально по сравнению с китайскими или западными аналогами.

Академические обмены и культурные программы могли бы создавать сети влияния и понимания. Российские университеты могли бы привлекать студентов из Индии, Вьетнама, Центральной Азии, предлагая качественное

образование и альтернативу китайскому или западному влиянию. Культурные фестивали, художественные выставки, музыкальные туры — всё это создаёт позитивный образ и связи между людьми.

Имеются основания считать, что развитие мягкой силы — это долгосрочная инвестиция, которая не даёт немедленных результатов, но создаёт фундамент для влияния. Китай понял это и вкладывает миллиарды в мягкую силу, хотя результаты пока скромные. России с её богатым культурным наследием было бы легче, но требуется политическая воля, финансирование и системный подход. Пока что российская мягкая сила остаётся нереализованным потенциалом.

Можно сделать вывод, что асимметричные стратегии и нестандартные подходы представляют собой набор инструментов, которые могут частично компенсировать слабость России в симметричном противостоянии с Китаем. Использование китайских уязвимостей, координация с другими озабоченными странами, технологические заимствования, информационные операции, мягкая сила — каждое из этих направлений имеет потенциал, но и серьёзные ограничения.

Критически важно понимать, что асимметричные методы не заменяют фундаментальных реформ и стратегических изменений. Невозможно хитростью компенсировать десятикратное экономическое отставание. Нельзя информационными операциями заполнить демографическую пустыню Дальнего Востока. Промышленный шпионаж не создаст инновационную экосистему. Мягкая сила не защитит от экономической экспансии.

Более того, многие асимметричные методы сопряжены с рисками эскалации и ответных мер. Китай не беспомощная жертва, а искусшённый геополитический игрок, который сам мастерски владеет асимметричными инструментами. Попытки эксплуатировать китайские уязвимости встретят контрмеры, которые могут оказаться более разрушительными для России, чем для Китая. Россия имеет больше уязвимостей — территориальную целостность под вопросом, этнические противоречия, экономическую слабость, технологическое отставание.

Парадокс асимметричной стратегии в том, что она работает лучше всего как дополнение к симметричной силе, а не как её замена. Китай использовал асимметричные методы в период слабости, но параллельно наращивал симметричную мощь — экономику, технологии, военный потенциал. Когда симметричная сила достигла критической массы, необходимость в асимметрии уменьшилась. России нужно то же самое — использовать асимметричные методы для выигрыша времени, но главные усилия направить на создание симметричной силы через экономическое развитие, технологическую независимость, институциональные реформы.

Есть все основания полагать, что без фундаментальных изменений в экономике, демографии, технологиях, институтах никакие асимметричные хитрости не спасут Россию от превращения в зависимого младшего партнёра

Китая. Асимметричные стратегии — это тактика, которая может улучшить позиции в краткосрочной перспективе. Но стратегически решение лежит в трансформации самой России, в создании экономики, которая не зависит от сырьевого экспорта, общества, которое производит детей и технологии, институтов, которые работают эффективно и честно.

Китай стал сильным не потому, что хитро играл против Запада, а потому что провёл фундаментальные реформы, открыл экономику, инвестировал в образование и технологии, создал работающие институты. Хитрость и асимметрия помогли, но не были главным фактором. России нужен собственный путь реформ, адаптированный к российским условиям и вызовам. Асимметричные стратегии могут купить время для этих реформ, но не заменят их. Вопрос в том, будет ли это время использовано для реальных изменений или растрячено на имитацию и сохранение статус-кво, который медленно, но неумолимо ведёт к утрате суверенитета.

ГЛАВА 12. ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ И ДОРОЖНАЯ КАРТА: ОТ СТРАТЕГИИ К ДЕЙСТВИЮ

Предыдущие семь глав последовательно выстроили многоуровневую стратегию снижения российской зависимости от Китая. Философское понимание китайского мышления, осознание масштаба проблемы, экономическая диверсификация, демографическая политика, технологическая независимость, geopolитическое маневрирование, военная безопасность, асимметричные подходы — каждое направление критически важно и взаимосвязано с другими. Однако любая стратегия остаётся абстракцией до тех пор, пока не превращается в конкретный план действий с чёткими этапами, сроками, ответственными и измеримыми результатами.

История полна примеров блестящих стратегий, которые так и остались на бумаге из-за отсутствия политической воли, ресурсов или банальной неспособности перевести замысел в реальность. Россия последних трёх десятилетий создала целую индустрию стратегических документов, концепций, программ развития, которые торжественно принимались на высшем уровне, финансировались из бюджета и тихо умирали, не дав результатов. "Сколково", импортозамещение, цифровизация, прорывные технологии — список провалившихся инициатив длинен и печален.

Критически важно не повторить эту ошибку в вопросе, от которого зависит суверенитет страны. Стратегия снижения зависимости от Китая не может быть очередной программой, которую напишут в министерстве, отправят в архив и забудут. Это должна быть живая дорожная карта с чёткими краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными шагами, с механизмами мониторинга выполнения, с системой ответственности за результат. Конечно, условие для этого — политическая воля, которой сейчас нет, и институциональная способность реализовывать масштабные программы, которая деградировала.

Тем не менее, даже в отсутствие идеальных условий необходимо сформулировать практический план, который мог бы быть реализован, если политическая ситуация изменится или если текущее руководство осознает масштаб угрозы. Эта глава представляет собой реалистичную дорожную карту с разбивкой по временным горизонтам и индикаторами успеха, которые позволяют отслеживать прогресс или его отсутствие.

Первые три года: когда счёт идёт на месяцы.

Краткосрочный период первых трёх лет критически важен потому, что именно сейчас, пока ещё сохраняется минимальная свобода маневра, необходимо заложить фундамент для всех последующих шагов. Каждый год промедления сужает окно возможностей, делает зависимость более глубокой, повышает цену разворота. Первоочередные меры должны остановить

наиболее опасные тенденции и создать базу для среднесрочной трансформации.

Аудит зависимости от Китая и проникновения должен стать самым первым шагом, предшествующим всем остальным. Невозможно бороться с проблемой, масштаб которой не измерен. Необходимо детальное картирование всех критических зависимостей по секторам экономики, регионам, технологиям. Какие отрасли полностью зависят от китайских поставок? Какие технологии невозможно заменить в краткосрочной перспективе? Какие регионы экономически интегрированы в китайскую систему? Какие активы принадлежат китайским компаниям или находятся под их контролем?

Этот аудит должен проводиться не формально, как очередная отчётность для галочки, а как серьёзное стратегическое исследование с привлечением независимых экспертов, проверкой данных, анализом рисков. Результаты должны быть представлены руководству страны в виде честного доклада, не приукрашивающего реальность. Именно на основе этого аудита должны приниматься все последующие решения о приоритетах и распределении ресурсов.

Ужесточение контроля над китайскими инвестициями в стратегические активы необходимо немедленно. Россия, испытывающая острый дефицит инвестиций, принимает китайские деньги практически без разбора, позволяя скупать активы в энергетике, инфраструктуре, технологических компаниях. Это создаёт структурные зависимости, от которых будет трудно освободиться в будущем. Необходим механизм проверки иностранных инвестиций, аналогичный американскому CFIUS, который блокировал бы сделки, угрожающие национальной безопасности.

Практически это означает законодательные изменения, создание специального межведомственного органа, разработку критериев оценки рисков, обучение специалистов. Китай будет крайне негативно реагировать на такие меры, обвиняя Россию в протекционизме и нарушении духа партнёрства. Тем не менее, это необходимый шаг для защиты стратегических интересов. Западные страны давно применяют такие механизмы в отношении китайских инвестиций, и небо не упало.

Начало программ по заселению Дальнего Востока должно стартовать немедленно, хотя результаты проявятся только в долгосрочной перспективе. Первые три года — это разработка программы, выделение земельных участков с подведённой инфраструктурой, создание финансовых механизмов поддержки переселенцев, строительство первых объектов инфраструктуры. Необходимо привлечь хотя бы 100-200 тысяч человек к программе переселения за эти годы, создать несколько успешных пилотных проектов, которые покажут, что программа работает.

Диверсификация торговых партнёров требует активной дипломатической и экономической работы. За три года необходимо существенно увеличить торговлю с Индией, странами Ближнего Востока,

Латинской Америки, Африки. Это требует не только политической воли, но и конкретных шагов — торговых миссий, выставок, упрощения процедур, логистической поддержки, возможно, субсидирования экспорта в приоритетных направлениях. Целевой показатель — снижение доли Китая в российском экспорте хотя бы на 5-10% за три года.

Установление контактов с Индией и другими противовесами Китаю должно стать приоритетом внешней политики. Визиты на высшем уровне, подписание соглашений о стратегическом партнёрстве, конкретные проекты в энергетике, обороне, технологиях. Индия особенно важна как естественный противовес Китаю с собственными геополитическими амбициями. За три года необходимо заложить основу для долгосрочного стратегического альянса, который мог бы частично балансирует китайское влияние.

Можно сделать вывод, что краткосрочные меры — это в основном подготовительная работа, создание условий и механизмов для последующей трансформации. Фундаментальные изменения за три года невозможны, но можно остановить наиболее опасные тенденции, провести диагностику, запустить первые программы. Главное — не откладывать начало, потому что через три года ситуация станет ещё более сложной.

Среднесрочная перспектива: пять лет на изменение траектории.

Период с третьего по седьмой год — это время, когда должны проявиться первые результаты краткосрочных мер и начаться реальная структурная трансформация. Именно в этот период решается, сможет ли Россия изменить траекторию скольжения в китайскую зависимость или процесс станет необратимым.

Структурная трансформация экономики от сырьевой к диверсифицированной должна стать центральной задачей этого периода. За пять лет невозможно полностью изменить структуру экономики, но можно заложить основы для будущих изменений. Развитие обрабатывающих производств с высокой добавленной стоимостью, создание технологических кластеров, поддержка малого и среднего бизнеса, диверсификация экспорта — всё это требует масштабных инвестиций, институциональных реформ, изменения системы стимулов.

Александр Аузан в своих работах о российской экономике подчёркивает, что "структурная трансформация невозможна без институциональных реформ, создающих правильные стимулы для бизнеса и инвесторов". Действительно, пока коррупция съедает инвестиции, суды не защищают собственность, а бюрократия душит инициативу, никакие программы развития обрабатывающей промышленности не сработают. Поэтому структурная трансформация экономики неразрывно связана с институциональными реформами.

Развитие собственных технологических компетенций в критических областях должно показать первые результаты к седьмому году. Микроэлектроника на технологических нормах 28-65 нанометров, отдельные направления в ИИ, кибербезопасность, биотехнологии — по этим направлениям за пять лет можно создать базовые компетенции, если инвестировать достаточно ресурсов и привлечь необходимых специалистов. Это потребует десятков миллиардов долларов инвестиций, возвращения хотя бы части эмигрировавших специалистов, создания эффективных исследовательских центров.

Существенное увеличение населения восточных регионов — это задача, которая начнёт показывать результаты к концу среднесрочного периода. Если программа заселения Дальнего Востока будет реализована эффективно, за пять лет можно привлечь 500 тысяч — 1 миллион человек. Это всё ещё капля в море на фоне огромной территории, но это остановит депопуляцию и покажет, что тренд можно переломить. Критически важно, чтобы переселенцы оставались, а не уезжали через год-два, разочаровавшись в условиях.

Создание альтернативных Китаю торговых и инвестиционных связей должно стать реальностью к седьмому году. Торговый оборот с Индией, странами Ближнего Востока, АСЕАН должен увеличиться кратно. Инвестиции из стран Персидского залива, Турции, Индии должны частично заместить китайские. Транспортные коридоры, связывающие Россию с альтернативными партнёрами, должны заработать. Доля Китая в российской торговле должна снизиться до 15-20% вместо нынешних 20-25%.

Начало нормализации отношений с Западом — это самая сложная и политически болезненная задача среднесрочного периода. Полная нормализация невозможна за пять лет, учитывая глубину противоречий и взаимного недоверия. Однако можно начать процесс через частичное урегулирование конфликтов, ограниченное снятие санкций в обмен на уступки, восстановление диалога на экспертном уровне, возобновление отдельных проектов сотрудничества. Это потребует политического мужества, готовности к компромиссам, преодоления идеологических барьеров.

Имеются основания считать, что среднесрочный период — это критическое окно возможностей. Если за эти пять лет удастся запустить структурную трансформацию, диверсифицировать экономику, начать заселение Дальнего Востока, создать альтернативные связи, то появится шанс на успех долгосрочной стратегии. Если же эти годы будут потеряны, процесс превращения в китайского вассала станет необратимым.

Долгосрочная перспектива: пятнадцать лет до нового статуса.

Период с седьмого по пятнадцатый год — это время, когда должна завершиться трансформация России из сырьевого придатка, зависимого от одного партнёра, в диверсифицированную экономику с технологическими компетенциями, демографически устойчивыми восточными регионами и сбалансированной внешней политикой. Пятнадцать лет — это примерно одно поколение, достаточный срок для фундаментальных изменений, если работа ведётся последовательно.

Превращение в технологически развитую экономику означает, что к пятнадцатому году Россия должна производить значительную часть критических технологий самостоятельно или в партнёрстве с дружественными странами. Собственное производство чипов для большинства применений, разработки в области ИИ, биотехнологии, новые материалы, возобновляемая энергетика — по всем этим направлениям Россия должна обладать компетенциями, позволяющими не зависеть от одного источника технологий. Доля высокотехнологичного экспорта должна вырасти с нынешних жалких процентов до хотя бы 15-20% от общего экспорта.

Заселение и экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока к пятнадцатому году должно показать, что регион превратился в динамично развивающуюся часть страны, а не депрессивную периферию. Население региона должно вырасти хотя бы до 10-12 миллионов человек, должны появиться новые города, развитая инфраструктура, диверсифицированная экономика. Региональные элиты должны быть интегрированы в общероссийское пространство, а не смотреть на Китай как на единственный источник возможностей.

Создание баланса сил в Азии с Россией как одним из центров — это амбициозная, но реалистичная цель для пятнадцатилетнего горизонта. Россия не может конкурировать с Китаем экономически, но может стать одним из нескольких региональных центров, балансирующих китайское влияние. Стратегический альянс с Индией, партнёрства с АСЕАН, нормализованные отношения с Японией и Южной Кореей, восстановление влияния в Центральной Азии — всё это элементы многополярной Азии, где Россия играет самостоятельную роль.

Уменьшение зависимости от Китая до управляемого уровня означает, что через пятнадцать лет доля Китая в российской торговле должна составлять не более 10-15%, технологические зависимости диверсифицированы, критические инфраструктурные объекты не находятся под китайским контролем, валютные резервы размещены в нескольких валютах. Это не означает разрыва отношений с Китаем — торговля в 100-150 миллиардов долларов вполне возможна, но это будут отношения партнёров, а не зависимого и донора.

Восстановление статуса полноценного субъекта международных отношений — это итоговая цель всей стратегии. Через пятнадцать лет Россия должна вернуть способность проводить независимую политику, основанную

на собственных интересах, а не на необходимости угодить единственному крупному партнёру. Это требует экономической силы, технологической независимости, демографической устойчивости, сбалансированных внешних связей — всего того, что должно быть создано за эти годы.

Следует предположить, что пятнадцатилетний горизонт планирования кажется нереалистично долгим для современной российской политики, где доминирует краткосрочное мышление. Однако именно такой временной масштаб необходим для фундаментальных трансформаций. Китай планировал своё развитие десятилетиями и достиг успеха. Россия должна заново научиться долгосрочному стратегическому планированию, если хочет сохранить суверенитет.

Индикаторы успеха: как измерить то, что не поддаётся простому счёту.

Любая стратегия требует системы мониторинга, позволяющей отслеживать прогресс или его отсутствие. Необходимы чёткие, измеримые индикаторы, которые будут регулярно оцениваться и публиковаться. Система индикаторов должна охватывать все критические направления стратегии.

Снижение доли Китая во внешней торговле России — это наиболее простой и очевидный индикатор. Целевые показатели: через три года — снижение до 18-20%, через семь лет — до 15%, через пятнадцать лет — до 10-12%. Мониторинг ежеквартальный на основе таможенной статистики. Любое отклонение от траектории должно вызывать вопросы и корректировку политики.

Рост населения Дальнего Востока — критически важный демографический индикатор. Целевые показатели: через три года — прекращение сокращения населения, через семь лет — рост на 500 тысяч — 1 миллион человек, через пятнадцать лет — население региона 10-12 миллионов. Мониторинг ежегодный на основе переписи и регистрации населения. Важны не только цифры прироста, но и возрастная структура — должна расти доля молодого трудоспособного населения.

Увеличение доли высокотехнологичного экспорта — индикатор структурной трансформации экономики. Целевые показатели: через три года — рост с нынешних 2-3% до 5%, через семь лет — до 10%, через пятнадцать лет — до 15-20%. Мониторинг ежегодный на основе классификации экспортимемых товаров. Критически важно честно классифицировать экспорт, не записывая в высокотехнологичный то, что таковым не является.

Диверсификация источников технологий и инвестиций измеряется через доли различных стран в технологическом импорте и прямых иностранных инвестициях. Целевые показатели: через три года — доля Китая в технологическом импорте снижена до 25%, через семь лет — до 15%, через пятнадцать лет — до 10%. Доля китайских инвестиций в общем объёме ПИИ:

через три года — не более 30%, через семь — не более 20%, через пятнадцать — не более 10-15%.

Укрепление позиций России в Центральной Азии — более сложный для измерения, но критически важный индикатор. Можно использовать долю России в торговле центральноазиатских стран, объём российских инвестиций, количество студентов из Центральной Азии в российских университетах, результаты социологических опросов о восприятии России в регионе. Целевой тренд — стабилизация или рост этих показателей вместо нынешнего снижения.

Необходимо отметить, что система индикаторов должна быть прозрачной, регулярно публиковаться, обсуждаться экспертным сообществом. Ответственность за достижение показателей должна быть персонализирована — конкретные министры и чиновники должны отвечать за конкретные индикаторы. Провал в достижении целевых показателей должен иметь последствия, иначе вся система мониторинга превратится в очередную имитацию.

Реализм без пораженчества: признать правду и действовать.

Честность в оценке ситуации — это первое условие успеха любой стратегии. Необходимо признать неудобные истины, которые российская элита предпочитает игнорировать. Полностью «переиграть» Китай невозможно. Экономика в десять раз больше, население в десять раз многочисленнее, технологический потенциал значительно выше, дисциплина и эффективность управления на порядок лучше. Россия не сможет конкурировать с Китаем симметрично по всем направлениям.

Однако признание невозможности победы не означает принятие поражения. Вполне возможно избежать превращения в сателлита, сохранить субъектность, защитить жизненно важные интересы. История знает множество примеров, когда меньший сохранял независимость от большего через правильную стратегию, использование уязвимостей противника, создание союзов, развитие собственных сильных сторон.

Окно возможностей стремительно сужается, и действовать нужно немедленно. Каждый год промедления делает зависимость глубже, альтернативы меньше, цену разворота выше. Через пять-десять лет при сохранении нынешних трендов зависимость от Китая может стать настолько глубокой, что освобождение станет невозможным без катастрофических издержек. Время не на стороне России — демография ухудшается, технологический разрыв растёт, экономика стагнирует, международная изоляция углубляется.

Цена бездействия — это необратимая потеря суверенитета. Через двадцать-тридцать лет при сохранении текущей траектории Россия может формально оставаться независимым государством, но фактически превратиться в ресурсный придаток Китая. Дальний Восток и Сибирь будут

экономически интегрированы в китайскую систему, критические решения будут приниматься с оглядкой на Пекин, возможность проводить независимую политику исчезнет. Это не алармизм, а трезвая экстраполяция нынешних тенденций.

Политическая воля — это критический фактор, без которого все стратегии бесполезны. Самый блестящий план останется на бумаге, если нет воли к его реализации. Российская история последних десятилетий полна примеров программ, которые провалились не из-за плохого дизайна, а из-за отсутствия воли к их реализации. Коррупция съела деньги, бюрократия задушила инициативу, групповые интересы элит заблокировали неудобные реформы.

Необходимость болезненных реформ и непопулярных решений неизбежна. Борьба с коррупцией затронет интересы влиятельных групп. Структурная трансформация экономики потребует перераспределения ресурсов от сырьевого сектора к обрабатывающему. Заселение Дальнего Востока потребует масштабных бюджетных расходов. Нормализация отношений с Западом потребует болезненных компромиссов. Всё это встретит сопротивление, и только сильная политическая воля может преодолеть его.

Преодоление групповых интересов элит — это, возможно, самый сложный вызов. Нынешняя система выстроена так, что элиты извлекают ренту из сырьевого экспорта, коррупции, связей с властью. Любые реформы угрожают этим источникам дохода и встретят ожесточённое сопротивление. Без готовности противостоять этому сопротивлению, возможно, жертвуя поддержкой части элит, реформы невозможны.

Долгосрочное мышление вместо краткосрочной выгоды — это культурный сдвиг, который необходим на всех уровнях управления. Современная российская элита мыслит горизонтом следующих выборов или, в лучшем случае, нескольких лет. Инвестиции в образование, технологии, инфраструктуру дают отдачу через десятилетия, что не вписывается в логику краткосрочной максимизации прибыли. Китай научился мыслить поколениями, Россия должна заново обрести эту способность.

Альтернатива: сценарий капитуляции без боя.

Продолжение текущего курса при отсутствии стратегических изменений ведёт к предсказуемому результату. Россия постепенно, но неумолимо превращается в китайскую ресурсную колонию. Это не будет формальная аннексия или оккупация — современный мир не работает так. Это будет экономическое доминирование, которое сделает формальный суверенитет пустой оболочкой.

Китайские компании будут контролировать ключевые активы российской экономики — от нефтегазовых месторождений до транспортной инфраструктуры. Российская экономика будет полностью зависеть от

китайского рынка, технологий, инвестиций. Любые политические решения будут приниматься с оглядкой на реакцию Пекина. Дальний Восток и Сибирь экономически интегрируются в китайскую систему, региональные элиты будут больше зависеть от Китая, чем от Москвы.

Возможная потеря Дальнего Востока и Сибири де-факто или де-юре — это не фантастический сценарий, а вполне реальная перспектива при определённом развитии событий. Если федеральный центр ослабнет в результате политического кризиса, экономического коллапса или военного поражения, региональные элиты могут прийти к выводу, что им выгоднее интегрироваться с Китаем, чем оставаться частью разваливающейся России. Китаю не нужно будет применять силу — достаточно предложить экономическую помощь, инвестиции, рабочие места.

Полная зависимость от китайской экономики и политики означает утрату способности проводить независимый курс. Россия превратится в то, чем была Монголия в XX веке для СССР — формально независимое государство, фактически полностью зависимое от более сильного соседа. Любые внешнеполитические шаги будут согласовываться с Пекином. Любые экономические решения будут приниматься с учётом китайских интересов. Суверенитет станет фикцией.

Утрата статуса великой державы навсегда — это итог сценария бездействия. Россия станет региональной силой с ядерным оружием, но без экономической мощи, технологического потенциала, демографических ресурсов. Ядерный арсенал будет давать иллюзию силы, но не реальное влияние. Место в Совбезе ООН сохранится, но будет всё менее значимым. Россия окажется на периферии глобальной системы, объектом чужой политики, а не субъектом собственной.

Есть все основания полагать, что этот сценарий реализуется, если не будет радикального изменения курса. Нынешняя траектория ведёт именно к этому исходу. Каждый год, проведённый в бездействии, приближает к точке невозврата. Поэтому вопрос не в том, нужны ли изменения — они безусловно нужны. Вопрос в том, будет ли политическая воля и институциональная способность эти изменения провести.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанного анализа, необходимо признать: ситуация, в которой оказалась Россия в отношениях с Китаем, является критической и с каждым годом становится всё менее обратимой. Фактически, на страницах этой книги была предпринята попытка системно описать процесс, который обычно остаётся за пределами публичной дискуссии — процесс постепенного, методичного превращения России из самостоятельного геополитического субъекта в ресурсный придаток и младшего партнёра Китайской Народной Республики. Тем не менее цель этой работы заключалась не в том, чтобы вызвать панику или культивировать синофобию, а в том, чтобы трезво оценить реальность и предложить стратегии, которые могли бы изменить траекторию развития событий.

Ключевой вывод, который следует из всего изложенного: Китай рассматривает Россию исключительно как временный актив, полезность которого определяется конкретными обстоятельствами. В отличие от российской риторики о «стратегическом партнёрстве на века», китайские стратеги прекрасно понимают структурную слабость России — демографический кризис, экономическую стагнацию, технологическое отставание, персонализацию власти и неопределенность политического будущего. Вероятно, в Пекине уже сейчас существуют детальные сценарии постпутинской России, включая варианты фрагментации, ослабления центральной власти и возможного установления де-факто контроля над ресурсными регионами Сибири и Дальнего Востока. Китай терпеливо ждёт, методично создавая экономические зависимости и укрепляя позиции.

Альтернатива предлагаемой стратегии сопротивления предельно ясна и крайне неприглядна. При сохранении текущих тенденций через 15-20 лет Россия окажется в положении, когда её экономика будет полностью интегрирована в китайскую систему, восточные регионы экономически и демографически контролируются Пекином, а технологическая пропасть достигнет такой величины, что любая попытка вырваться из зависимости станет невозможной без катастрофических последствий. Фактически речь идёт о утрате суверенитета при формальном сохранении государственности — классическая модель протектората XXI века, где формально независимое государство де-факто не способно проводить политику, противоречащую интересам доминирующей державы.

Есть все основания полагать, что критический момент выбора наступит значительно раньше — в течение ближайших 5-7 лет. Именно в этот период станет окончательно ясно, способна ли Россия на структурные реформы, диверсификацию экономики и выстраивание более сбалансированной внешней политики, или же инерция и групповые интересы элит окончательно заведут страну в тупик китайской зависимости. Окно возможностей сужается с каждым месяцем — каждый новый долгосрочный контракт на поставку ресурсов на невыгодных условиях, каждая китайская

инвестиция в стратегические активы, каждый проект по аренде земель на Дальнем Востоке делают разворот всё более болезненным и сложным.

Центральный вопрос, на который эта книга не может дать однозначного ответа: существует ли в российской политической системе достаточная воля для реализации предложенных стратегий? История показывает, что авторитарные системы, построенные вокруг одного лидера, крайне плохо справляются с долгосрочным стратегическим планированием и болезненными структурными реформами. Коррупция, групповые интересы элит, стремление к краткосрочной личной выгоде систематически блокируют любые попытки серьёзных преобразований. В таком случае даже самая детально проработанная стратегия останется на бумаге, а страна продолжит двигаться по траектории нарастающей зависимости от Китая.

Тем не менее, капитуляция перед сложностью задачи означала бы признание исторического поражения России как самостоятельной цивилизации. Если существует хотя бы минимальный шанс изменить траекторию — а он существует, пока Россия сохраняет ядерный потенциал, контроль над территорией и остатки технологической базы — этот шанс необходимо использовать. Альтернатива слишком страшна: превращение в сырьевой придаток Китая, постепенная потеря восточных территорий, окончательная утрата статуса великой державы и, весьма вероятно, фрагментация страны в период неизбежного политического транзита.

Завершая эту работу, хочется обратиться к тем, кто принимает решения, определяющие будущее России. Китай — не союзник и не враг, это рациональный геополитический конкурент, методично реализующий свои национальные интересы. Попытки выстроить отношения на основе идеологической близости или исторической дружбы обречены. Единственный язык, который Пекин понимает — это язык реальной силы, экономической мощи, технологической конкурентоспособности и способности защищать свои интересы. Пока Россия слабеет, она будет всё более удобным объектом для китайской стратегии. Только восстановив силу — экономическую, технологическую, демографическую — можно рассчитывать на отношения взаимного уважения. Время для этого восстановления стремительно истекает. История не прощает тех, кто проспал момент выбора. Выбор — сейчас.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексашенко, С. В. Россия в меняющемся мире / С. В. Алексашенко // Вопросы экономики. — 2018. — № 7. — С. 5–23.
2. Арбатов, А. Г. Военная реформа в России: три года спустя / А. Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. — 2012. — № 3. — С. 92–108.
3. Баранов, А. В. Центральная Азия в условиях геополитического соперничества / А. В. Баранов // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2018. — № 3. — С. 45–67.
4. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. — 2-е изд. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 488 с. — Тираж 1500 экз.
5. Вишневский, А. Г. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А. Г. Вишневский. — М.: Новое издаельство, 2006.— (Библиотека журнала «Новое литературное обозрение»). — Тираж 1000 экз.
6. Вогель, Э. Ф. Дэн Сяопин и трансформация Китая / Эзра Ф. Вогель; пер. с англ. В. В. Горбатовой, А. Ю. Калинина и др.; под науч. ред. Г. А. Чуфрина. — М.: Издательство Института Дальнего Востока РАН, 2015. — Тираж 1000 экз.
7. Воробьёв, В. П. Пограничная политика КНР: история и современность / В. П. Воробьёв. — Владивосток: Дальнаука, 2010. — Тираж 500 экз.
8. Габуев, А. Т. Большая игра на Дальнем Востоке: как Китай проигрывает России в борьбе за влияние в Центральной Азии и выигрывает её в борьбе за Сибирь / А. Т. Габуев // Россия в глобальной политике. — 2015. — № 5.
9. Габуев, А. Т. «Друзья в беде?»: Россия и Китай после украинского кризиса / А. Т. Габуев // Россия в глобальной политике. — 2016. — № 2.— URL: <https://globalaffairs.ru/articles/druzya-v-bede/> (дата обращения: 15.11.2024).
10. Гайдар, Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РОССПЭН, 2006. — 448 с. — Тираж 5000 экз. — С. 234–289.
11. Гельман, В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР / В. Я. Гельман. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013. — 272 с. — Тираж 2000 экз. — С. 156–198.
12. Гинзбург, В. Л. О науке, о себе и о других / В. Л. Гинзбург. — 3-е изд., доп. — М.: Физматлит, 2003. — 496 с. — Тираж 3000 экз. — С. 234–267.
13. Гуриев, С. М. Миры экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики / С. М. Гуриев. — М.: Альпина Паблишер, 2019. — Тираж 3000 экз.

- 14.Дынкин, А. А. Инновационная экономика / А. А. Дынкин, Н. И. Иванова. — М.: Наука, 2004. — 352 с. — Тираж 1500 экз.
- 15.Зенгер, Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия / Харро фон Зенгер; пер. с нем. А. Д. Иорданского. — М.: Прогресс, Культура, 1995. — Т. 1. — 384 с. — Тираж 10000 экз.
- 16.Зубаревич, Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н. В. Зубаревич. — М.: Независимый институт социальной политики, 2010. — 160 с. — Тираж 1000 экз. — С. 89–112.
- 17.Иноземцев, В. Л. Несовременная страна: Россия в мире XXI века / В. Л. Иноземцев. — М.: Альпина Паблишер, 2018. — 402 с. — Тираж 2000 экз. — С. 267–312.
- 18.Кашин, В. Б. Военно-техническое сотрудничество России и Китая: настоящее и будущее / В. Б. Кашин // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 2.
- 19.Кашин, В. Б. Россия и Китай в XXI веке: проблемы взаимодействия и сотрудничества / В. Б. Кашин // Проблемы Дальнего Востока. — 2020. — № 5.
- 20.Киссинджер, Г. О Китае / Генри Киссинджер; пер. с англ. В. Н. Верченко. — М.: АСТ, 2013. — (Историческая библиотека). — Тираж 4000 экз.
- 21.Кокошин, А. А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем / А. А. Кокошин. — М.: КРАСАНД, 2009. — 248 с. — Тираж 1000 экз.
- 22.Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А. В. Лукин. — М.: Восток–Запад, АСТ, 2007. — Тираж 3000 экз.
- 23.Лукин, А. В. Россия и Китай: новая модель отношений / А. В. Лукин // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 2.
- 24.Лукин, А. В. Россия и Китай сегодня: партнёрство, а не союз / А. В. Лукин // Россия в глобальной политике. — 2019. — № 4.
- 25.Минакир, П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / П. А. Минакир; отв. ред. А. Г. Гранберг. — М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2006. — 848 с. — (Экономика регионов России). — Тираж 1500 экз. — С. 234–289.
- 26.Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Джозеф Най; пер. с англ. В. И. Супруна. — Новосибирск: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. — 398 с. — Тираж 2000 экз.
- 27.Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. — Тираж 6800 экз.
- 28.Переломов, Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба / Л. С. Переломов. — М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. — Тираж 15000 экз.

29. Подберёзкин, А. И. Третья мировая война против России: введение к исследованию / А. И. Подберёзкин. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 169 с. — Тираж 1500 экз.
30. Полтерович, В. М. Трансплантация экономических институтов / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3. — С. 24–50.
31. Поряков, В. Я. Восточная политика России и экономическое сотрудничество со странами АТР / В. Я. Поряков // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61. — № 12.
32. Поряков, В. Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы / В. Я. Поряков. — М.: ИД «ФОРУМ», 2013. — Тираж 500 экз.
33. Пэй, М. Китайская ловушка: застойный авторитаризм и пределы политических реформ / Минсюэ Пэй; пер. с англ. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 368 с. — Тираж 1000 экз.
34. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в России: глобальные вызовы и политические ответы / С. В. Рязанцев. — М.: Экономика, 2016. — 350 с. — Тираж 800 экз.
35. Симонов, К. В. Энергетическая безопасность России / К. В. Симонов // Международные процессы. — 2006. — Т. 4. — № 3. — С. 48–63.
36. Спенс, Дж. В поисках современного Китая / Джонатан Спенс; пер. с англ. — СПб.: Академический проект, 2011. — Тираж 2000 экз.
37. Титаренко, М. Л. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / М. Л. Титаренко. — М.: Памятники исторической мысли, 2013. — Тираж 1000 экз.
38. Титова, В. В. Миграционная политика России: особенности формирования и реализации / В. В. Титова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2019. — № 2. — С. 78–94.
39. Ткаченко, А. А. Демографические проблемы Дальнего Востока России / А. А. Ткаченко // Проблемы прогнозирования. — 2018. — № 4. — С. 134–146.
40. Тренин, Д. В. Россия и мир в XXI веке / Д. В. Тренин. — М.: Эксмо, 2015. — Тираж 2000 экз.
41. Фельгенгауэр, П. Р. Вооружённые силы России: реформа или деградация? / П. Р. Фельгенгауэр // Pro et Contra. — 2011. — Т. 15. — № 1-2. — С. 112–134.
42. Фэйрбэнк, Дж. К. Китай: традиции и трансформация / Джон К. Фэйрбэнк, Мерл Голдман; пер. с англ. — СПб.: Издательство журнала «Нева», 2002. — Тираж 5000 экз.
43. Хань Фэй-цзы / пер. с кит., вступ. ст. и comment. В. Ф. Сорокина; под ред. Л. С. Переломова // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. — М.: Мысль, 1973. — Т. 2. — Тираж 50000 экз.

44. Цывинский, О. В. Институты и развитие / О. В. Цывинский, С. М. Гуриев // Вопросы экономики. — 2015. — № 6. — С. 36–58.
45. Шабров, О. Ф. Политическое управление на Дальнем Востоке России / О. Ф. Шабров // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 5. — С. 112–128.
46. Шамбо, Д. Очарование Китая: глобальная экспансия мягкой силы / Дэвид Шамбо // Россия в глобальной политике. — 2015. — № 4. — С. 8–23.
47. Юсупов, Р. М. Информационная безопасность: проблемы и перспективы / Р. М. Юсупов // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. — 2017. — № 1. — С. 7–1
48. Downs, E. S. China's Quest for Energy Security / Erica S. Downs // RAND Corporation. — Santa Monica, CA: RAND, 2000. — 119 p. — (RAND Report MR-1244-AF).
49. Gabuev, A. Crouching Bear, Hidden Dragon: "One Belt One Road" and Chinese-Russian Jostling for Power in Central Asia / Alexander Gabuev // The Jamestown Foundation. — 2016. — China Brief Vol. 16. — No. 10. — P. 5–9.